

06
С-

ISSN 0131-677X

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1986

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ—1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
М. З. ЗАКИЕВ, С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ,
Х. Г. КОРОГЛЫ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор).

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. Ф. БЛАГОВА

ПОТЕНЦИАЛЬНО ГРАММАТИЧЕСКИЕ СОДЕРЖАНИЯ И ИХ МЕЖУРОВНЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Для изучения истории тюркских языков, как нам думается, может оказаться небесполезным понятие «потенциально грамматические содержания», которым пользуется А. В. Бондарко¹. Под потенциально грамматическими содержаниями понимаются такие, которые в принципе в том или ином языке могут быть выражены грамматически, однако в данном конкретном языке еще не сложилось регулярного морфологического выражения их, и поэтому отсутствует парадигматическое соотношение реально выражаемых значений. В силу этого потенциально грамматические содержания, как правило, распределяются между морфологией, синтаксисом, лексикой, контекстом, различными комбинированными средствами выражения, включая «скрыто грамматические»².

Очевидно, что уже само выявление и инвентаризация таких потенциально грамматических содержаний при установлении реальных комбинированных средств, с помощью которых они выражаются, могут активно способствовать изучению одной из актуальных проблем современного языкознания — проблемы межуровневых взаимодействий в истории языка³.

К числу потенциально грамматических содержаний в истории тюркских языков, по нашим наблюдениям, могут быть отнесены существующие там зачатки качественной классификации имен по признаку личности—неличности⁴. Противопоставление по грамматической категории класса человека и класса вещей считается характерным для большинства иберийско-кавказских языков, а в истории картвельских языков следы существования этой категории усматриваются в основах имен, а также в синтаксисе⁵. Качественная классификация имен по признаку личности—неличности отмечается в меланезийских языках⁶.

В тюркских языках классификация имен по признаку личности—неличности находит свое выражение при взаимодействии с такими морфологическими категориями, как категории лица, принадлежности, падежа и числа. Взаимодействие этой классификации с категорией лица особенно явно проявляется в области тюркских местоимений, разделении которых на собственно местоимения и местоименные слова (или на центральную и периферийную группы)⁷ оказывается в значительной мере связанным с выражением личности—неличности.

Взаимодействие классификации по признаку личности—неличности с категорией принадлежности проявляется в том, что посессивные аффиксы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа свя-

заны исключительно с именами (местоимениями), имеющими значение личности. И только аффиксы принадлежности 3-го лица единственного и множественного числа могут быть сопряжены с именами (местоимениями), как имеющими, так и не имеющими значение личности.

Значения личности—неличности имен в истории тюркских языков выступают как оппозитивные и классифицирующие благодаря их воздействию (хотя и не всегда одинаково последовательному) на механизмы согласования (в области глагольного спряжения) и глагольного управления прямым объектом (личность ~ винительный падеж, неличность ~ основной падеж⁸). При подобном избирательном управлении глагола прямым объектом в винительном или основном падеже имеет место взаимодействие значений личности—неличности с категорией падежей.

В случае же согласования местоименного или именного подлежащего с глагольным сказуемым реализация значений личности—неличности происходит при взаимодействии с категорией лица (особенно явно заметно это для личных местоимений) и категорией числа. Так, характером согласования со сказуемым в лице и числе маркируется противопоставление по признаку личности—неличности среди местоимений. Местоимения единственного и множественного числа 1-го и 2-го лица, отчасти и 3-го лица, по самой своей природе несущие в себе значение личности, выступая в функции подлежащего, наиболее полно согласуются со своим сказуемым — по лицу и числу. Например: *men dar-wazanıñ üstidin pawk atar edim* (БН с. 112) 'С верха ворот я метал стрелы (буквально: острее)'; *ımidim bar kim sen hämmä häm jahşu ihtilat qylıajsen* (БН с. 452) 'Есть у меня надежда, что ты со всеми будешь хорошо общаться'; *biz hajal qylduk kim...* (БН с. 139) 'Мы думали, что...'

Что же касается, например, таких местоимений с ярко выраженным значением неличности, как вопросительные *ne*, *nimä* 'что', то даже выступающий при них показатель множественного числа *-lar* лишен своей согласовательной функции: *nelär*, *nimälär* как подлежащее сопоставляется со сказуемым в единственном числе. Примеры: *ba'zu çadyr-nıgilim-u partal dek nimäläri çerik elikkä tüşti* (БН с. 86) 'В руки воинства попали некоторые вещи вроде палаток, ковров, обозов'; *musta'mal ägär desäm nelär bolıysıdur* (БН с. 107) 'Что же будет, если я скажу употребляемое (слово)'.

Принципиально иной характер такого соположения наблюдается в тех случаях, когда в функции подлежащего выступают обобщающие местоимения *barça* 'все' ('всё'), *barçası*, *barı* 'все они' ('всё это') или неопределенное местоимение *ba'zu* 'некоторый', в которые вкладывается значение личности в данном контексте: употребляясь в единственном числе (без аффикса *-lar*), такие местоимения требуют от своих сказуемых множественного числа⁹ при условии, что в данном контексте они используются для замещения имен со значением личности. Таким образом, здесь налицо распределение значения личности между морфологией (взаимодействие с категорией числа), синтаксисом и контекстом. См. примеры: *tañla barça kelib mu-lazamat qylurlar* (БН с. 333) 'Наутро все придут и станут нести службу'; *qaldylar barça ol işdin hajran* (ШН с. 28) 'Все были удивлены тем делом'; *barçası Jusuf tapıyında ravän keldilär* (Н с. 38в) 'Все они поспешно пришли к Иосифу'; *barçası horäzmıya keldilär* 'Все они пошли к Хорезму'¹⁰; *fısyıl üstigä jayı kişisi ba'zısy çyqyb edilär, ba'zu çyqmaqtı edilär* (БН с. 114) 'На внутреннюю стену (города) некоторые из людей врага уже взобрались, некоторые (еще только) взбирались'; *ba'zu dedi-*

lāg (БН с. 102) 'Некоторые сказали'. Наряду с этим встречаются случаи, когда, например, местоимение *ba'zu* само не принимает аффикса множественного числа *-lağ*, выражая тем не менее, как и в вышеприведенных примерах, известную множественность, и от сказуемого не требует множественного числа: *halq ba'zu küldi ba'zu ibrat alyb jyyłady*¹¹ 'В народе иные смеялись, иные, извлеки поучительный пример, плакали'. Это именно те случаи, когда «количественная характеристика никак ее выводится из формы имени, а следует из контекста или общей речевой ситуации»¹², и, добавим мы, определяется тем значением личности, которым обладает имя, замещаемое местоимением *ba'zu*. При этом возможны также примеры, где количественная характеристика находится в прямом соответствии с формой местоименного подлежащего и согласуемого с ним по числу сказуемого: *ba'zylar dedilär* (БН с. 89) 'Некоторые сказали'.

В отдельных современных тюркских диалектах иногда наблюдаются случаи, когда вопросительные местоимения *kim* 'кто', *neme* 'что' в функции подлежащего, даже имея при себе аффикс множественного числа *-lağ*, не требуют его от своего сказуемого. См.: узб. диал. *kimlä qazağ qıjınu, kimlä içär süjini*¹³ 'Кто копает колодец, кто попивает его воду'; алт. диал. *anda qara keptü kör nemeler turat* 'Там в черном виде многие какие-то стоят'¹⁴. Хотя, *neme* 'что-то; какой-то; кто-то' в алтайских диалектах и может окказионально переноситься на обозначение лиц (*аги nemeler* 'чистые существа', *solun neme* 'чудовище'¹⁵), это местоимение в первую очередь ассоциируется с предметностью.

Что касается имени, то и здесь самый характер согласования в числе именного подлежащего с глагольным сказуемым может служить средством распределения значений личности—неличности. Дело в том, что имена со значением личности, не имея при себе аффикса множественного числа *-lağ* (особенно это касается этнонимов)¹⁶, в функции подлежащего сопологаются со сказуемым 3-го лица множественного числа (то есть с аффиксом *-lağ*) как в чагатайских, так и в более ранних памятниках: чаг. *moğol özbek çeçän derlär*¹⁷ 'Моголы, узбеки говорят: çeçän' (применительно к красноречивому, искусному человеку); *moğol jurıtnu paғууу çetini selikä derlär* (РС с. 301) 'Моголы называют край, находящийся за пределами их страны, selikä'. Точно такое же соположение со сказуемым во множественном числе наблюдается для аналогичной семантически ограниченной группы лексики — подлежащих=любых названий коллектива (*el* 'народ', *qawm* 'племя', *halq* 'народ')¹⁸, а также для семантически соответствующих заимствований в форме арабского «ломаного» множественного числа, которые позднее воспринимались тюркским языковым сознанием как имена единственного числа¹⁹. Здесь, таким образом, значения личности—неличности распределяются между морфологией, лексикой, синтаксисом, контекстом. См. примеры: *tañ atqınça hud qırıp eli buržnu tamam qoparıp edilär* (БН с. 43) 'К рассвету обитатели крепости сами полностью возвели башню'; *taqu halajyq sañä i'tibar qylsalar* 'Если люди обратят на тебя внимание'²⁰; *bir üğür halajyq quzuq quғууында žanwarlarny suwğarurlar taqu ekki 'ajal bir sürük qojlar birlä bir tarafda baquğ tururlar* 'Одна группа людей у колодца поила животных, на другой стороне две женщины со стадом баранов ждали' (Хор. П. II с. 305). Во второй части этого примера со сказуемым множественного числа согласуется определительная группа *ekki 'ajal* ('две женщины'), закономерно не имеющая в своем составе показателя *-lağ*. Роль контекста (наряду с синтаксисом) в распределении значений личности—неличности для числительных особенно ясно видна в случае, когда

в функции подлежащего выступает числительное *bir* 'один', требующий от сказуемого множественного числа: *bir birläriniñ aǵasynda laf urarlar* 'Один перед другим похвалялись'²¹.

Принципиально иной характер согласования по числу имеет место в тех случаях, когда подлежащее выражено именем, не имеющим значения личности. Даже если имя со значением неличности снабжено показателем множественного числа *-lar*, в функции подлежащего оно требует от сказуемого 3-го лица единственного числа (то есть без аффикса *-lar*). См. примеры: *ol jaruqluqdup ol tegräki jerrär barça rawşap kögünür ärdi*: (Бор. ЛТ с. 91) 'От того света противолежащие земли все ясно видны были'; *bitilmiş turur bändäläriniñ barça 'ämallari* (Бор. ЛТ с. 105) 'Записаны все дела рабов моих'; *aǵačlar üküş budayly bolur* (Бор. ЛТ с. 109) 'Деревья будут со многими ветвями'; *täwälär aryð sökäl boldy* (Хор. П. II с. 300) 'Верблюды, устав, заболели'; *sučur kögü üpin ešitib ol atlar* (Хор. П. II с. 309) 'Лошади прыгают, когда слышат звук рога'.

Вместе с тем, как показывают наши наблюдения, противопоставление по признаку личности—неличности в языке средневековых тюркоязычных памятников грамматически не сложилось и поэтому непоследовательно отражалось в механизме согласования подлежащего и сказуемого по числу. Во всяком случае, в тех же памятниках встречаются примеры, когда подлежащее — имя со значением личности, имеющее при себе аффикс *-lar*, требует от сказуемого единственного числа: *beglär semüz atlanur* (МК I с. 285)²² 'Беки садятся на сытых лошадей'; *saqyşsyz beglär atlandy sonıynda* (Хор. П. II с. 295—296) 'Следом за ним пошли многочисленные беки'; *janaqu jylıya teki anyñ ne'mäti birlä färzändläri beslänur ärdi* (Бор. ЛТ с. 99) 'До следующего года благами его (сада) кормились его дети'. Как и в современных тюркских языках, *bar* 'имеется' в качестве сказуемого при любом подлежащем, имеющем или не имеющем аффикс *-lar*, употребляется только в единственном числе: *näkim balçyqçylar suwaqçylar bär ärsä žumläsinı juydyar* (Бор. ЛТ с. 90) 'Всех, что были, месильщиков глины и штукатуров собрали'.

А. Н. Кононов прямо указывает, что в языке тюркских рунических памятников «согласование подлежащего и сказуемого в числе, как правило, не проводится», и приводит пример отсутствия такого согласования, когда подлежащее со значением личности, имеющее в своем составе аффикс множественного числа *-lar*—*türk beglär*, сопоставляется со сказуемым в единственном числе: *türk beglär türk atyn yt(t)y* 'Тюркские беки сложили (с себя) свои тюркские имена'²³. В древнеуйгурском языке, по наблюдениям В. М. Насилова, такое согласование в числе оформляется уже довольно часто²⁴.

Наряду с этим наблюдаются случаи, когда подлежащее — имя со значением неличности, имея при себе аффикс *-lar*, согласуется со сказуемым во множественном числе: *bizlär taqu suwsaduq žanwarlar taqu suwsadyar* (Хор. П. II с. 304) 'И мы жаждали, и животные жаждали'. Точно так же и различные местоимения с аффиксом *-lar* в функции подлежащего могли согласоваться со сказуемым во множественном числе: *bular anyñ birlä toquşdyar* (Бор. ЛТ с. 110) 'Они воевали с ним'; *bir ančalar ajturlar* (Бор. ЛТ с. 115) 'Некоторые говорят'; *bir nečälär ajturlar* (Бор. ЛТ с. 365) 'Некоторые говорят'; ст.-тур. *ve bir niceler azuğ dükmedin geçti*²⁵.

Отражение противопоставления по признаку личности—неличности в согласовании подлежащего и сказуемого еще в большей степени размыто и стерто в современных тюркских языках и диалектах, хотя

следы его имеются. Совершенно определенно указывают на наличие такого противопоставления в узбекском языке А. Г. Гулямов и М. А. Аскарова, говоря о характере согласования подлежащего со сказуемым: подлежащее, обозначающее человека, чаще выступает во множественном числе и согласуется со сказуемым также во множественном числе; подлежащие, обозначающие животных, чаще употребляются в единственном числе и соответственно согласуются со сказуемым также в единственном числе; подлежащие, обозначающие неодушевленные предметы (все, кроме человека и животного), как правило, используются в единственном числе и согласуются со сказуемым также в единственном числе²⁶. А. Н. Кононов связывает подобные различия в согласовании подлежащего и сказуемого с другим противопоставлением, а именно «членимое множество—нечленимая, коллективная множественность», хотя и отмечает при этом, что в 3-м лице согласование в числе реализуется преимущественно для существительных, обозначающих одушевленных лиц²⁷.

Различные колебания при согласовании именного подлежащего и сказуемого в числе для якутского языка описаны Е. И. Убрятовой²⁸. Четкое противопоставление в механизме якутского согласования по признаку личности—неличности отмечено ею только в отношении парных слов, выступающих в функции подлежащего: парные слова со значением личности—*ije-aŋa* 'родители' (букв. мать-отец), *aŋas-balys* 'сестры' (букв. 'старшая сестра-младшая сестра'), *ini-bii* 'братья' (букв. 'младший брат-старший брат')—требуют от сказуемого согласования во множественном числе; парные слова со значением неличности—*ot-mas* 'растительность' (букв. 'трава-дерево'), *tya-ojuur* 'леса' (букв. 'тайга-лес')—требуют от сказуемого единственного числа²⁹.

В алтайских диалектных текстах, изданных Н. А. Баскаковым, по всей видимости, при слабом развитии согласования подлежащего и сказуемого в числе отсутствует противопоставление имен по признаку личности—неличности: именные подлежащие, имеющие значение как личности, так и неличности и снабженные аффиксом *-lar*, требуют от сказуемого единственного числа. Ср. примеры: *qanpuŋ bijleri, bajlary, qoŋojymnary, abyzy, qamnary ulustyŋ küstin čiptardy* 'Ханские чиновники, богачи, хозяева, священники и шаманы изматывали силы народа'; *saŋyundu künder keldi* 'Пришли ветреные дни'³⁰. В этой связи следует отметить, что в увеличении количества случаев согласования подлежащего и сказуемого по числу в узбекском литературном языке, и прежде всего в языке печати, А. Г. Гулямов и М. А. Аскарова усматривают результат воздействия синтаксиса русского языка³¹.

Можно предполагать, что в описанных выше фактах взаимодействия противопоставления имен по признаку личности—неличности, с одной стороны, и согласования подлежащего и сказуемого по числу, с другой, нашел отражение известный этап развития категории числа в тюркских языках. Своеобразную связь морфологического способа выражения множественного числа со значением личности в тюркских рунических памятниках наблюдали А. Н. Кононов и В. Г. Кондратьев. Здесь «афф. *-lar, -lär...* в подавляющем числе примеров сочетается с именами существительных — названиями лиц, как правило, «высокого» происхождения»³². По мнению В. Г. Кондратьева, «аффикс *-lar* сочетался только со словами, обозначающими лиц. Если было необходимо передать значение множества сходных, но в чем-то различных предметов нелиц, использовалось парное сочетание слов с близким значением типа *аркыш тэркиш* 'караваны'³³. Соответственно широкое употребление парных сочетаний для выражения множественности в древнеуйгурских

и манихейских памятниках он рассматривает «как реликт более древнего состояния тюркских языков, когда сфера употребления аффикса *-лар* была ограничена»³⁴.

Возможно, именно с этой специфической ограниченностью сферы употребления *-лар* в древности связано его использование «для выражения почтения, уважения, титула или ранга» (В. М. Насилов высказал даже мысль, что «форма множественного числа *-лар/-лар* является формой своеобразного словообразования»³⁵. А. М. Щербак считает, что *-лар* в этом случае используется «для передачи различных субъективных оттенков отношения»³⁶).

В современных тюркских языках продолжает существовать *Pluralis honorificus*, точно так же специфицирующий прежде всего имена со значением личности: в турецком и узбекском языках, например, понятия почтительности и уважения передаются присоединением аффикса *-лар* к именам лиц, находящихся вне сферы говорящего, — названиям родственников или свойственников (при этом аффиксу *-лар* предшествует аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа: тур. *teyze-m-ler* ‘моя тетушка’, узб. *ota-m-lar* ‘мой батюшка’)³⁷.

Еще одним аргументом в пользу того, что согласование тюркских подлежащего и сказуемого по числу исторически отражало противопоставление имен по признаку личности—неличности, служит известный факт, лежащий на границе синтаксиса, контекста, стиля, а именно: имена с семантикой личности (лица вне сферы говорящего), обозначающие старшего в социальной иерархии (*han*, *sultan*), в системе родства (*ata* ‘отец’), выступая в единственном числе как подлежащее, в известных стилистических условиях могут сопоставляться со сказуемым — глагольной формой 3-го лица множественного числа. Таким способом передается некатегориальное значение почтительности, которое может быть придано только именам со значением личности: *han hām ta‘zīm qylyb qortular* (БН с. 39) ‘Хан. тоже кланяясь, изволили подняться’. В современных тюркских языках, например в турецком и узбекском, аффикс *-лар* в соединении со сказуемым-глаголом 3-го лица при единственном числе подлежащего-имени личности также выражает *Pluralis maiestaticus* («множественное почтительности»); см.: тур. *Küçük hanım kimî arıyorlar?* ‘Кого барышня ищет?’, узб. *Dodam ajtdilar* ‘Мой отец сказали’, *Biwim keldilar* ‘Моя бабушка пришли’ (из примеров А. Н. Кононова, Г. А. Гулямова и М. А. Аскарновой). Данные способы выражения взаимодействующих значений—как личности, так и почтительности (к лицу, находящемуся вне сферы говорящего) — осуществляются при взаимодействии лексики и синтаксиса, с одной стороны, контекста, стиля — с другой, не говоря уже о прямом отношении этих способов к категории лица (то есть к морфологии).

Так же при взаимодействии категорий лица и числа, синтаксиса и контекста передается вежливое обращение ко 2-му лицу единственного и множественного числа (повелительное наклонение), например, в современном узбекском литературном языке: «1) с помощью афф. *-(u)нгиз < -(u)нг + из*, где *-(u)нг* — афф. ед. ч. вежливой формы, *-из* — архаичный формант мн. ч.; эта форма употребляется при вежливом обращении к одному или многим лицам: *ёзингиз!* ‘пишите!’; ...2) с помощью афф. *-(u)нглар < -(u)нг + лар*; эта форма употребляется при вежливом обращении ко многим лицам: *ёзинглар!* ‘пишите!’ ...При выражении сильных эмоций (чаще благожелательных) афф. *-(u)нгиз* получает второй показатель мн. ч. *-лар*: *ҳормангизлар!* ‘не уставайте!’ (благожелание работающим)»³⁸. В староузбекском «форму повелительно-го наклонения мн. числа образует аффикс *-(i)ң ~ -(i)ң...* Аналогичное зна-

чение имеет аффикс *-iñiz~iñiz*, который нередко служит также средством выражения почтительного отношения к одному или нескольким лицам... Присоединение к формам мн. числа аффикса *-lar~lär* делает обращение несколько фамильярным (для формы на *-iñ~iñ*) или, наоборот, подчеркнуто вежливым (для формы на *-iñiz~iñiz*)»³⁹.

Наряду с этим для местоимения 2-го лица множественного числа, имеющего к тому же в своем составе еще и аффикс *-lar*, — *sizlär* — было возможно соположение со сказуемым — глаголом повелительного или изъявительного наклонения, не имеющим аффикса *-lar*. Примеры: *farman ham mundaq tur kim ...ol kim lahorğa jübaryb gıvaw josunluq tursa sizlär qatılyñ joq ersä qoşulıyıcı bolmağajsyz* (БН с. 331) 'приказ также таков: ...если тот, кого он пришлет в лагерь, останется в качестве заложника, то вы (к нему) присоединяйтесь, если же нет — вы не должны присоединяться'; *bu sözni men eşitib dedim kim sizlär bu josunluq sözlärsiz amma köräjim kim qajsıñyz meniñ qaşymğa kelä alırsyz* (БН с. 144) 'Услышав эти слова, я сказал: «Так вы говорите! А ну-ка, я посмотрю, кто из вас сможет приблизиться ко мне!»' Как явствует из контекста (особенно это очевидно в первом примере), соположение местоименного подлежащего, в котором множественное число выражено дважды, со сказуемым, где множественное число не дублируется, было призвано передавать отношения социальной подчиненности группы собеседников говорящему (в приведенных выше примерах — подчиненности беков султану Бабуру). Здесь также налицо взаимодействие морфологии (категории лица и числа), синтаксиса, контекста.

Грамматическая система форм вежливости, призванных передавать общественные отношения между говорящим, слушающим и другими лицами, о которых идет речь, представлена в современном японском языке⁴⁰. В истории тюркских языков — это вышеуказанные и некоторые другие потенциально грамматические содержания; они также распределяются между лексикой, синтаксисом, контекстом и прямо или опосредованно связаны с категориями лица и числа. Вышеуказанные способы выражения, во-первых, почтительности и, во-вторых, подчиненности направлены на лица, находящиеся вне сферы говорящего (в первом случае такое лицо отсутствует, во втором — присутствует).

Приводимые ниже способы выражения вежливости направлены на лицо, находящееся в сфере говорящего (пишущего), и показывают его отношения со слушающим (читающим). Для этого в языке средневековой литературы используются два способа. Первый из них основан на способности крайне ограниченной группы лексики — уничижительных имен личности (*haqsar* 'смешанный с землей', 'презренный', *faqr* 'бедный', 'бедняга', *bu faqr* 'этот бедный', *bu zaif* 'этот слабый', *bändä* 'раб') — восполнять собою отсутствующее в предложении личное местоимение 1-го лица единственного числа; в свою очередь это подразумевает возможность их согласования с глагольной формой 1-го лица единственного числа, см.: *faqr any körmä j mñp* 'Бедняга я, его не вижу'; *bu faqr heñ nımä demädım* 'Этот бедняк, я ничего не сказал'⁴¹. Так мог писать о себе человек, чье место в социальной иерархии было, по крайней мере, ступенькой ниже места тех, к кому он обращался; тем самым косвенно выражалась почтительность. Для этого способа передачи почтительности характерно взаимодействие морфологии (категория лица), лексики, синтаксиса, контекста, стиля.

Второй способ выражения вежливости (не почтительности!) также направлен на лицо, находящееся в сфере говорящего, и призван пере-

давать вежливое отношение автора, занимающего наивысшее положение в социальной иерархии, к читателю. Речь идет о широком использовании в мемуарно-дневниковом сочинении султана Бабур-наме» конструкции, где переходный глагол, присоединяя специальный показатель пассива, продолжает сохранять свою объективную отнесенность, по-прежнему управляя винительным падежом объекта. Конструкцию «безличной формы действительного залога» с винительным объектом отмечал еще в конце XIX века П. М. Мелиоранский.

Соблюдая вежливость по отношению к своему читателю («литературную скромность», по выражению К. Броккельмана⁴²), Бабур избегает навязчивого употребления личных форм 1-го лица единственного и множественного числа: глагольные формы этого лица перемежаются здесь с формами пассива 3-го лица. Для этих последних, вопреки их материальному наполнению, подразумевается субъектная отнесенность не к 3-му лицу единственного числа, но к 1-му лицу единственного или множественного числа. Пример: *bu jurtta sind suju kečärni wä qaj sagu mutawažžuh bolurny mašwarat qyluldu* (БН с. 180) 'На этой стоянке (мы) совещались, переходить ли реку Синд и в какую сторону направиться (дальше)'. Как можно видеть и в примере из современного узбекского просторечья *ošni ejilsin* 'отведать этого кушанья', для подобных конструкций характерно несовпадение субъектной отнесенности — формально выраженной (3-е лицо единственного числа) и подразумеваемой (1-е или 2-е лицо единственного или множественного числа).

Рассматриваемый способ выражения вежливости, ставший благодаря частоте его употребления одним из стилиобразующих признаков сочинения «Бабур-наме», реализуется при взаимодействии морфологии (категорий лица, залога), синтаксиса, контекста, стиля.

Изучение потенциально грамматических содержаний в истории тюркских языков позволяет увидеть только наметившиеся, но не завершившиеся направления в развитии грамматической семантики. Это область наиболее зыбкая — здесь еще не сложились парадигматические соотношения реально выражаемых значений, нет регулярности, облигаторности в характере их выражения. Поскольку грамматическая избирательность при этом далеко не всегда следует формально-логическим правилам, исследователю приходится быть предельно внимательным к однотипным примерам той же языковой принадлежности, как позволяющим усматривать наличие данного потенциально грамматического содержания, так и не показывающим явно такового. Это может быть связано с неустойчивостью способов выражения самого потенциально грамматического содержания, а также с тем, что в разные периоды развития языка такие потенциально грамматические содержания занимают в языковой системе не одинаковые места.

В определенные периоды истории языка они могут активизироваться, способы их выражения становиться почти регулярными (например, это можно сказать о противопоставлении значений личности — неличности в языке некоторых средневековотюркских текстов). Впоследствии одними языками в большей степени, другими — в меньшей утрачивается достигнутая мера четкости противопоставления. Возможна и чисто литературная активизация потенциально грамматических содержаний, когда они на протяжении истории литературного языка могут спорадически использоваться отдельными писателями (с известной авторской интерпретацией) в стилистических целях. Пример тому — излюбленное в «Бабур-наме» использование пассива (в том числе и переходных глаголов при сохранении винительного падежа прямого объекта) с характерным несовпадением субъектной отнесенности — формально выраженной (3-е лицо единственного числа) и под-

разумеваемой (1-е лицо единственного или множественного числа) для выражения вежливого отношения к читателю.

В данной статье рассматривались лишь отдельные потенциально грамматические содержания в истории тюркских языков, а именно: личность—неличность, вежливость—почтительность. Естественно, что круг потенциально грамматических содержаний в истории тюркских языков по мере изучения будет расширяться.

Во всяком случае, языковые явления, подобные описанным, порой необычные для тюркских языков (всех или же некоторых из них), представляют собой большой интерес для исторической грамматики тюркских языков. Их осмысление позволяет полнее и полнокровнее воссоздать непростые, не всегда линейно однозначные пути развития тюркских языков, восстановить живую динамику глубинных языковых поисков (с тем, чтобы наиболее адекватно выразить только намечающиеся различные потенциально грамматические содержания), показать те языковые находки в этой области, которые оказались отраженными в отдельных памятниках, с учетом того, что впоследствии найденное могло быть утрачено.

Потенциально грамматические содержания при их реализации в истории тюркских языков дают весьма богатый спектр межуровневых взаимодействий. Наиболее общими при этом являются взаимодействия между морфологией, синтаксисом, контекстом, а в ряде случаев и взаимодействия с лексикой, стилем и, кроме того, взаимодействия между самими потенциально грамматическими содержаниями — значением личности, с одной стороны, и вежливости — почтительности, с другой.

¹ А. В. Бондарко. О структуре грамматических категорий. — «Вопросы языкознания», 1981, № 6, стр. 23.

² Там же, стр. 23—24.

³ См.: «Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе и проблема межуровневого взаимодействия в истории языка). Тезисы докладов и сообщений», т. II—III, М., 1984; Г. Ф. Благова. О месте межуровневых явлений в развитии тюркской языковой системы. — «Советская тюркология», 1985, № 1.

⁴ См. также: Ф. Абдурахмонов, А. Рустамов. Навоний тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984, стр. 32—33.

⁵ Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. VII, VIII, 1, 70; см. также: «Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология», Сухуми, 1968, стр. 76; «Грамматика адыгейского языка», Краснодар—Майкоп, 1966, стр. 59. Другая часть картвелистов гипотезы исторического наличия категории классов не придерживается, см.: А. Л. Ониани. О грамматической категории класса в картвельских языках. — «Вопросы языкознания», 1985, № 3, стр. 67 и сл.

⁶ См.: М. А. Журиная. Особенности функционирования имен с релятивным типом семантики. Автореф. канд. дисс., М., 1978.

⁷ См.: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 163; Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982, стр. 253—259.

⁸ Подобное противопоставление в области глагольного управления могло представлять собой результат более позднего развития. Во всяком случае, древнейшие тюркские памятники такого противопоставления с достаточной четкостью не фиксируют (см.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 150—151, 152—153). Названное противопоставление налицо также в нижеследующих случаях избирательного употребления родительного или основного падежей при причастиях. По наблюдениям М. И. Черемисиной, которыми она поделилась с участниками XII пленарного заседания Советского комитета тюркологов, в полипредикативном предложении алтайского языка «подлежащее» управляемой конструкции, если оно представлено личными местоимениями или именами лица, обычно стоит в родительном падеже; для имен нелиц, особенно имен абстрактной семантики («день», «воздух», «настроение», «прогулка» и т. п.), типичен основной падеж. Для тувинского языка, материалами которого контролировалось это наблюдение, вышесказанное подтверждалось экспедиционными данными — фразами,

полученными от носителей языка, свободно относящихся к соблюдению языковой нормы.

⁹ Подробное описание данного случая согласования подлежащего и сказуемого по числу (как и многих других случаев) см.: *J. Eckmann. Chagatay manual. Bloomington, 1966, стр. 190—192.*

¹⁰ *А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.—Л., 1958, стр. 127.*

¹¹ «Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли лугати». I. Тошкент, 1983, стр. 233.

¹² *В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках.—Вопросы языкознания, 1975, № 3, стр. 101.*

¹³ *Ф. А. Абдуллаев. Узбек тилининг Хоразм шевалари. I. Лугат. Тошкент, 1961, стр. 83.*

¹⁴ «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка». Составитель В. Вербицкий. Казань, 1884, стр. 489.

¹⁵ Там же, стр. 211.

¹⁶ См. у А. Н. Кононова: «Этнонимы в ТРП никогда не противопоставляются по числу; они всегда выступают в обобщенно-собирательном значении...» (*А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., стр. 144*).

¹⁷ *M. Pavet de Courteille. Dictionnaire turk-oriental, Paris, 1870 (далее сокращенно—Р. С.), стр. 283.* Примечательно, что в том случае, когда такое обобщающее подлежащее опущено, выступает сказуемое в единственном числе: *ekinji atasıny abukan der P. С. с. 2* «Деда называют „abukan“».

¹⁸ См. подробнее об этом: *J. Eckmann. Указ. раб., стр. 191.* Ср., однако, случаи, когда единственное число *halq* 'народ' согласуется с единственным числом глагольного сказуемого: *türk halqy 'aziz kişilärni ata der (P. С., с. 3)* 'Тюркский народ называет людей почтенных ата'».

¹⁹ Примеры согласования узб. *halojuq* со сказуемым в единственном числе см.: *А. Ф. Фуломов, М. А. Аскарова. Ҳозирги замон ўзбек тили. Синтаксис, Тошкент, 1961, стр. 93.*

²⁰ *Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. II. Ташкент, 1971 (далее сокращенно—Хор. П. II), стр. 286.*

²¹ *А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963 (далее сокращенно—Бор. ЛТ), стр. 108.* О возможностях согласования подлежащих, имеющих в своем составе числительные, со сказуемыми как в единственном, так и во множественном числе см.: *J. Eckmann. Указ. раб., стр. 191.*

²² Пример заимствован из книги: *А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 95.*

²³ *А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., стр. 217.*

²⁴ *В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 98—99.* Примеры такого согласования приводятся в книге: *В. Г. Кондратьев. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI веков. Л., 1981, стр. 36, 37,* хотя там же (стр. 37) имеется пример *ol tiši taıuqlar qatayın oıarlar ermiş* 'Все те куры выздоровели' (Ман. I, с. 36, 9), где название нелиц во множественном числе требует от сказуемого множественного числа.

²⁵ «XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanakla-rile taratma sözlüğü», I. Ankara, 1963, стр. 606.

²⁶ *А. Ф. Фуломов, М. А. Аскарова. Указ. раб., стр. 92.* И. П. Павлов для чувашского языка вычленяет даже «категорию личного числа» и «категорию предметного числа» (*И. П. Павлов. О некоторых проблемах, связанных с категорией лица в чувашском языке. — Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1986, стр. 12*).

²⁷ *А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 351—352.* См. его же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 395—396.

²⁸ *Е. И. Убрятова. Согласование в якутском языке.—В кн.: «Исследования по синтаксису тюркских языков», М., 1962, стр. 106—109.*

²⁹ Там же, стр. 112.

³⁰ *Н. А. Баскаков. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972, стр. 191, 245.*

³¹ *А. Ф. Фуломов, М. А. Аскарова. Указ. раб., стр. 92.*

³² *А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., стр. 145.* См. также: *Ф. Абдурахмонов, А. Рустамов. Қадимги туркий тил. Тошкент, 1982, стр. 29.* В памятниках древнеуйгурского языка аффикс множественного числа -lar также присоединяется, за редкими исключениями, «к названиям божеств и людей» (*Р. А. Закиров. «Қуанши им пусар». Опыт филологического и лингвистического исследования памятника древнеуйгурского литературного языка. Автореф. канд. дисс., М., 1985, стр. 9*). Но ср.: *közläri* 'его глаза', *qaruyar* 'двери', *äällillär* 'доказательства', *uyşar* 'дела', *müränlär* 'реки', *qaqlar* 'сухие земли', *başlar* 'головы', *quşlar* 'птицы' и мно-

гие другие формы множественного числа имен нелиц, приводимые А. М. Щербаком (А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана, стр. 95).

³³ В. Г. Кондратьев. Указ. раб., стр. 39.

³⁴ Там же.

³⁵ В. М. Насилов. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, стр. 32.

³⁶ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 119.

³⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 69; его же. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 79, 80; А. Ф. Фуломов, М. А. Аскарова. Указ. раб., стр. 92, 94.

³⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 206.

³⁹ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, стр. 155—156. См. также: J. Eckmann. Указ. раб., стр. 153.

⁴⁰ См.: В. М. Алпатов. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.

⁴¹ Подробнее об употреблении этих синтаксических синонимов авторского «я» в сочинениях Навои см.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, стр. 132. Другую функцию — не восполнения отсутствующего личного местоимения, но его конкретизации — выполняет имя собственное, которое в языке тюркской рунической письменности могло употребляться в предложении наряду с местоимением 1-го лица единственного числа: *bilgā toñuquq ben özüñ tabıač ilinā qylyntum* (Т. 1) 'Я сам, правитель Тоньюкук, родился в табгачском эле' (А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX веков, стр. 217).

⁴² C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittel-asines, Leiden, 1954, стр. 286.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БН—«Бабер-намэ», или «Записки Султана Бабера». Изданы в подлинном тексте Н. И. (Ильминским). Казань, 1857.

ШН — Мухаммед Салих Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича. СПб., 1908.

Н — Hāmidī. Yūsuf u Zalihā. MS.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. С. ДЖИДАЛАЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В словарном фонде каждого из литературных дагестанских языков представлено более тысячи заимствований из тюркских (азербайджанского, кумыкского, булгарского и др.) языков, многие из которых имеют исконно тюркское происхождение. В некоторых пластах лексики дагестанских языков тюркизмы составляют даже их большую часть. Это, в частности, относится к социальным терминам, связанным с феодальным периодом истории и обозначающим различные ступени феодальной иерархии: сословия, институты, должности и т. п.

В настоящей статье рассматривается ряд социальных терминов, представляющих собой лексические заимствования из тюркских языков в дагестанские.

1. Авар., дарг., лакск., лезг., табас.¹ хап 'хан', 'властитель'. Встречается как мужское имя собственное и как его компонент; в лакском представлена также форма имени собственного: Хаппа 'Ханна'. В лакск. хап, дарг. qap 'пчелиная матка'².

Термин «хан» был представлен во многих тюркских и монгольских языках, в том числе и в тех, с которыми контактировали дагестанские языки. По мнению ряда исследователей, это слово — китайского происхождения³. Как полагают, «хан» — это стяженная на тюркской почве форма «хаган»: qaγan > qaap > qap > xap⁴. Предположение В. В. Бартольда и других тюркологов об общем происхождении и единстве основ «хаган», «хан» оспаривается Г. Рамstedтом, который, соглашаясь с китайским происхождением обеих основ, считает, что qap представляет собой простую основу, заимствованную в тюркские языки из китайского <kuaп 'правитель', а qaγan — сложную, состоящую из двух слов: кит. ke 'великий' и kuaп 'правитель', то есть ke kuaп 'великий правитель', что дало в сумме тюрк. qaγan⁵.

Термин хап в дагестаноязычной среде мог быть известен еще в гунно-булгарский период тюркско-дагестанских контактов. В монгольскую эпоху хап означал «правитель отдельной области империи», а qaγan или qaap — «верховный правитель». В некоторых странах в эпоху, предшествовавшую монгольским завоеваниям, тюрк. хап означал княжеский титул, в отличие от высшего титула государя — sultan. В значении титула «государь» слово хап стало употребляться в государствах, возникших после распада обширной монгольской империи⁶. В персидских источниках (в XIII—начале XIV в.) слово хап заменялось терминами padīšah и sultan, в русских памятниках, начиная с

Менгу-Тимура,—*царь, цесарь*, а в Codex Cumanicus—*imperator*⁷.

Поэтому вполне вероятно, что дагестанцам еще во времена монгольских нашествий на Кавказ или в период, когда Дагестан был включен в сферу влияния Золотой Орды, слово хап было известно в значении титула монгольских князей, золотоордынских и закавказских правителей. Как титул местного верховного правителя, государя, термин хап получил распространение в дагестаноязычной среде гораздо позднее.

При шахе Сулеймане (1667—1694) территория Кубы (*улька*) стала самостоятельным ханством, где утвердилась местная династия, происходившая из маджалисской ветви кайтагских уцмиев, присвоившая себе титул «хана»⁸. Следовательно, временем проникновения термина хап «государь» в лезгинский язык можно считать конец XVII века. У горных лезгин — кюринов — термин хап в этом же значении стал употребляться в начале XVIII века, когда Кюра входила в состав Казикумухского ханства⁹.

В этом же значении в лакском языке слово хап стало функционировать в начале XVIII века после того, как Казикумухский «хаклавлчи»¹⁰— («халклавчи») Сурхай (из рода Казикумухских шамхалов), после усиления своей власти, видимо, по примеру азербайджанских владетелей, стал именоваться *ханом* (он известен как Сурхай хан I Чолак) и основал династию казикумухских ханов¹¹. В аварском языке слово хап в значении «государь» стало употребляться в последний период правления аварских (хунзахских) нуцалов, которые именовались «ханами». Аварский владетель Умма-хан (или Омар-хан, Ома-хан) (конец XVIII в.) именовался уже «ханом», хотя его отец Магомед был известен как «нуцал»¹².

На наш взгляд, есть основание предполагать, что в лезгинский, лакский, аварский языки термин хап проник из азербайджанского языка.

1А. В лакск., лезг. и других языках имеется слово хапун ~ халун (<хапун) 'барыня', 'белоручка', 'чистоплюйка'. Это тюркское слово, видно, первоначально означало «жена хана», «ханша». Ср., например, др.-уйгур. хапун 'супруга хана', 'ханша', в котором выделяется основа хап и словообразовательный аффикс -ун¹³. (См. также *begit ~ begüt* 'жена бека'). Однако, на наш взгляд, вряд ли можно считать, что хапун ~ халун в дагестанских языках употреблялось в своем прямом значении. Видимо, и в вероятных источниках заимствования это слово в период заимствования уже не употреблялось в своем прямом значении. Ср. азерб. хапун 'барыня', 'госпожа', хапун *qız* 'барышня' (АРС), но не 'ханша'; кумык. хапун *id.* (КРС); см. также караим. хапун 'супруга' (КРПС).

В дагестанских языках, так же как и в азербайджанском, кумыкском и других тюркских языках, хапун ~ халун встречается и как самостоятельное имя собственное женское, и как компонент собственного имени; см., например, лакск. *Balaxalun*, *Xalunkaçağ*; первоначально это слово, видимо, присоединялось как титул к имени собственному женщины ханского дома.

1Б. В дагестаноязычной среде довольно широко распространено женское имя Хапи́са, которое легко этимологизируется на тюркской почве: хап+афф. -са, образующий от некоторых имен слова женского рода; ср. *ayatśa* (*ayā* 'господин' + -са) 'госпожа', уйг. *хапса ~ хансә* (хап+ -са ~ -сә) 'ханша', 'царица'; см. также караим. *biçe ~ bijča id* (КРПС). Следует заметить, что носители дагестанских языков не связывают имя Хапи́са с понятием «хан», «ханское».

2. Авар., дарг., лезг., табас. beq, лакск. baq 'бек'—второе лицо после верховного правителя шамхала, нуцала, уцмия, хана, сын верховного правителя или бека¹⁴.

У тюрков beq 1) благородный по происхождению человек, в отличие от простолюдина; 2) князь небольшого племени, небольшой родовой группы, в отличие от кагана или хана; 3) любой, обладающий властью. См.: др.-тюрк. beq 'правитель', 'вождь', 'князь', 'господин' (ДТС), азерб. beg ~ bek ~ bāg ~ bāj 'дворянин', у золотоордынцев bek 'тысячник', 'сотник', 'десятник' («улус-бег», «мин-бег», «юз-бег», «он-бег»). Слово во всех трех значениях встречается уже в памятнике тюркского языка VIII в.¹⁵ Как видно, термин свою иерархическую градацию получил на дагестанской почве.

Во всех дагестанских языках представлена азербайджанская форма: beg ~ bāg. Проникновение из кумыкского или турецкого языков исключается, ср. кумык. bij¹⁶, турец. bej 'сын паши', 'лицо знатного происхождения'¹⁷, так как на дагестаноязычной (авар., дарг. и др.) почве нельзя объяснить замещение ауслаутного j > g. См., кстати, очевидные кумыкские формы мужских имен в аварском и лакском языках: Ullubij, Bijtamir, Baitamir, Bijbulat. Другие значения термина: лакск., лезг. bag, beg 1) 'новобрачный', 'жених', 2) 'форма обращения к мужу' — возникли скорее всего под влиянием азербайджанского языка. См. также лезг., табас. pavruzbeg, лакск. pavruzbag 'новобрачный', 'жених'.

3. Авар., дарг., лакск. bika, лезг., табас. bike 'жена хана', 'жена бека'; во всех языках — в переносном значении: «госпожа», «барыня», «гордая», «важная», «белоручка», «бездельница»; в авар., лакск.: детское ласкательное 'красавица'; в лакск. 'невеста', 'новобрачная'. См. также лакское устойчивое словосочетание: ханнал бика (букв. 'хана бика') 'жена хана', перен. 'важная особа'; urdul bika (букв. 'дворцовая бика') 'жена хана (бека)', 'дочь хана (бека)', 'принцесса', 'благородного происхождения', 'высокопоставленная'.

Во всех дагестанских языках представлена кумыкская форма. Ср. кумык. bijke ~ bijka 'княгиня', 'княжна'; 'госпожа'; bijke **qyz** 'княжна'; Bijke 'имя собственное женское' (КРС); см. также караим. bijke 'повелительница', 'госпожа' (КРПС); тат. диал. bikem 'старшая сестра мужа', bikeşet ~ bikäşä 'младшая сестра мужа' (ДСТЯ).

3А. В дарг., лакск. представлено имя собственное женское Biça, которое выступает и как составной компонент имени (например, лакск. Nügubiça). Однако носители этих языков не усматривают связи данного имени со словом bika. Biça, — как это очевидно, фонетический вариант bika, в котором k > ç перед a мог возникнуть и на даргинской (лакской) почве. Вместе с тем можно предположить, что biça в таком же фонетическом облике проникло из тюркского языка (хотя в кумыкском — вероятном источнике заимствования, это слово в данном фонетическом варианте неизвестно). См., например, в караим. bijçä ~ bijça 'властительница', 'госпожа', выступающие как фонетические варианты bijke (КРПС); тат. диал. biçä ~ beça ~ biça (<bika) 'жена' (ДСТЯ)¹⁸.

4. Imčak ~ emček. Пока нет данных о том, в какой степени был развит у дагестанцев обычай «молочного родства», широко распространенный у многих народов Кавказа. Судя по историческим песням, в лакском imčak 'приближенный хана', 'предводитель ханской дружины', быть может, заключен смысл «молочный брат». (В лакском известен исконный термин kkuḱkuḱ ussu 'молочный брат', букв. 'по груди брат'). В аварском imčak ~ emček 'приближенный хана', 'воспитатель хана', 'дядька'. Термин восходит к кумык. emček qarḱaš 'молочный брат' (букв. 'грудной брат'), см. кумык. em- 'сосать грудь', emček 'грудь',

‘грудной’. Ср. в других тюркских языках: азерб. *ämikdaş* ‘молочный брат’ (АПС), др.-тюрк. *emikdāş* ‘молочный брат, или молочная сестра’ (ДТС).

В лакском, аварском языках *imčak* ~ *emček* в значении ‘грудь’ неизвестно. Видимо, этим и можно объяснить усечение кумыкского *emček qardaş* > *emček*, а также обособление и терминологизацию последнего.

5. Авар., лакск. *puкаг*, дарг., табас. *puкер*, лезг. *püker* ‘дружинник хана’, ‘телохранитель хана’, ‘всадник особого назначения’; перен. ‘слуга, лакей’. Заметим, что в лакском языке (фольклор) *пукаг* обычно соотносится с *хап* ‘хан’ (см. устойчивое словосочетание *хаппал пукаг* ‘нукер’, букв. ‘хана (ханский) нукер’). Любопытно, что аналогичное явление наблюдается в кумыкском, где *pöкер* употребляется в сочетании со словом *хап*, а *qazaq* — со словом *bij*¹⁹ (о *qazaq* см. ниже).

Данное слово могло проникнуть в дагестанские языки из тюркских или монгольских. Ср. кумык. *pöкер* ‘нукер’, ‘слуга’ (КРС), азерб. *pökär* ‘слуга’, ‘прислужник’ (АПС), ‘военный слуга’, в отличие от *tüläzim* ‘военный слуга, однако благородного происхождения’²⁰, монг. *pökür* ‘верный слуга’, ‘друг’, ‘дружинник’ — обычно выходец из аристократического рода, пришедшего в упадок. В Монголии слово «дружинник», в конце XIII—XIV веке часто совпадающее по значению со словом «военачальник», позднее означало «слуга», «воин», «товарищ», «спутник». Социальная специфичность термина к концу XIV века вытесняется тюркско-арабской социальной терминологией²¹.

Не исключено, что данный термин мог на дагестанской почве семантически измениться, хотя также допустимо, что не без влияния соседних тюркских языков в течение веков менялось (расширялось) его социальное значение. Отметим, что *нукеры* в Дагестане набирались из числа независимых крестьян и были освобождены от податей и повинностей²². Судя по историческим песням аварцев, лакцев, даргинцев, лезгин, *пукер* — это прежде всего «дружинник хана», «ханский оруженосец».

6. Авар. *qazaq* 1) ‘пленный раб’²³, 2) ‘батрак’; дарг., лакск. *qazaq*, табас. *qazaq* ‘слуга, работник, батрак’; в лезгинском языке это слово не обнаружено.

В Дагестан этот термин могли занести предки кумыков. По мнению А. Н. Самойловича, первоначально он был представлен в той части тюркского мира, где власть принадлежала племени кыпчаков, в XI веке переселившихся из Средней Азии в Восточную Европу²⁴. В дагестанских языках термин употребляется в его относительно позднем значении.

Первоначально в кумыкском *qazaq* означало «оруженосец феодала», «военный слуга», «дружинник»²⁵, «одинокий», «свободный»; «безземельный человек, служивший князю или узденю»²⁶. Ср. в *Codex Siniticus kazax*, *cosak* ‘воин’, ‘дружинник’; в генуэзских колониях под этим термином подразумевался «татарский воин»²⁷, тат. диал. *qazaq* ‘солдат’, ‘одинокий’, ‘холостой’ (ДСТЯ). И лишь впоследствии *qazaq* в кумыкском стал означать «слуга», «батрак» (КРС)²⁸. Ср.: у ногайцев «казак» назывался человек, уходящий со своей родины на заработки²⁹.

Значение слова *qazaq* ‘пленный раб’ в аварском языке, видимо, связано с тем, что в хозяйстве аварцев «пленный» («раб») выполнял те же функции, что и любой другой слуга, и уже имевшийся в языке термин *qazaq* был использован для обозначения «пленного раба». Поэтому

можно предположить, что данный термин в аварский язык проник относительно давно, когда у аварцев существовало рабовладение³⁰.

В этой связи интересно, на наш взгляд, отметить, что и у балкарцев рабов называли словом *kazak*³¹.

7. Авар. *ɣaravaʃ*, дарг., лакск. *qɣaravaʃ*, лезг. *qɣaravuʃ*, табас. *ɣarabaʃ* 'рабыня' и (во всех упомянутых языках, кроме аварского) 'служанка', 'раб', в авар., дарг., лакск. *laɣ*, в лезг. *luk* и *qqul* (<азерб.).

Слово проникло из азербайджанского и кумыкского языков. Ср. азерб. *garabaʃ* 'рабыня', 'служанка' (APC), кумык. *qaravaʃ* 'рабыня' (KPC), др.-тюрк. *qarabaʃ* 'раб', 'слуга' (ДТС), букв. 'черная голова'. В лакских сказках *qɣaravaʃ* 'раб', на что указывает, в частности, и то, что это слово принимает аффикс множественного числа для лица мужского пола *-tal* (*qɣaravaʃtal*).

8. Дарг., лакск. *juzbaʃi* 'сельский старшина'—выборная должность; табас. *juzbaʃi* 'предводитель отряда'. В Кайтаге (даргинцы) *юзбаши*, который назначался уцмием, впоследствии был заменен *наибом*³². В аварском ему соответствует *begavul*, в лезгинском — *kentxuda* (<азерб.<перс.), но в лезгинском языке термин *juzbaʃi* известен.

Ср. азерб. *juzbaʃi* 'сельский старшина', 'сотский', 'сотник' (APC), (букв. 'глава сотни').

9. Лакск. *ɕavuʃ* ~ *ɕouʃ* ~ *ɕäuʃ* 'сельский глашатай', 'рассыльный при старшине селения', 'распорядитель на свадьбе', 'порученец при тамаде'; лезг., табас. *ɕavuʃ* 'сельский глашатай', 'порученец', 'сторож полей и садов' (ЛзРС); в лезгинском языке *ɕavuʃ* выступает синонимом *jaɣɕi* (<тюрк.). *Чауши* избирались аксакалами, и выбор должен был быть одобрен обществом³³. В аварском и даргинском языках это слово отсутствует. В авар. *e'l* 'глашатай' (АвРС), в дарг. *mapuʃ* (тюрк., об этом см. ниже) 'глашатай'.

Ср. кумык. *ɕavuʃ* 'глашатай' (KPC); азерб. *ɕavuʃ* 'предводитель каравана странников, пилигримов' (APC); крымско-тат. *ɕavuʃ* 'деревенский десятский, который обязан принимать приезжих'; турец. *ɕavuʃ* 'швейцар', 'сторож', 'городовой' (Будагов), др.-тюркск. *ɕavuʃ* 'командир, руководящий войсками в боевых порядках' (ДТС). По мнению исследователей, тюркское *ɕavuʃ* восходит к монгольскому *jabuɕi* 'ходок, посыльный'³⁴.

10. Авар. *mapuʃ*, дарг. *mapuʃ* ~ *mapquʃ*, лакск. *mapuʃ* 'сельский глашатай', 'судебный исполнитель', 'сторож, охраняющий поля и сады'. Он созывал сельский сход, свидетельствовал потраву на полях, сообщал о пропаже скотины и т. п.³⁵ В лезгинском и табасаранском отсутствует. В лакском языке из двух синонимичных терминов *ɕauʃ* и *mapuʃ* последний, насколько можно судить по историческим песням, является более архаичным. На наш взгляд, данное слово-термин имеет явно тюркское происхождение. В слове *mapuʃ* выделяются: тюркская основа *map-* (*mapq-*) 'кричать, орать', ср. др.-тюрк. *map-* (*mapq-*) 'кричать, орать' (ДТС) + тюркский словообразовательный аффикс *-uʃ*, который присоединяется к глагольным основам для образования существительных, в том числе и со значением субъекта и объекта³⁶.

11. Авар., дарг., лакск., лезг. *ɕaraɣ*, табас. *ɕamaɣ* 'гонiec', 'вестовой', 'нарочный'. В лезгинском языке, кроме того, и путь, который обычно проходил гонiec, равный примерно 20 км (ЛзРС); в даргинском языке— 'сельский посыльный'³⁷.

Во всех дагестанских языках представлен азерб. *ɕaraɣ* 'гонiec, скороход, вестовой' (APC); см. также кумык. *ɕar-* 'скакать', 'бежать' (KPC), др.-тюркск. *ɕar-* 'хлестать, стегать' (ДТС).

12. Авар. *qaravul*, дарг. *qqaqaul*, лезг. *qqaqavul*, табас. *qaravul*: 1) собирательное 'караул', 'охрана', 'стража', 'дозор'; 2) 'часовой', 'караульный', 'охранник', 'сторож'. Во втором значении в лезгинском языке также *qqaqavuljči* (*qqaqavul+či*), в даргинском языке *qqaqavulčevši* (*qqaqavul>qqaqavul+čevši*).

Ср. кумык. *qaravul* 'караул', 'сторож' (КРС); азерб. *qarovul id.*, *qarovulči* 'караульный, караульщик' (АРС); др.-тюркск. *qaraγu* 'дозор, стража, охрана' (ДТС).

Среди дагестанских форм выделяется лакская форма *qqaqal*: 1) 'охранение', 'наблюдение'; 2) 'охрана, дозор, стража', возникновение которой от кумык. *qaravul* или азерб. *qarovul*, по нашему мнению, маловероятно, так как подобную фонетическую трансформацию — *qaravul>лакск. qqaqal* — на лакской почве нельзя объяснить [тем более, что в других дагестанских языках сохранилась без изменений собственно тюркская структура; ср. также поведение аналогичной тюркской (через русск.) структуры в лакском языке: *jasavul* дало в лакском *jasavur* 'распорядитель-порученец тамады', а не *jasaul* — как это следовало бы ожидать]. Лакское *qqaqal* — это обособившаяся часть лакской кальки кумыкской страдательной формы *qaral+таq* от *qara+таq* 'наблюдать, смотреть, рассматривать' (КРС), *qqaqal* *baп* букв. *qqaqal* 'сделать', 'караулить', 'наблюдать, охранять'. Со временем именная часть словосочетания обособилась. Такие случаи, особенно на стыке языковых контактов, нередки. Аналогичным образом возникло в лакском имя существительное *ttaral* 'расческа'; это — усеченная форма лакской кальки кумыкского *taral+таq* — страдательная форма от *taγa+таq* 'расчесывать, причесывать, чесать'; см. также кумык. *taγaq* 'расческа, гребень, чесалка'. Лакск. *qqaqalči* 'дозорный, часовой, сторож' образовано от *qqaqal* уже на лакской почве, но по тюркской модели, присоединением заимствованного тюркского аффикса *-či*, имеющего в лакском языке статус самостоятельного аффикса. См. кумык. *qaravulči~qaravulči* 'присматривающий, ухаживающий за кем-либо', 'наблюдатель'; *qaravul* 'караул, сторож' (КРС).

13. Авар. *račaliq~račalix*, дарг. *račaliq*, лакск. *raččahluy~raččahluy*, лезг. *račahluy*, табас. *raččahluy* 'государство, держава'; 'страна, край'; в даргинском, кроме того, и 'нация'.

Отдельно представлены: а) авар. *račāh* 'царь', 'император', *rača* 'царь', 'король', 'хан'³⁸; дарг. *rača*, лакск. *raččāh*, лезг. *račah*, табас. *raččah* 'царь', 'король', 'император', 'государь'; б) авар. *radišah*, лезг. *radišah* 'царь', 'король', 'государь', 'император', 'падишах', лакск. *radišah* — разговорное, ироническое в этих же значениях.

Все эти, на первый взгляд, разные слова этимологически восходят к иранской основе. Ср. др.-перс. *ratixšāyadīa*, ср.-перс. *rātoχšā*, нов.-перс. *rādšah*³⁹//*pādīšah*⁴⁰//*padešah* 'падишах', 'шах', 'царь', 'король'⁴¹.

Однако, говоря о конкретном источнике заимствования в дагестанские языки, необходимо учитывать следующее.

Авар., лезг. *radišah*, лакск. *radišah* можно считать непосредственным заимствованием из персидского, ср. нов.-перс. *rādīšah*//*padešah* 'падишах', 'шах', 'царь', 'король', хотя не исключено и тюркское посредство, ср. азерб. *radšah* (АРС), кумык. *radišah* (КРС).

Авар. *račāh*, *rača*, дарг. *rača*, лакск. *raččāh*, лезг. *račah* 'царь' и т. д., видимо, следует отнести к дагестаноязычным формам перс. *radišah*//*padšah*, где инлаутный комплекс *-dš-* (с промежуточным оглушением звонкого *d* (*d>t*) под влиянием соседнего *š*) закономерно перешел в глухую аффрикату *č* (*dš>tš>č*), а гласный *a* второго слога под

влиянием соседнего фарингального *h* в аварском и лакском языках перешел в фарингализованный *ä* (pašah > pačäh).

Можно было бы предположить кумыкское посредство при заимствовании, ср. кумык. paša 'царь' и т. д. В таком случае пришлось бы допустить возникновение на аварской, лакской, лезгинской почве ауслаутного фарингального *h*, однако это явление не поддается объяснению. И без того возможность перехода комплекса *dš(>tš) > č* на кумыкской почве не подтверждается фактами других тюркских языков. См. азерб. padšah 'царь' и т. д. (АРС), караим. patsay//patšax 'аристократ', 'сановник' (КРПС) (с закономерным в караимском *š > s*), patšax 'владыка', paduša 'царь', padišah 'падишах' (КРПС), туркм. patyša 'царь' и т. д. (ТркРС), уйг. patša//padiša 'царь' и т. д. (УРС), тур. paša 'паша', 'генерал' (ТРС); но ср. в близкородственных дагестанским языкам — чеченском paččäh 'царь', 'король', 'государь', 'падишах', 'шах' (ср. очевидное заимствование из турецкого: paša 'паша') (ЧРС), ингушском paččäha 'царь' и т. д. (РИС), а в соседнем, но неродственном осетинском перс. pādšah > padšax 'царь' и т. д. (Абаев, с. 235). Поэтому саму кумыкскую форму paša 'царь' и т. д. следует считать заимствованной из дагестаноязычной (аварской, даргинской) среды или возникшей под влиянием дагестанских языков. Кстати, ср. кумык. padišah 'царь' и т. д. (КРС, РКС), которую также можно считать книжной.

Производные формы: авар. pačaliq//pačalix, дарг. pačaliq 'государство' — очевидные заимствования из кумыкского языка; ср. кумык. pačalyq *id.*, так как в аварском и даргинском языках тюркский (кумык.) словообразовательный суффикс *-liq (<-lyq)* неизвестен, и все формы с данным элементом в этих языках являются прямыми заимствованиями. Ср. собственно аварское образование: pačal'i (paša + авар. суфф. *-l'i*) 'царство' (АвРС). См. также чеченский кумыкизм pačhalq (<pačahlyq) 'государство' (ЧРС). Лезг. pačahluy, табас. pačahluy 'государство' следует считать заимствованиями из азербайджанского языка, с учетом комплекса *dš(>tš) > č*, ср. азерб. padšahlyq *id.* (АРС). Правда, в современных лезгинском и табасаранском языках заимствованный азербайджанский аффикс *-luy* функционирует как самостоятельное словообразовательное средство⁴². Но абсолютное большинство форм с *-luy* в лезгинском и табасаранском языках являются прямыми заимствованиями из азербайджанского языка⁴³. Лакск. paččahluy 'государство' также заимствовано из азербайджанского языка. В современном лакском языке азербайджанский суффикс *-luy* функционирует как самостоятельное словообразовательное средство, хотя и ограниченно. Если бы paččahluy было образовано на лакской почве, то указанная форма означала бы «поступок, присущий царю», а не «царство» в значении «государство».

В отдельных дагестанских, как и в ряде других языков, представлено слово paša 'паша' [см., например, лакск. paša, чеч. paša (ЧРС), ингуш. paša (РИС), перс. paša (ПРС)], являющееся вполне очевидным новейшим заимствованием из турецкого языка. Ср. тур. paša 'паша', 'генерал', paşam 'почтенный' (обращение к кому-либо); paša kapisi 'Высокая Порта'; pašalyk 'пашалык', 'административный округ' (ТРС). Форма paša (padišah) отмечена в тюркоязычных документах Малой Азии уже в XIII веке⁴⁴.

14. Лакск. xalluy (<xanluy), лезг. xanlux 'ханство' — в значении «территория ханства, государства»; в лакском, кроме того: «положение хана», «господство», «воля», «надменность», «независимость»; в этих значениях в лакском языке в слове xalluy тюркский словообразовательный суффикс *-luy*⁴⁵ иногда говорящим заменяется его лакским соответствием *-šivu*, тогда как в значении «государство» такая замена невоз-

можно. В аварск., дарг., табас. форма *хаплу* отсутствует, и понятие «ханство» образуется присоединением исконных аффиксов к слову *хап* 'хан', что можно квалифицировать как кальку тюркского *ханлуқ*.

15. Авар. *il~el*, лакск. *il*: 1) 'страна, территория'; 2) 'народ', 'община', 'множество людей', дарг. *il*, лезг., табас. *el* 'народ'; лезг. *ellik* 'общественный', 'народный', *elliklux* 'общественный луг', 'лес'. В лакском языке *il* в значении 'территория' обычно употребляется в сочетании с *хан*: *ildanul* *хап* 'хан', букв. 'хан ила', равноценное по смыслу «государю», «хозяину страны».

В дагестанских языках сохранились все основные значения этого древнего тюркско-монгольского термина. Согласно Л. Н. Гумилеву, *иль* — форма существования орды и племени, своеобразный конгломерат покоренных кочевых племен⁴⁶. У древних тюрков *иль* — это 'объединение аристократии'⁴⁷; др.-тюркск. *el*: 1) 'племенной союз, организация'; 2) 'народ'; 3) 'административная единица' (ДТС). Огузы этим термином обозначали 'племенной союз', позднее — 'политическое объединение с разноплеменным населением'⁴⁸. В западно-монгольских государствах *иль* 'государство', 'держава'⁴⁹. Возможно, это слово заимствовано дагестанскими языками непосредственно из азербайджанского языка, во всяком случае, применительно к лезгинскому это очевидно. Ср. азерб. *el* 'страна', 'народ', 'племя', 'общество'; *ellik* 'общественный, народный' (АРС).

16. Так же, как *il* в значениях: 1) 'государство', 'страна' и 2) 'народ', 'племя', в лакском представлен другой тюркско-монгольский термин *ulus*, перен. 'множество людей', 'толпа'. В других дагестанских языках он неизвестен, однако см. лезгинский топоним *Ulus mihal* 'Улус михал' — группа аулов в Магарамкентском районе ДАССР⁵⁰.

В азербайджанском и кумыкском языках слово *ulus* не представлено. Однако см.: др.-тюркск. *ulus* 'селение', *el ulus* 'страна, государство'; монг. (период Чингисхана и позже) *ulus* — двуединое понятие 'народ — государство'⁵¹, уйг. *ulus* 'народ', 'государство' (УРС); по данным Л. З. Будагова, первоначальным значением *ulus* было «народ» (Будагов, с. 89, 204); калмык. *ulus* 'народ'⁵².

17. Дарг. *jurt* 'дворец'. В современном лакском языке отдельно не представлено, но, судя по историческим песням, устойчивым словосочетаниям, в лакском *jurt* могло иметь значения: 1) 'юрта', 'кыпчакская юрта'; 2) 'дом', 'семья', 'род', 'селение', 'община'. См. устойчивое словосочетание *jurt butin* букв. 'юрт вылить', 'опозорить юрт', то есть 'опозорить дом, семью, общину, селение'; ср. аналогичные сочетания: *qqatta butin* букв. 'дом вылить', 'опозорить дом, семью'; *jurtiral taž* букв. 'корона юрта', то есть 'гордость и краса (или глава) дома, семьи, общины'; ср. аналогичное образование: *tuxundalul taž* букв. 'корона рода', то есть 'гордость (или голова) всего рода, общины'; табас. *jurt* 'город', 'родина', 'очаг'.

Это слово в даргинский и лакский языки могло проникнуть как из кумыкского: ср. кумык. *jurt* 'селение', 'дом', 'хозяйство' (КРС), так и из азербайджанского языка: ср. азерб. *jurd* 'очаг', 'жилище', 'дом'; 'родина' (АРС). В аварском *jurt* и лезгинском *jurd* выражают значение только 'юрта' (по данным словарей), вероятно, это более позднее книжное влияние.

18. Авар., дарг. *urdu* 'лагерь, ставка'; в современном аварском употребляется и в значении 'пионерский лагерь'; лакск. *urdu* 'дворец', 'дворец шамхала, хана'; *urdul bika* букв. 'бика дворцовая', то есть 'женщина шамхальского (ханского) происхождения', 'ханша', 'принцесса'. Судя по исторической песне («Бюрхай Изажа»), лакцам хорошо была

известна и Татарская Орда (на Волге). В лезгинском и табасаранском языках это слово неизвестно; чечен. *urd* 'надел' (ЧРС).

В современном кумыкском языке слово *orda* отсутствует; в азербайджанском *ordu* (*орду*) имеет значение «армия» (АРС). *Orda* было представлено в различных тюркских, монгольских, славянских (<тюрк., монг.) языках⁵³; др.-тюрк. *ordu* 'ставка, резиденция хана', 'дворец' (ДТС); у татаро-монголов оно (до того, как Тимуру удалось сделать своей официальной столицей Самарканд) имело значения: «кочевая ставка» и «государство»⁵⁴; монг. *ordon* 'дворец'. Как отмечалось в литературе, *орда* в значениях «войско» и «государство» стало употребляться позднее, с XIV века⁵⁵.

¹ *Авар* — аварский яз., *дарг.* — даргинский яз., *лакск.* — лакский яз., *лезг.* — лезгинский яз., *табас.* — табасаранский яз.

² Помимо наших полевых наблюдений, дополнительный лексический материал по дагестанским языкам взят нами из словарей: «Аварско-русский словарь», М., 1967 (АвРС); «Русско-аварский словарь», Махачкала, 1951 (РАС); «Русско-даргинский словарь», Махачкала, 1950 (РДС); «Лакско-русский словарь», М., 1962 (ЛРС); «Русско-лакский словарь», Махачкала, 1953 (РЛС); «Лезгинско-русский словарь», М., 1966 (ЛзРС); «Русско-лезгинский словарь», Махачкала, 1951 (РЛзС). В сборе материалов по табасаранскому языку участвовал К. Т. Шалбузов.

³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, М., 1968 (статьи «Хакан», «Хан»); G. J. Ramstedt. Alte türkische und mongolische Titel. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», 55, Helsinki, 1955; Ю. Немец. К вопросу об аvaraх. — В кн. «TURCOLOGICA», Л., 1976, стр. 299.

⁴ В. В. Бартольд. Указ. раб. (там же).

⁵ G. J. Ramstedt. Указ. раб.; Н. А. Баскаков. Тюркизмы — социальная терминология в «Слове о полку Игореве». — В кн. «TURCOLOGICA», Л., 1976.

⁶ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 604.

⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, стр. 46—47.

⁸ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 140.

⁹ О Казикумухском ханстве см.: «История Дагестана», т. I, М., 1967, стр. 328.

¹⁰ «Хаклави» (правописание и произношение еще не уточнено) — титул правителя Казикумуха в XVII веке. Эта должность считалась выборной. («История Дагестана», т. I, стр. 249).

¹¹ Об этом см.: «История Дагестана», т. I, стр. 343, 350—351; В. Г. Гаджиев. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся». М., 1971, стр. 153.

¹² Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 142—143.

¹³ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1966, стр. 46.

¹⁴ Х. М. Хашаев. Указ. раб., стр. 146, 150—151, 162, 183, 189, 195, 256.

¹⁵ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 502; В. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 127. Г. И. Рамstedt, сравнивая монг. *bijile*, *bejile* 'княжеский титул' с тур. *bej*, *beq*, кирг. *bi*, восстанавливая архетип *beq*, квалифицировал его как заимствование из китайского языка (Г. И. Рамstedt. Этимология имени Ойрат. — «Записки русского географического общества», СПб, 1909, 34, стр. 552; G. J. Ramstedt. Kalmukisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, стр. 44). Мнения о китайском происхождении термина придерживался и Дж. Клоусон (G. Clouston. An Etymological Dictionary of Prethirteenth-century Turkish. Oxford, 1972, стр. 322—323). В Бангом была высказана мысль об иранском происхождении термина: ср. перс. *bag* 'бог', 'король' (обзор литературы по вопросу см.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978, стр. 98—100).

¹⁶ С. Ш. Гаджиева отмечает наличие в кумыкском языке двух форм этого слова: потомки шамхальского рода, то есть младшая линия тарковских шамхалов и мехтулинских ханов, именовались «беками», тогда как засулакским кумыкам термин *bek* (так же как и *хап*) неизвестен; здесь же потомки Султан-Мута (выходца из дома Шамхалов) называются «бий» или «князь» (С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 107).

¹⁷ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б», стр. 97—98.

¹⁸ Формы *bijka*, *bijca* некоторые считают вариантами *bij*, в которых выделяется элемент *-ка~-са* — показатель женского пола. В. Г. Егоров. Этимологический словарь

чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 160; *M. Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 676; Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б», стр. 135.

¹⁹ А. А. Сатыбалов. Указ. раб., стр. 185.

²⁰ И. П. Петрушевский. Указ. раб., стр. 113.

²¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 47. Подробнее об этимологии термина см.: Б. Я. Владимирцов. Монгольское *pöküŋ*. — «Доклады Академии наук СССР», 1929, № 16, стр. 288—289. Литературу по вопросу см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971, стр. 89.

²² М. М. Ихилов. Народности лезгинской группы, Махачкала, 1967, стр. 72; В. Г. Гаджиев. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся». М., 1979, стр. 211.

²³ Б. Маллачиханов. Аварские исторические песни. Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, д. 151, ф. 9, оп. 1, стр. 45.

²⁴ Г. Ф. Благова. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*. — В кн.: «Этнонимы», М., 1970, стр. 145.

²⁵ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского языка. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 525.

²⁶ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. 1, 1888, № 4, стр. 630.

²⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 175.

²⁸ Подробнее об истории термина в тюркских языках см.: Г. Ф. Благова. Указ. раб. О прослойке казаков в кумыкской среде см.: С. Ш. Гаджиева. Указ. раб., стр. 117—118.

²⁹ М. К. Милых. Ногайские тексты. — В кн.: «Языки Северного Кавказа и Дагестана», П. М.—Л., 1949, стр. 249. Цитируется по: Г. Ф. Благова. Указ. раб., стр. 147.

³⁰ Ср. аналогичное явление, но в обратной связи у некоторых цезских народов (входящих в группу носителей аваро-андо-цезских языков): *qazaq* 'грузин', так как пленные были обычно из Грузии.

³¹ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. I—II. М., 1890, стр. 225.

³² «Памятники обычного права Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 37.

³³ «Памятники обычного права...», стр. 26.

³⁴ Р. Г. Ахметьянов. Общая лексика духовной культуры народов Северного Поволжья. М., 1981, стр. 102.

³⁵ Р. М. Магомедов. Памятники истории и письменности даргинцев. Махачкала, 1976, стр. 21 и след. (источники там же); «Памятники обычного права...», стр. 24.

³⁶ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 140—152.

³⁷ Р. М. Магомедов. Указ. раб., стр. 78.

³⁸ Перевод на русский язык аварского *rašāh* и *raša* дан по «Аварско-русскому словарю» (М., 1967, стр. 372).

³⁹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III, М.—Л., 1979, стр. 235. Статья *radšah*. Здесь же см. географию термина.

⁴⁰ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971, стр. 223. Статья «паша».

⁴¹ «Персидско-русский словарь», М., 1953, стр. 86.

⁴² См.: Б. Б. Талибов. Грамматический очерк лезгинского языка. — В кн.: «Лезгинско-русский словарь». М., 1966, стр. 559; Р. И. Гайдаров. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966, стр. 62.

⁴³ Н. С. Джидалаев. Тюркско-дагестанские языковые контакты. — Рук. фонд. Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, ф. 3, оп. 4, д. 564, стр. 80—82; Р. И. Гайдаров. Указ. раб., стр. 214.

⁴⁴ М. Mansuroğlu. Some Titles and Names in old-anatolian Turkish. — «Wal-Altische Jahrbücher», 1955, t. XXVII, стр. 95—96. — Цит. по: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, стр. 117—118.

⁴⁵ О функциях этого суффикса подробно см.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 25—53.

⁴⁶ Л. Н. Гумилев. Древние турки. М.—Л., 1967, стр. 102.

⁴⁷ А. Н. Бернштам. К вопросу о возникновении классов у турков VI—VIII в. н. э. — В кн.: «К 50-летию книги Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“», М.—Л., 1936.

⁴⁸ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 46.

⁴⁹ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 45.

⁵⁰ Р. И. Гайдаров. Указ. раб., стр. 195.

⁵¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 43.

- ⁵² G. J. Ramstedt. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, стр. 449.
⁵³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., с. 541; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971, стр. 150; G. J. Ramstedt. Указ. раб., стр. 288.
⁵⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 173—174; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 64.
⁵⁵ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 541; В. Д. Аракин. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. — В кн.: «Тюркизмы в восточнославянских языках», М., 1974, стр. 117—120.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абаев — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III, М.—Л., 1979.
 АРС — «Азербайджанско-русский словарь». Сост. Х. А. Азизбеков, Баку, 1965.
 Будагов — Л. Будагов. «Сравнительный словарь тюрко-татарских наречий». Т. II, СПб., 1871.
 ДСТЯ — «Диалектологический словарь татарского языка», Казань, 1969.
 ДТС — «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
 КРПС — «Карaimско-русско-польский словарь», М., 1974.
 КРС — «Кумыкско-русский словарь». Сост. А. Г. Магомедов. М., 1969.
 РИС — «Русско-ингушский словарь». Под ред. Ф. Г. Оздоевой и А. С. Куркиева. М., 1980.
 РКС — «Русско-кумыкский словарь». Под ред. З. З. Бамматова. М., 1960.
 ТркРС — «Туркменско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. А. Хамзаева. М., 1968.
 ТРС — «Турецко-русский словарь». Сост. Д. А. Магазаник. М., 1945.
 УРС — «Уйгурско-русский словарь». Сост. Э. Н. Наджип. М., 1968.
 ЧРС — «Чечено-русский словарь». Сост. А. К. Мациев. М., 1961.

О Н О М А С Т И К А

Л. П. ПЕТРОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЧУВАШСКИХ НАЗВАНИЙ ХИЩНЫХ ПТИЦ

Историко-этимологические разыскания в области чувашской орнитонимической лексики, в частности названий хищных птиц (*çătkăn вёсенкайксем*, собир. *хурчка-хёрен*, *хурчка-çăхан*), представляют, на наш взгляд, определенный научный интерес для лингвистов, историков, этнографов и способствуют выяснению некоторых вопросов этно- и глоттогенеза чувашей и других тюркоязычных народов. В чувашеведении, да и в тюркологии в целом, специальных разработок по данной теме до сих пор еще не было, хотя в некоторых исследованиях по тюркской лексикологии и встречаются этимологии отдельных названий хищных птиц. В частности, в соавторстве с Н. И. Егоровым нами была разработана история чувашского орнитонима *хурчăка* 'ястреб'¹. Этимологические связи чувашских названий хищных птиц отражают реальные пространственно-хронологические и генетические межтюркские взаимоотношения, имевшие место со времени общетюркского (булгаро-тюркского) состояния вплоть до последних этапов этногенеза отдельных тюркоязычных народов.

В чувашском языке засвидетельствовано более трех десятков названий хищных птиц. Интересное описание хищных птиц мы обнаружили в одном из фондов профессора Н. В. Никольского по этнографии чувашей, собранном в середине XIX века. Автор характеризует их следующим образом: «*хăлат* ('кулада', 'сарыч', 'беркут'. — Л. П.) — короче и шире (чем *хёрен*), летает-хлопает; *хёрен* ('коршун', 'беркут'. — Л. П.) — уже и парит больше, *хёрхĕ* ('жобчик'. — Л. П.) почти что *хёрен*, но ржёт жеребенком»².

Из этих и других аналогичных материалов можно, как нам представляется, сделать выводы исторического, а отчасти и этнографического характера. Во-первых, предки чувашей, четко представлявшие себе характерные биоморфологические признаки и повадки хищных птиц, давали им меткие определения. Во-вторых, довольно детальная разработанность названий хищных птиц имела, на наш взгляд, давние традиции. В-третьих, предки чувашей, подобно некоторым тюркоязычным народам (например, подобно современным киргизам и казахам),

¹ См.: Н. И. Егоров, Л. П. Петров. Этимология некоторых чувашских орнитонимов. — «Советская тюркология», 1982, № 6, стр. 70—76.

² Научный архив Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, отд. I, т. 263, л. 44.

широко использовали для охоты (до оседлой жизни) ловчих птиц. В-четвертых, использование ловчих птиц получило распространение лишь в степной зоне, и в связи с этим можно предположить, что предки чувашей когда-то обитали в этом климатическом поясе.

АМАРТ, уст. 'орел', Aquila; *амарткайак* 'орел', диал. *сам кайак* 'тж' [11, с. 24], *ман кайак* 'тж' [там же, с. 41]. Из фонетических вариантов заслуживают внимания нижеследующие формы, ср.: *ампарткайак* 'орел' [1, I, с. 205], *тамарт кайак* 'тж' [там же, XIV, с. 268]. Производными образованиями являются составные *тинес амарткайак* 'орлан', *виле амарткайак* 'орел-могильник'.

В настоящее время основным и употребительным названием в чувашском языке является общелитературная форма *амарткайак*, тогда как однокоренное слово *амарт* употребляется крайне редко.

Хотя ястребообразные, к которым относится и орел, распространены по всему миру, кроме приполярных широт, но на территории Чувашии *амарткайак* не обитает. Предки чувашей примерно до VII—VIII веков эту птицу хорошо знали и не исключено, что с ней даже охотились. Когда же болгары стали переселяться из степей Северного Кавказа и Приазовья в Поволжье, то, вероятно, орлов уже перестали приручать.

Орнитоним *амарткайак* упоминается в чувашских произведениях устного народного творчества. Интересно отметить, что в последних орел выступает как сильная и добрая птица, помогающая сказочному герою выбираться из трудных положений.

Чувашский термин для номинации Aquila имеет близкородственную связь со следующими тюркскими формами, ср.: тат. *самруг* миф. 'симуруг' (сказочная быстрокрылая птица, помогающая людям в беде); 'двуглавый орел' (геральдическое изображение); башк. *самрегош* миф. 'самруг' (сказочная птица) 'двуглавый орел' (геральдическое изображение); башк. *самруг*, каз. *самрав* 'фантастическая птица', *самере кош* 'орел'; каз. *самрав* 'большой орел', *самұрық* миф. 'феникс' [2, с. 150]; уйг. *симрукэ* 'гриф или кондор'; кирг. *зумурук* 'сказочная птица'; туркм. *сумруг* 'симуруг', 'фантастическая птица, спасающая героев сказок-дастан в трудных обстоятельствах' [7, с. 80]; узб. *семург* 'симуруг'. В остальных тюркских языках данная основа не представлена. Орнитоним зафиксирован в персидском языке, ср.: *симургэ* 'фантастическая птица, большой орел, феникс' (она, согласно поверью, обладает разумом, даром слова и обитает на горе Каф).

В чувашеведении Н. И. Золотницкий впервые записал данную лексическую единицу в виде *амырткайык* без каких-либо комментариев [6, с. 4]. Автор, по-видимому, не обнаружил этимологических соответствий в «языках и наречиях разных народов тюркского, финского и других племен». Наиболее правдоподобную этимологию, основываясь на некоторых генетически близких формах из родственных и неродственных языков, выдвинул В. Г. Егоров. Он считал чувашский *амарт*, *амарткайак* 'орел', 'беркут' относящимся к сарматскому или болгарскому наследию, возведя его при этом к названию восточной мифологической птицы «*симург*»: *си* 'собака', *мург* 'птица' [5, с. 40]. Для сравнения В. Г. Егоров привлек некоторые тюркские параллели, включая и персидский *si-morg*, *si-murg* 'сказочная птица', и констатировал, что при заимствовании чувашами начальное *s* отпало, как и в ряде других слов, например: *айса* **сйса* 'челнок', *айсла* < **сйсла* 'сусло'.

В свое время М. Ряснен отметил проникновение чувашской формы *амарт* 'орел' в марийский язык (ср.: чер. *amərt* 'беркут-орел', *amərt* 'баба птица'), но отрицал проникновение в чувашский язык персидской

формы *sinmurg* 'сказочная птица'³. В основном этого же мнения придерживается и М. Р. Федотов (чув. *ăмăрт* 'орел' → мар. *амырт* 'красный коршун'), но в отличие от М. Рясенена он считает проникновение персидского термина в чувашский язык вполне возможным и вполне объяснимым⁴. Следует подчеркнуть, что инициальный переднеязычный щелевой согласный *с-* в чувашском языке в заимствованных словах исчезает, например: русск. *солома* ~ чув. *улăм* и т. д. Но в превращении *семург* > *ăмăрт* известную трудность, как справедливо отмечает И. П. Павлов⁵, представляет переход конечного персидского *г-* в чувашское *-т*, ср.: *симург* ~ *ăмăрт*. Этот переход можно объяснить двояко. Так, в азербайджанском и анатолийско-турецком фольклоре эта сказочная птица называется *зумрут* или *зюмрют*⁶. Можно допустить, на наш взгляд, что именно эти фонетические варианты позволили развить в чувашском орнитониме *ăмăрт* конечный согласный *-т*. В таком случае можно было бы предположить, что этот переход следует отнести приблизительно к III—V векам, когда народы-носители данных языков контактировали друг с другом. Однако подобное предположение, по нашему мнению, не вполне оправдано. Как правило, в чувашских заимствованиях из персидского и арабского языков переход инлаутного и финального *к/г* > *т* является почти закономерным: чув. *тупăт*, *тупăк* 'гроб' (тат., башк., азерб., тур., гаг., кум. *табут* 'тж') < арабск. и перс. *табут* 'гроб', 'сундук', 'ящик'.

Итак, за исключением чувашского и марийского, почти во всех упомянутых языках рассматриваемое слово выступает как название мифической, сказочной птицы.

Существует мнение о том, что в зароастрийских текстах образу грифона соответствовал образ птицы *сайна* или *сэн* (от *saēna*, *saēno* пәгәү; отсюда позднее развилось *sēnmurg* или *sinmurg*). В произведениях сасанидского искусства изображение этого фантастического существа представляет собой соединение птицы (орла) — верхняя часть и животного (собаки) — нижняя часть⁷.

Необходимо отметить, что на второй элемент *мург* 'птица' в слове *симург* впервые обратил внимание В. И. Абаев при этимологизации осетинского термина *marg* 'птица', восходящего к иранскому **mrga* 'птица'⁸.

ХАЛАТ — название ряда хищных птиц: 'коршун', *Milvus korschun*; диал. 'лунь', *Circus*; 'сарыч', 'канюк', *Buteo buteo*.

В чувашском языке представлен ряд фонетических вариантов рассматриваемого термина: *хлот* 'хищная птица' [1, XVII, с. 75], *шур хăлак* 'хищная птица с белым хвостом и беловатой спиной, величиною с ястреба' [там же, XVII, с. 240], *хăлач* 'название хищной птицы' [там же, XVI, с. 316], чув. диал. (сунд.) *хольчă* 'ястреб', *хăлаш* 'коршун' [11, с. 79].

В последнее время в художественной литературе стали чаще использовать составной термин *салакайăк хăлачĕ*, название птицы, букв. 'воробьиный коршун', аналогично образованное по модели *çerçi* (~ *са-*

³ М. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — MSFOu, XLVIII, Helsinki, 1920, стр. 238.

⁴ М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Часть I. Чебоксары, 1965, стр. 75.

⁵ И. П. Павлов. Мён вăл ăмăрт? — «Тăван Атăл», Шупашкар, 1978, № 2, стр. 16.

⁶ «Чувашские сказки», М., 1937, стр. 16.

⁷ К. В. Тревер. Сэнмург-Паскудж. Собака-птица. Л., 1937, стр. 39.

⁸ Подробнее об этом см.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973, стр. 73—74.

лакай^ак) *хурчки* 'кобчик', 'небольшой ястреб', *салакай^ак та^амани*, название хищной птицы, один из видов совиных [1, XI, 25]. Во многих случаях названия некоторых хищных птиц как в чувашском, так и в большинстве тюркских языков употребляются в переносном значении, в том числе и орнитоним *х^алат*, употребляющийся как прилагательное в значениях «неряшливый, неаккуратный, небрежный», а также «неловкий, неповоротливый человек», ср.: *х^алат пу^с* 'лохматая голова'. В тюркских языках засвидетельствованы следующие близкородственные образования: туркм. *гулаты*, диал. *гыулаты* 'болотный или камышовый лу^н' [7, с. 77], узб. *калхат* 'коршун', алт. *ак кылады* 'ястреб-мышелов' [3, с. 11], *кылады* (тел.) 'ястреб' (мышелов), *ак кылады* 'ястреб белохвостый' [там же, с. 160], алт. *кулады*—большая птица, мясо и жир которой употребляют в пищу, а мелкие перья ее используются как лекарство при обморожениях и ожогах⁹. Из нетюркских языков данный термин генетически связан с монгольскими, ср.: монг. *хулт* 'мышелов', бур.-монг. *хулда* 'лу^н'; *боро хулда*, *талын хулда* 'лу^н полевой', *утэгэй хулда* 'лу^н луговой', *хул^нанай хулда* 'лу^н камышовый'; калм. *хулд* 'лу^н'; письм.-монг. *хулату шибагун* 'белый коршун' [8, с. 193].

С чувашским *х^алат* следует, на наш взгляд, сопоставить родственные лексемы, распространенные в ряде сибирских тюркских языков, ср.: алт., тел., лебед., хак. *калыт* (*калы+т*) 'заставить прыгать', 'гонять' [10, II, с. 245]. В тобольском слове *калыт*, вслед за В. В. Радловым, мы усматриваем основу *калы-* 'парить', 'летать' и аффикс понудительного залога -*т*.

Исходя из этих данных, можно предположить, что в названных языках коршун получил такую номинацию по характерному для него поведению, то есть тюркский орнитоним означает «гоняющая, преследующая птица».

Возникновение генетически близких чувашской и монгольских форм относится к прабулгарской эпохе (I—V вв. н. э.). Следы прабулгарского языка отмечаются в языках Центральной и Восточной Сибири. Чувашское слово *х^алат* 'коршун', 'мышелов', по всей вероятности, появилось еще в эпоху существования контактов между носителями прабулгарского и прамонгольского языков. Иначе невозможно объяснить появление чувашского термина. Источником шорского *кылады* 'ястреб-мышелов', алтайского *кулады* 'большая птица' послужил монгольский язык. Это — относительно поздние монголизмы в тюркских языках.

ШАНКАР, диал. 'сокол', 'кречет', *Falconidae gurfalco*. В нормативных словарях чувашского языка рассматриваемый орнитоним не фигурирует. Зафиксированы случаи использования его в произведениях художественной литературы. Например: *Шанкар юлташ^е ват^а хурч^ака*¹⁰ 'разновидность сокола — старый ястреб'.

Этот орнитоним приводится в словаре Н. И. Ашмарина со следующим иллюстративным материалом: *ш^анккар*, название птицы; *ш^анккар — кай^ак тыттаракан кай^ак*, *усрав кай^ак*, *тытса усраса кай^ак илтерес^е* 'сокол — ручная птица, его держат для ловли птиц и зверей' [1, XVII, с. 316].

Чувашский орнитоним *шанкар* состоит в этимологической связи со многими тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими формами. Из тюркских выделяются тат.-тоб. *шонгар* 'кречет', тат. *шоңкар* 'кречет', *шоңкарчы* 'охотник, обучающий ловчих кречетов', башк. *шоңкар* 'кре-

⁹ О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, стр. 239.

¹⁰ Я. Ухсай. Їёр. Шупашкар, 1964, стр. 9.

чет' (самец); каз. *суңқар* 'сокол', ккалп. *суңқар* 'сокол', кирг. *шункар* ~ *шумкар* 'кречет' (киргизские охотники различают шесть их видов): *байпактуу шумкар*, *күйкө шумкар* (считается наиболее ценным), *катуу бүркөк*, *кара шумкар*, *ак шумкар*, *ителги*; в старом быту, когда дарили девятку ловчих птиц, то возглавлял эту девятку *күйкө шумкар*; *Акшумкар* (кречет богатыря Семетей); эпитет молодца, богатыря (может относиться и к женщине)¹¹; алт. *шонор* 'сокол' [3, с. 449]; туркм. *шуңкар* 'кречет', 'сокол'; азерб. *шунгар* 'кречет'; тур. *şungur* 'сокол'; узб. *шумкар* 'кречет'; др-тюрк. *soŋqur* 'кречет' [4, с. 508], *şuŋ-qar* 'сокол', 'алтайский кречет' [там же, с. 525]; чаг. *сунгарь*, *сонкр*, *сынхур*, *сумкар*, кирг. *суңкар*, тур. *сунбар*, *шинкар*, *шункар*, *шуңкар*, простореч. *шулбар* 'кречет', 'ловчий сокол', *ак суңкар* 'белый кречет' (по киргизскому преданию, кречет может жить только у человека ханского происхождения и при том совершенно честного, в противном же случае он клюет свои лапки и издыхает), перс. *шункар керден* 'умертвить, убить'¹², уйг. *шуңкар* 'сокол' [10, IV, с. 1098].

Из монгольских и тунгусо-маньчжурских форм близкими к чувашскому *шанкар* являются калм. *шоңхр*, ст.-калм. *шонхор* 'кречет'; халк. *шонхор* 'сокол, кречет', бур. *шонхор* 'сокол, кречет'; *нашан шонхор* 'кречет'; письм.-монг. *шонхор* 'сокол', 'кречет' [8, с. 194]; тунг.-маньчж. *шоңқон гасха* 'сокол', *шоңқон иза* 'слепень, овод'; *шоңқоро* 'сокол' (белый) [12, II, с. 427].

Давно замечено, что термины, относящиеся к животному миру, в тюркских и монгольских языках в большинстве случаев совпадают. Аналогичное явление усмотрел Э. Ф. Ишбердин в башкирском названии для кречета, ср.: башк. *шонкар* ~ монг. *шонхор* 'кречет'¹³. Он считает, что появлению башкирско-монгольских соответствий могли способствовать следующие причины: во-первых, генетическое родство алтайских языков; во-вторых, контакты башкирских и монгольских племен; в-третьих, участие отдельных монгольских племен и родов в этногенезе башкир; в-четвертых, более позднее влияние калмыцкого языка на башкирский. Вполне возможно, однако, что в возникновении башкирского термина совпадающее с ним по фонетическому оформлению и значению монгольское слово не играло никакой роли.

Г. Касумбейли рассматриваемое тюркское название для кречета в структурном отношении разделил на словообразующий аффикс *-кор* и элемент *шун*, который, по его мнению, когда-то означал птицу вообще. Варианты последнего элемента *чин*, *син*, *шын*, *цин* автор выявил в составе некоторых тюркских названий птиц, ср.: азерб. *көкәр-чин* 'голубь', *сыгыр-чын* 'скворец', *билдир-чин* 'перепел', *ла-чын* 'сокол', а также монг. *харал-шын* 'бекас', арм. *цин* 'коршун'¹⁴. Такое предположение (за исключением тюрк. *ла-чын*), на наш взгляд, вполне допустимо.

Ряд авторов в тюркском *шункар* ~ *шункор* усматривает звукоизобразительность. Так, Б. Ш. Катамбаева в казахском *суңкар* выделяет звукоподражательную основу *суңк-* и словообразующий аффикс *-ар*¹⁵. В киргизском названии *шункор* Д. Х. Базарова также усматривает

¹¹ «Киргизско-русский словарь», М., 1965, стр. 913.

¹² Л. Э. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, стр. 649.

¹³ Э. Ф. Ишбердин. Некоторые названия животных и птиц в башкирском и монгольском языках. — «Проблемы общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 206.

¹⁴ Г. Касумбейли. По поводу одной этимологии у Потебни. — «Труды Института языка АН Азербайджанской ССР», т. I, Баку, 1947, стр. 24.

¹⁵ Б. Ш. Катамбаева. Подражательные слова в казахском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1965, стр. 16.

звукотрадиционный момент¹⁶. Она приводит любопытное предположение Г. Касумбейли о том, что название *шункор* из тюркского было заимствовано русским языком с обратным порядком следования слогов — «кор-шун». История орнитонима «коршун» рассмотрена в статье Н. И. Егорова и Л. П. Петрова¹⁷.

Небольшую по объёму описательную заметку посвятил К. Ибрагимов тюркским названиям сокола: *şupkar*, *laşun*, *toğan*, зафиксированным в памятниках тюркской письменности¹⁸. Два первых из упомянутых названий соответствуют чувашским формам *шанкар* 'сокол', 'кречет' и *лаччан* 'сокол'.

Анализ тюркских названий сокола показывает, что почти все они являются заимствованиями из персидского языка. Замечено также, что в чувашском языке почти все древнетюркские слова с начальным *ş* являются заимствованиями¹⁹. Это положение подтверждается фонетической и морфологической структурой упомянутого термина, а также устойчивой семантической связью. В свою очередь, как подчеркивает Г. Дёрфер, перс. *şonqar* 'алчный, жадный ястреб' проникло из монгольского, ср.: вост.-монг. *şonqar* < монг. *sinqor* < **sinqor* 'ястреб'²⁰.

Распространенные в тунгусо-маньчжурских языках формы для номинации сокола также следует считать заимствованиями из монгольских языков.

ЭТЕЛЕК 'балобан', *Falconidae cherrug*. В письменных памятниках и словарях чувашского языка рассматриваемый термин в орнитонимическом значении не зафиксирован, но в маргинальных говорах он служит для обозначения названия хищной птицы. Существование этого слова в чувашском языке подтверждается ономастическим материалом, ср.: *Этелек*, название чувашской деревни; *Майш-Этелекё*, название деревни [1, III, с. 34]; *Иделек* ~ *Иделяк*, чув. мужское языческое имя [9, с. 41].

Можно привести десятки наименований птиц, аналогично образованных и в свое время отразившихся в чувашской антропонимике; топонимике и микротопонимике, например: *Пяркан*, чув. женское языческое имя в значении «трясогузка» [1, X, с. 145]; *Тумана*, чув. мужское языческое имя в значении «сова» [9, с. 87]; *Ултёк*, название рода в деревне Б. Карачкино Ядринского района в значении «дикий голубь»; *Кяркка кйлли*, название озера, букв. 'индюково озеро' и т. д.

В тюркологии и алтаистике в целом гомогенные формы с чувашским *этелек* 'балобан', без приведения этого чувашского слова, рассмотрены несколькими авторами.

Чувашский орнитоним *этелек* 'балобан' можно сопоставить с близкими по структуре и семантике образованиями в ряде тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: тат. *тилгән* 'коршун', *этәлге* 'балобан'; башк. *этәлге* 'самка кречета'²¹, ног. *ийтелгекьус* 'кобчик'²², кум.

¹⁶ Д. Х. Базарова. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка (На материале названий птиц). Ташкент, 1978, стр. 46.

¹⁷ Н. И. Егоров, Л. П. Петров. Указ. раб., стр. 72—73.

¹⁸ К. Ибрагимов. Некоторые древнетюркские названия птиц и их параллели в современных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1974, № 6, стр. 38—40.

¹⁹ М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980, стр. 123.

²⁰ G. Döerfer. Türkische und mongolische elemente im neupersischen. B. I. Wiesbaden, 1963, стр. 360—362.

²¹ Т. М. Гарипов. Башкирско-татарские языковые параллели. — «Языковые контакты в Башкирии», Уфа, 1972, стр. 181.

²² Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Л., 1940, стр. 243.

ителги 'балобан', 'тетереви́тник'; каз. *ителгі* 'сокол', 'пустельга' (род ястреба); кирг. *ителги* 'балобан (вид сокола)'; алт. *тэйлэгэн* (*тэлээн*) 'коршун'²³; алт. *тегліген* (конд., мат.), *теглеген* (конд., мат.), *тегліген* (абак.) 'орел'; (конд.) 'коршун'; алт. *теелген* (теленг.) 'коршун', *тейліген* (теленг.) 'коршун'; *телиген* (теленг.) 'коршун', *тігілген* (абак.) 'орел' [3, с. 344, 345, 446, 452]; туркм. *үтелги*, диал. *үтелги* 'обыкновенный балобан' [7, с. 81]; тур. *ötlegü* 'орел-ягнятник', *ötlegi*, *ötlegü* 'бородач', 'орел-ягнятник'; азерб. *ütälgi* (каз.) 'коршун'²⁴; узб. *итолги* 'балобан'; уйг. *итәлгү* 'пустельга'; хак. *тигилген* 'коршун'; як. *ителгү*²⁵ (однако эта форма в словарях якутского языка нами не обнаружена); кирг. каз. *itälgi* 'хищная птица', 'мышелов', 'кречет', чаг. *itälgy* = *itälgi* 'охотничья птица' [10, I, с. 1502], лебед. *tälīgān* = *täglīgān* 'коршун', тел. *tälḡān* = *tälīgan*, *täglīgān* 'коршун', чаг. *tälgy* 'коршун'; монг. *итэгу* 'кречет', 'коршун'; п.-монг. *ителгү* (<*ителгүн*); калм. *итлг-итлег* 'вид хищной птицы', 'балобан'²⁶; тунг.-маньчж. *итүлхэн* [<монг.], *итурхэн* 'кречет' [12, I, с. 334]; ср. также др.-тюрк. *itārči* 'сокольник' [4, с. 215].

В историко-этимологических исследованиях происхождение данного тюркского термина толкуется по-разному. На взгляд А. Биялиева, кирг. *ителги* (варианты *телиген*, *телик*, *теликкуш*) 'балобан' означает «ударяющую, пинающую (ногой) птицу», для этого слова архетипом являются-де формы *теглеген* ~ *тейлегин* (ср.: алт. *тейлеген*). *Тег* ~ *тек* ~ *тий* ~ *ти* (~чув.тёк) или *ийт* (~чув. *ывāt*-) в значениях «трогать, нападать, толкать, толкнуть» плюс *-лэ* (и их варианты)—аффикс страдательного или возвратного залога этого же глагола, а *-ган* ~ *-ген* был самостоятельной лексемой в значении «птица», «пернатый вообще»²⁷. При такой интерпретации необъяснимыми остаются монгольские формы. Как справедливо указал Г. Дёрфер, впервые рассматриваемый орнитоним появился в монгольском языке, ср.: монг. *itälgü* 'коршун', 'зайцелов', *itelgü* 'зайцелов', калм. *itlḡa* (n) 'кречет', 'балобан'²⁸. В частности, источником тур., чаг. *ötälgü*, *itälgü* 'род коршуна', каз., кирг. *itälgi* 'хищная птица', мышелов, кречет' послужил монгольский термин *itälgü* 'вид сокола'²⁹.

Из монгольского языка этот термин проник также в персидский: перс. *itälgü* 'вид сокола'. Вышеприведенные тунгусо-маньчжурские формы также являются монголизмами.

Чувашский орнитоним *этелек* следует рассматривать как татарское заимствование.

ЯКАЛПАЙ 'пустельга'³⁰, *Falconidae tinnunculus*; «ястреб мелкой породы» [1, IV, с. 169].

В словаре Н. И. Ашмарина указывается, что лексическим синонимом термина *якълпай* является слово *хёрхи*. Из иллюстративного материала заслуживает внимания следующее описание: *чăпар, кушак-кайăк тытат вăл* 'рябая птица, ловит мышей', 'стоит в воздухе на одном месте' [1, IV, с. 169].

²³ «Алтай-ла орус сөстү бичик», Улала, 1926, стр. 117.

²⁴ М. Ш. Ширалиев. Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку, 1983, стр. 171.

²⁵ Э. Ч. Бардаев. Названия птиц в калмыцком языке. — «Ономастика Калмыкии», Элиста, 1983, стр. 132.

²⁶ С. Сыдыков. Монгольско-тюркские языковые параллели. Фрунзе, 1983, стр. 52; Э. Ч. Бардаев. Указ. раб., стр. 132.

²⁷ А. Биялиев. Киргизские народные термины промысловой охоты. Автореф. канд. дисс., Фрунзе, 1972, стр. 13.

²⁸ G. Döerfer. Указ. раб., т. I, стр. 186—187.

²⁹ Там же, стр. 187.

³⁰ «Чăваш календарё», Шупашкар, 1962, стр. 131.

В существующей литературе встречается частичная этимологизация близкородственных форм, но чувашский материал в них не использован. Генетически близкими образованиями в тюркских и монгольских языках являются следующие формы, ср.: тат. *ягылбай* 'перепелятник', 'кобчик'; башк. *ягылбай* 'дербник'; каз. *жагалтай* 'кобчик'; ккалп. *жагалтай* 'кобчик'; кирг. *жагалмай* 'чеглок', 'кобчик'; алт. *јагылбай*, *јалбагай* 'птица' [3, с. 66, 72]; тур. *zagarci* 'султанский ловчий', уйг. *жагалмай* 'копчик, кобчик', 'щегол', тел. *яңалбай* 'тж' [10, III, с. 60]; шор. *чабылбай* ~ *јабылбай* [там же, III, с. 1847], хак. *чабылгай* 'название птицы'; калм. *зайлма* 'кобчик', халх. *загалмай бялзуухай* 'клест'; письм.-монг. *цагалмай* 'ястреб'; *цагалмай билцзуухай* 'клест, птичка с крючковатым носом' [8, с. 190].

Давно замечено, что башкирский термин *ягалбай* 'дербник' и монгольское слово *загалай* 'белохвостый орел' имеют историко-этимологическую связь³¹, однако надлежащей оценки это не получило.

Э. Ф. Ишбердин, хотя и усмотрел одинаковые по форме названия, но монг. *загалмай* 'крест, крестообразный', а также *загалмай бялзуухай* 'клест' не счел возможным поставить в один ряд с башкирскими *ягалбай*, *ягылбай*, *яголгош* 'дербник'³². В башкирских формах автор выделил корень *ягал* (ср.: *ягал* 'белыми пятнами'), который, по его мнению, связан с *яка*, *яға* 'воротник' (ср.: чув. *суха* 'ворот', 'воротник'), и *ягалгош*, который должен обозначать птицу с белым воротником или птицу с белым пятном на шее³³. Хотя данная версия о происхождении башкирского орнитонима и выглядит вполне убедительной, чувашскому названию *якълпай* следует дать, на наш взгляд, несколько иное толкование.

Фонетическая структура письменно-монгольской формы *цагалмай* позволяет заключить, что впервые она получила распространение в тюркских языках. В чувашский язык данный орнитоним проник из татарского, ср.: тат. *ягылбай* 'перепелятник', 'кобчик'. Монгольский термин *загалмай*, по нашему мнению, употреблялся первоначально в значении «крест», «крестообразный», в связи с характерным очертанием носа данной птицы, ср.: *цагалмай билцзуухай* 'клест, птичка с крючковатым носом'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950.
2. Е. Б. Бекмухаметов. Арабско-персидские слова в казахском языке. Алма-Ата, 1977 (на каз. яз.).
3. В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
4. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
5. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
6. Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1975.
7. О. Р. Курбанов. Материалы о туркменских названиях птиц. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», Ашхабад, 1971, № 5, стр. 74—83.

³¹ Э. Ф. Ишбердин. Указ. раб., стр. 207.

³² Э. Ф. Ишбердин. Наименования птиц в башкирских говорах. — В кн.: «Вопросы башкирского языкознания». Уфа, 1973, стр. 152.

³³ Там же.

8. Ц.-Д. Номинханов. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
 9. В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
 10. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. I—IV. М., 1962 (стереотипное переиздание).
 11. Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.
 12. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю», т. I—II, Л., 1975—1977.
-

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. И. МАШТАКОВА, С. Н. УТУРГАУРИ

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ТУРКОЛОГОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА В ТУРЦИИ

В последние десятилетия в советском востоковедении на базе классической отечественной востоковедной филологии, мировой ориенталистики и советской литературоведческой науки сложилась самостоятельная отрасль — востоковедное литературоведение, главной задачей которого является изучение словесного искусства Востока в прошлом и настоящем. Фактологическую основу этого изучения составляют научные издания и исследование литературных памятников классического наследия Востока. Особенно большое внимание уделяется изучению закономерностей современного литературного процесса в странах Востока, творчества ведущих писателей, определяющих лицо той или иной национальной литературы, места и роли литературы в общественно-политической жизни, национально-освободительном движении.

В изучении турецкой литературы советскими учеными в последние годы произошел качественный скачок. Работы, созданные примерно за последние два с половиной десятилетия, отличаются более глубоким теоретическим осмыслением конкретного материала, уже известного или только вводимого в научный обиход; разработаны некоторые кардинальные проблемы, выдвинуты оригинальные концепции. При этом авторы опираются на труды своих предшественников, на богатые традиции отечественной тюркологии.

Изучая литературу в плане историческом или в ее современном функционировании, исследователи стремятся к комплексному рассмотрению явлений письменного и устного словесного творчества как опорного элемента национальных культурных ценностей. Это обуславливает необходимость воспринимать и анализировать литературу в тесной связи с развитием общественной мысли, с состоянием идеологических процессов.

Основные направления работы тюркологов-литературоведов в последние десятилетия связаны, например, с периодизацией истории литературы, с ее общими и специфически национальными особенностями, процессом становления реализма и т. д. Эти вопросы нашли отражение и в коллективных сборниках, составленных по материалам ряда теоретических дискуссий востоковедов, проходивших в 60-х — начале 70-х годов.

Турецкая литература — на современном этапе одна из самых развитых на Востоке — ныне исследуется в типологическом плане, что позволяет осмысливать ее эволюцию в контексте мирового литератур-

ного процесса. Именно это в настоящее время является одной из актуальных научных задач.

Турецкая литература середины XV—XVI веков интерпретируется порой как литература возрожденческого типа. Период, совпадающий с европейским Возрождением, характеризуется на Востоке обращением к культурному наследию прошлого. Несмотря на преследования со стороны официальной религии, здесь возрождались проявления «язычества» (в любовных и обрядовых песнях, играх и т. п.). По мнению И. В. Боролиной [5; 6], у турок это выражалось, в частности, в речениях алевийско-кызылбашских сект. Придавая большое культурное значение массовым зрелищам в эпоху Ренессанса, автор исследует эту проблему на примере празднеств в ночь Рамазана, интермедий-диалогов Карагёза, фарсов и анекдотов-латифе Насреддина, дервиша Бекташи и др. В аспекте «карнавальной культуры» (по терминологии М. М. Бахтина) рассматриваются поэтические произведения Мелихи, Ревани и др. Опорой для идей возрожденческого гуманизма в Турции того времени являлась городская богема. «Лишь в среде, освобождавшейся от феодального застоя и косности, вольнодумцы смогли создать произведения, которые подняли литературу на новый этап борьбы против религиозного мировоззрения за светское, этап, знаменовавший эпоху Возрождения», — пишет И. В. Боролина [5, с. 388]. В более поздней работе она подчеркивает интенсивный подъем турецкой литературы во второй половине XV — середине XVI века и «утверждение гуманистических идей, во многом типологически родственных ренессансным» [6, с. 573]. Новаторская идея, имеющая своих сторонников и противников, нуждается, на наш взгляд, в более убедительной аргументации и в исследовании материалов более значительных по объему, представляющих различные жанры и виды художественного творчества.

Литературоведами изучается переходный период в эволюции турецкой литературы конца XVII—начала XIX века—от литературы восточного средневекового типа к литературе новой. Тогда были поколеблены старые и начали формироваться новые литературные нормы. Этот процесс характеризовался расширением диапазона литературы, осваивавшей новые объекты изображения и новые подходы к явлениям действительности; происходила определенная демократизация литературы, стали появляться герои нового типа и новой социальной принадлежности, заметно усилились бытописательские мотивы, обретавшие определенную локальную окраску, и т. д. Типологически знаменателен процесс обогащения жанровой системы литературы, связанный с трансформацией старых и образованием новых жанров. При этом изменялся характер взаимодействия письменной литературы и фольклора, влиявший на жанрообразование, выработку новых средств художественной выразительности; происходила переориентация турецких инонациональных культурных и литературных связей (с Востока на Запад); создавались предпосылки для появления турецкой письменной драматургии и т. д. Именно в этот период в литературе стали появляться просветительские идеи [13]. Однако далеко не все проблемы данного этапа истории турецкой словесности изучены в достаточной мере. Необходимо, на наш взгляд, исследовать явление так называемого «индийского стиля» в турецкой литературе, его специфику. Необходимо исследовать мировоззренческие основы и художественные формы суфийской поэзии, от ее истоков и хотя бы до конца средневекового периода. В этой связи сле-

дует назвать работы Э. Д. Джавелидзе [9] и В. Б. Куделина [11], посвященные творчеству Джеляледдина Руми и Юнуса Эмре. В этом направлении активно работают грузинские туркологи. Ждет своего изучения также вся средневековая поэзия, хотя и существуют работы советских туркологов, например, В. С. Гарбузовой [8], М. С. Фомкина [20] и др. Ее воздействие прослеживается и в современной литературе Турции. Предстоит проследить процесс формирования турецкой национальной литературы, что было подготовлено всем ходом преднационального культурного развития.

К достижениям советских ученых следует отнести осмысление литературы эпохи Танзимата как просветительской по типу, опирающейся в своей основе на национальную почву (работы Н. А. Айзенштейн, И. В. Боролиной и И. Р. Сониной, В. С. Гарбузовой, Х. Кямилава [1, 7; 8; 12]). Культура этого периода изучена еще далеко не в полном объеме, и литературоведами поэтому с пользой привлекаются труды историков, например, А. Д. Желтякова [10] и Ю. А. Петросяна [15]. Важнейшей задачей ученых остается также исследование влияния эпохи Танзимата на литературу нового и новейшего времени. Это касается в первую очередь мировоззренческих вопросов, развития литературоведческой мысли и т. д. Культура Танзимата имеет непосредственное отношение к формированию и становлению жанра романа, современной драматургии и др. Эти вопросы приобрели ныне большую актуальность и политическую остроту. Рассмотрение проблем творческой преемственности, национального своеобразия и культурно-литературных связей Турции со странами Востока и Запада (качественно различных в разные периоды истории) является серьезной задачей, стоящей перед туркологией и требующей комплексного подхода к ее решению.

Особое значение, на наш взгляд, имеет дальнейшее изучение творческого наследия Назыма Хикмета, хотя его творчеству и посвящен ряд работ советских исследователей (А. Бабаева [4], Р. Фиша [19]). Назым Хикмет стоял у истоков литературного направления, которое, отражая распространение демократических, социалистических воззрений в стране, формирование прогрессивной общественной мысли, стало доминирующим в турецкой литературе. Творчество Н. Хикмета является подлинным образцом гражданской гуманистической поэзии, смелого новаторства в области содержания и формы, примером высокохудожественного синтеза поэтических традиций Востока и Запада. Теоретическое осмысление его поэзии в контексте мирового литературного процесса означает в то же время постижение закономерностей развития национального литературного процесса в Турции.

На концептуально-теоретическом уровне изучаются проблемы реализма 30-х годов [1; 3] и трех последних десятилетий, модернизма [2; 18] и литературы социалистической ориентации, причем это изучение ведется в соотношении с закономерностями мирового литературного процесса [18]. Рассмотрение литературы, которая отражает движение общественного сознания к социализму, становясь идейным и художественным центром национального литературного процесса. Все это позволяет заключить, что как явление автохтонное, сложившееся в особых общественно-исторических условиях и воплощающее определенные национально-культурные традиции, эта литература имеет свои специфические особенности. В ней взаимодействуют элементы критического и социалистического реализма, хотя черты последнего выражены значительно слабее. Поэтому ее следует рассматривать как явление переходное, как определенный и своеобразный тип литературы «социалистической ориентации» (термин Е. П. Чельшева). Этот тип литературы подтверж-

дает, с одной стороны, неоднозначность путей формирования социалистического искусства и своеобразие этого процесса в странах Востока, с другой — реальную возможность осмысления социалистически ориентированных литератур Востока как органического компонента мировой социалистической художественной культуры.

Исследование модернистских направлений в современной турецкой литературе имеет важное историко-теоретическое и методологическое значение, способствуя, в частности, выяснению характера взаимосвязей модернизма с реалистическим методом, места и роли его в общем движении литературы и одновременно установлению своеобразия этого явления в литературах Востока, в различных историко-культурных регионах.

Несомненный историко-культурный интерес представляет вопрос о роли фольклорных традиций в формировании турецкой литературы, в ее движении к современным формам реалистического искусства. Будучи универсальной формой воплощения векового жизненного опыта, коллективного сознания народа и его идеалов, фольклор содержит в себе генетические истоки турецкой словесности, особенно на переломных этапах развития литературы.

Фольклор как первооснова письменной литературы, ее самобытности во многом обусловил демократический и гуманистический характер турецкой литературы наших дней, способствовал обогащению ее выразительными средствами, расширению жанрового диапазона. Без глубокого осмысления этих процессов трудно постичь сложный, своеобразный характер взаимодействия в произведениях современных авторов фольклорных мотивов и образов, современных реалий окружающей действительности. Особое внимание, по-видимому, заслуживают развитие и трансформация дидактических традиций. Следует помнить о том, что турецкая литература шла к психологической прозе, постижению диалектики чувств современного человека, образно-динамическому отражению действительности, преодолевая мощный пласт традиций абстрактно-назидательного повествования. Публикации и изучению турецкого фольклора советские ученые стали уделять больше внимания в последние десять лет [16; 17; 21].

Специального исследования требует генезис турецкого романа. Известно, что формирование этого жанра в новую историческую эпоху проходило под непосредственным воздействием европейского художественного опыта. В науке закрепилось мнение, что именно западная литература явилась единственным источником образования нового для турецкой словесности жанра. Правда, в последнее время стала выдвигаться идея о национальных истоках этого жанра. Она находит выражение в работах и турецких, и советских ученых. Однако эта проблема все еще не стала предметом углубленного исследования. Между тем она имеет безусловное значение как для выявления существенных тенденций и особенностей развития турецкой литературы вообще, так и для решения вопроса о ее национальном своеобразии и инациональных связях.

Роман, безусловно, стал доминирующим жанром национальной словесности Турции. В этой связи представляет интерес изучение современных романских структур в плане стадийно-типологическом с целью выявления присущих им универсальных качеств и уточнения признаков национальной самобытности. Работы такого рода, как нам представляется, подтверждают, что современный турецкий роман развивается на базе творческого освоения как национальных культурно-литературных традиций, так и достижений мировой художественной мысли. Кро-

ме того, подобные исследования будут способствовать выявлению причин и факторов, под воздействием которых турецкий роман и проза в целом в весьма уплотненные сроки прошли дореалистический этап и стали основным жанром и видом национальной турецкой литературы.

В глубоком теоретическом осмыслении нуждается и проблема генезиса и роста турецкой литературы социалистической ориентации. Вопрос о влиянии социалистических идей на турецкую литературу затрагивался учеными лишь в связи с изучением творчества отдельных писателей. Ни в историко-генетическом, ни в сравнительно-типологическом плане эта проблема еще не изучалась. Возможно, в связи с тем, что ее актуальность в полной мере стала очевидна лишь в последние десятилетия. Именно после этого ученые заинтересовались характером и функциональной ролью новых художественных явлений: «социального реализма», «социального стиха» и «революционного стиха» [18; 14]. Изучение названной проблемы значительно расширит существующие представления о процессах развития турецкой литературы и, что не менее важно, дополнит и уточнит понимание ведущей гуманистической тенденции мирового литературного процесса; пока же оно не обогащено опытом литератур Востока.

Новыми для востоковедного литературоведения являются исследования, в которых, с одной стороны, рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимосвязей (контактных, генетических и др.) литератур Востока и Запада, с другой — проблемы типологической общности литератур. Это позволяет ставить, а в известной степени и решать проблему единства мирового литературного процесса. Вместе с тем выявление универсальных типологических закономерностей создает тот необходимый фон, на котором ярче вырисовывается национальное начало каждой отдельно взятой литературы. Анализ этого своеобразия позволяет делать первые шаги в изучении национального осмысления бытия, поставить чрезвычайно важную проблему национального мировосприятия, отраженного в литературе.

Успехи, достигнутые востоковедным литературоведением, повышение его методологического уровня, расширение теоретических горизонтов открывают путь к обобщению многолетнего опыта нескольких поколений советских и зарубежных литературоведов-ориенталистов.

Выработка научных, адекватных исторической реальности концепций по узловым проблемам турецкой литературы является актуальной задачей, которую предстоит решить туркологам-литературоведам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Айзенштейн. Из истории турецкого реализма. Заметки о турецкой прозе (70-е годы XIX в.—30-е годы XX в.). М., 1968.
2. Н. А. Айзенштейн. Саид Фанк и его новеллы. М., 1971.
3. Л. О. Алькаева. Из истории турецкого романа. 20—50-е годы XX века. М., 1975.
4. А. Бабаев. Назым Хикмет. Жизнь и творчество. М., 1975.
5. И. В. Боролина. Турецкая литература.—«Литература Востока в средние века», ч. II, М., 1970.
6. И. В. Боролина. Турецкая литература. — «История всемирной литературы», т. III, М., 1985.
7. И. В. Боролина, И. Р. Сони́на. Литература Турции. — «Литература Востока в новое время», М., 1975.
8. В. С. Гарбузова. Поэты Турции XIX века. Л., 1970.
9. Э. Д. Джавелидзе. У истоков турецкой литературы. I. Джелаледдин Руми. Тбилиси, 1979; его же. У истоков турецкой литературы. II. Юнус Эмре. Тбилиси, 1985.

10. А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1909 гг.). М., 1972; *его же*. К вопросу об истоках просветительства в Османской империи: формирование и развитие светских тенденций в турецкой культуре XVIII — середины XIX в. — «Балканские исследования. Вып. 6. Культура народов Балкан в новое время», М., 1980.
 11. В. Б. Куделин. Поэзия Юнуса Эмре. К вопросу о гуманизме в литературе средних веков. М., 1980.
 12. Х. Кямилев. У истоков современной турецкой литературы (Турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.). М., 1967; *его же*. Общественные мотивы в турецкой поэзии (конец XIX—середина XX века). М., 1969.
 13. Е. И. Маштакова. Турецкая литература конца XVII — начала XIX в. К типологии переходного периода. М., 1984.
 14. Т. Д. Меликов. Турецкая поэзия 60-х—начала 70-х годов. Основные тенденции и направления. М., 1980.
 15. Ю. А. Петросян. Идеи «европеизации» в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени.—«Тюркологический сборник. 1976», М., 1978, *его же*. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII—начало XX в.). М., 1985.
 16. «Турецкая ашыкская поэзия». Перевод с турецкого. М., 1983.
 17. «Турецкие сказки». М., 1986.
 18. С. Н. Утургаури. Турецкая проза 60—70-х годов. Основные тенденции развития. М., 1982.
 19. Р. Фиш. Назым Хикмет. Этюды жизни и творчества. М., 1984.
 20. Ф. С. Фомкин. Вопросы эволюции тюркской газели Султана Веледа.—«Советская тюркология», 1985, № 2; *его же*. Особенности содержательной поэтики тюркских стихов Султана Веледа. — «Turcologica. 1986». К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова, Л., 1986.
 21. «Эмрах и Сельви, необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести». М., 1979.
-

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

З. И. БУДАГОВА

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ФОЛЬКЛОР

В настоящее время для азербайджанского языкознания характерен переход от описания и классификации языковых явлений к их исследованию в теоретическом аспекте на основе системно-структурного подхода к языку. При этом, как известно, становится необходимым учет всех источников языковых фактов, охват всех жанров литературы, всех форм литературного языка. Следует, однако, заметить, что в азербайджанском языкознании и в тюркологии вообще при исследовании различных ярусов языка привлекаются далеко не все источники. Так, например, азербайджанскими языковедами не уделяется должного внимания богатому языковому материалу, содержащемуся в произведениях фольклора. Изучение истории языка ведется в основном на материале письменных памятников, а при исследовании современного языка используются главным образом образцы художественной литературы. При этом упускается из виду, что так называемый литературный язык первоначально формируется в устной форме и лишь позднее фиксируется в письменных памятниках. В процессе взаимодействия этих двух форм и складываются нормы литературного языка.

Говоря об основных источниках изучения истории азербайджанского литературного языка, А. М. Демирчизаде писал: «Среди источников особо следует отметить также фольклор. В сказках, дастанах, пословицах и поговорках, загадках иногда сохраняются очень древние реликты языка, ныне считающиеся мертвыми... Фольклор должен служить одним из источников изучения истории языка»¹. Поэтому системное исследование языка азербайджанского фольклора следует считать одним из актуальных вопросов азербайджанского языкознания².

Примечательно, что изучение языковых особенностей фольклора тюркоязычных народов до настоящего времени не привлекало должного внимания тюркологов и монографически эта проблема не исследовалась³.

Об основных источниках сравнительно-исторического исследования тюркских языков Э. Р. Тенишев пишет: «Язык фольклорных произведе-

¹ Э. Демирчизаде. Азербайжан эдэби дилинин тарихи. 1 hissə. Баки, 1979, стр. 46.

² А. Гурбанов. Азербайжан халг поезијасы дилинин тэдгиги проблемлэринэ даир.— В. И. Ленин адына АПИ-нин «Елми эсарлэри» XI серија, Баки, 1965, № 1, стр. 108—110; Э. З. Абдуллајев. Азербайжан дилчилијинин перспективлэри. — «Азербайжан дилчилијинин мәсәлэлэри», Баки, 1980, стр. 3—4.

³ Э. Р. Тенишев. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков. — «Советская тюркология», 1973, № 5.

ний (в особенности обрядовых формул) устойчиво сохраняет старые черты как наддиалектного, так и диалектного типов. Язык тюркского фольклора почти не исследован. Определенная работа проделана лишь по изучению языка эпоса „Книга моего деда Коркуда“, киргизского эпоса „Манас“, якутских олонхо и туркменских сказок. Необходимы систематическое изучение языка тюркского эпоса и произведений фольклора, разработка методики такого исследования»⁴.

В последние годы стали появляться отдельные работы, посвященные языку азербайджанского фольклора⁵. Известно, что изучение языка фольклора способствует уточнению путей развития устного литературного языка, с одной стороны, и освещению взаимосвязей между диалектами и литературным языком — с другой. Известно также, что язык фольклора был особой ступенью между диалектами и литературным языком и вобрал в себя специфические черты как одних, так и другого⁶.

Язык фольклора, в отличие от языка в его коммуникативной функции, точно так же, как и язык литературы, в отличие от литературного языка, нередко использует более ограниченный запас языковых средств, ибо он не включает отдельные фонетические, морфологические, лексические и синтаксические формы, используемые диалектом в его коммуникативной функции⁷.

Имея более широкий ареал, нежели диалект, язык фольклора включает значительно меньшее число областных слов, тогда как основную часть его словарного состава образуют общеупотребительные слова. В нем преобладают также синтаксические особенности общенародного разговорного языка. С другой стороны, фольклорные произведения, переходя от поколения к поколению, шлифуются в языковом отношении, вырабатывая специфические фонетические, лексические и грамматические «нормы», что сближает его с литературным языком, хотя по ряду особенностей он и отличается от последнего.

Исследование языка фольклора важно и с точки зрения углубленного, системного изучения синтаксиса устной речи. Фольклорные материалы могут быть использованы при изучении истории языка, этногенеза его носителей, ареала формирования и расселения народа. Примерами такого рода исследований могут служить работы В. П. Алексеева и Л. С. Толстовой⁸. В Азербайджане в этом направлении успешно работает М. Сейидов⁹. «Язык фольклора, — пишет К. Велиев, — это неувыдаемый образец азербайджанского языка... Язык наших сказок, пословиц, баяты, дастанов — это как бы язык над языком (имеется в виду

⁴ Э. Р. Тенишев. Указ. раб., стр. 123.

⁵ Э. М. Демирчизаде. «Китаби-Дәдә-Горгуд» дастанларынын дили. Баку, 1959; К. Велиев. Дастан поетикасы. Баку, 1984; С. Кочарли. Лексика азербайджански баяты. Автореф. канд. дисс. Баку, 1984.

⁶ Об этом см.: И. А. Оссовецкий. Язык фольклора и диалект. — В кн. «Основные проблемы эпоса восточных славян», М., 1958, стр. 172—190; П. Г. Богатырев. Язык фольклора. — «Вопросы языкознания», 1973, № 5, стр. 106—114; «Язык жанров русского фольклора», Петрозаводск, 1979; О. Бочаловская. Язык фольклора как функционально-стилистическая категория. — В кн. «Структура лингвистистики и ее основные категории», Пермь, 1983, стр. 147—153.

⁷ П. Г. Богатырев. Указ. раб., стр. 108.

⁸ В. П. Алексеев. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал. — В кн. «Этническая история и фольклор», М., 1977, стр. 9—15; Л. С. Толстова. Исследование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей народов (на среднеазиатском материале). — В кн. «Фольклор и историческая этнография», М., 1983, стр. 6—22.

⁹ М. Сейидов. Азәрбајҹан мифик тәфәккүрүнүн гәјнағлары. Баку, 1983.

его наддиалектный характер. — З. Б.). Этот язык доходчив, лаконичен, меток»¹⁰.

В фольклоре отражаются и живут характерные черты, свойственные языку на различных этапах его развития. Однако фольклористы, готовя фольклорные произведения к публикации, зачастую «исправляют» их язык, приближая его к литературному. В результате утрачиваются его подлинность и самобытность. Касаясь данного вопроса, К. Велиев справедливо указывает, что составители и редакторы фольклорных изданий «обрабатывают» их язык, изменяют порядок слов, упрощают предложения, нивелируют стиль¹¹. Обратимся к некоторым примерам. Так, в «Азербайджанских дастанах» читаем: *Ашыг дили јүрәк олар, ат ајағы күләк, тез апарыб, тез кәтирәр*¹² 'Язык ашуга должен быть беглым, ноги коня — подобны ветру, быстро умчит, быстро примчит'. В данном примере слово *күләк* 'ветер' прочтено ошибочно, что нарушило смысл предложения, лишив его красоты и выразительности. По-видимому, составитель, не поняв значения слова *көлүк* (ср. в «Китаби-Деде Коркуд»: *Ат ајағы көлүк, озан дили чевик олар* 'Ноги коня бывают резвы, язык озана бывает проворен'), превратил его в *күләк* 'ветер'. Архаичное для современного азербайджанского языка слово *көлүк* представлено в древнетюркских письменных памятниках в значении «вьючное животное»¹³. Любопытно, что слово *көлүк* зафиксировано в словаре В. В. Радлова в значениях «вьючное животное» и «породистая лошадь»¹⁴.

Таким образом, слово *көлүк*, встречающееся в словарном составе древних тюркских языков, в том числе и азербайджанского, хотя и отсутствует в письменных памятниках азербайджанского языка последующих веков, однако сохранилось в виде реликта в составе устойчивого выражения, часто встречающегося в дастанах, где оно выступает в метафорическом значении «быстрый, резвый». Толкование же слова *көлүк* как *күләк* 'ветер', конечно, не может не вызвать возражений.

Анализ образов азербайджанского фольклора по различным ярусам языка (лексическому, морфологическому, синтаксическому) способствует выявлению многих древних языковых особенностей.

Лексические особенности. В произведениях фольклора встречаются древние лексические особенности, представляющие значительный интерес для исторической лексикологии и семасиологии азербайджанского языка. Важным в сравнительно-историческом аспекте является исследование следующих древнетюркских лексических единиц, исчезнувших из современного языка, либо подвергнутых семантическим изменениям: *әр//эрән* 'храбрец', *ир-//ер-* 'достичь', *алчаг* 'высокий, общительный, вежливый, радушный', *вар-* 'идти', *ус* 'ум', *бәлкә* 'знак обручения' *јајах* 'пешком' и т. д.

1) *әр* 'храбрец, мужественный'//*эрән* 'храбрецы':

*Мәрд оду ки ишин тута мәрдилән,
Әр истәсән, кеч намәрддән, әр дилән* (1, 26)¹⁵.

'Отважен тот, кто имеет дело с отважным же,
Если нужен тебе мужественный — минуй труса, иши мужественного'.

¹⁰ К. Вәлијев. Указ. раб., стр. 208.

¹¹ Там же.

¹² «Азәрбајчан дастанлары», III чилд, Баки, 1967, стр. 195.

¹³ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 314.

¹⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. II, ч. 2, стр. 1771—1772.

¹⁵ Цитаты приводятся по изданию «Азәрбајчан дастанлары». Ниже после каждой цитаты в скобках указываются том и страница.

*Oјандым гафлатдэн, ачдым көзүмү,
Эрэнлэр пайына сүртдүм үзүмү* (I, 10).

‘Проснулся я внезапно, открыл глаза,
Припал лицом своим к ногам мужей’.

Слова *эр* в значении «мужчина, храбрец», *эрэн* в значении «храбрецы» встречаются в древнетюркских письменных памятниках¹⁶. В «Диване» Махмуда Кашгари указывается, что слово *эрэн* — это форма множественного числа от *эр* ‘мужчина’. Вместе с тем автор отмечает, что показатель множественного числа *-эн* в форме *эрэн* является исключением для грамматического строя тюркских языков¹⁷. Следовательно, аффикс *-эн* в составе слова *эрэн* можно считать одним из архаичных показателей множественного числа, в свое время употреблявшихся в тюркских языках¹⁸. (Ср. персидское множественное число).

2) *ер-/ир-* ‘достичь’:

*Гурбани дер, вусалына ермэдим
Эл узадыб, гөнчэ кулун дәрмэдим* (I, 13).

‘Гурбани говорит: «Я не удостоился свидания с тобой,
Не сорвал, протянув руку, бутона розы»’.

*Каш ки, Керэм мурадына ирэјди,
Гисмэт олуб, јарын үзүн кәрэјди...* (II, 54)

‘Ах, если б Керем достиг своей цели,
Если б ему удалось увидеть лицо возлюбленной’.

Глагол *ер-/ир-*, употреблявшийся в древнетюркских и в средневековых азербайджанских письменных памятниках, в настоящее время стал архаизмом.

3) *услу* ‘смышленный’:

*Дәрвиш олан бахмаз пуста,
Услу олан олар уста* (II, 113)

‘Кто дервиш, тот не посмотрит на шкуру,
Кто смышлен, тот станет мастером’.

Данное слово, широко представленное в средневековых письменных памятниках азербайджанского языка, в настоящее время считается архаичным. Сохранилось оно в первоначальном значении только в фольклорном материале.

4) *јајах* ‘пешком’:

*О нэдир ки, јајах жедир, аты јох?
Чарх доланыр, бир түкәнмәз јолу вар* (III, 175).

‘Кто это идет пешим, без коня,
Вертится колесо, и бесконечная дорога?’.

Данное слово, употреблявшееся в древнетюркских памятниках в форме *јадаг/јадагын* ‘пешком’, в современном азербайджанском языке архаизовалось, а в некоторых диалектах сохранилось его ограниченное употребление.

¹⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 175—176.

¹⁷ «Divanü Lügat-it-Türk tercümesi». Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939, I cilt, стр. 25.

¹⁸ См. об этом: А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969, стр. 6.

5) *алчаг* 'возвышенный':

*Сән ачыг ол, мәрд ол, алчаг олжунан,
Демә варым чохду, пулум јахшыды* (II, 7)
'Ты будь откровенен, мужествен, возвышен,
Не говори: «Я богат, у меня довольно денег»'.

Можно видеть, что в последнем примере слово *алчаг* употреблено в значении «возвышенный», тогда как в современном азербайджанском языке оно выражает антонимичное значение «низменный». В древнетюркских письменных памятниках оно отмечено в значении «скромный, спокойный» (ДТС, 34). В этом же значении оно зафиксировано и в «Диване» Махмуда Кашгари (МК, I, 44).

В «Китаби-Деде Коркуд» слово *алчаг* также выражает значение «возвышенный»: *Алчаг јердә јапылыбдыр танры еви Мәккә көрклу*¹⁹ 'Божий дом сооружен на возвышенном месте, с видом на Мекку'. В современном туркменском языке данное слово употребляется в значении «скромный»²⁰.

Таким образом, древняя семантика слова *алчаг* сохраняется в азербайджанском фольклоре. В устной речи это слово в значении «высокий» представлено в устойчивом выражении *Алчаг дағлары јаратмаг* 'Сотворить высокие горы'. Фоносемантический и структурно-этимологический анализ древних лексических единиц, имеющих в азербайджанском фольклоре, особенно в поэтических отрывках, можно отнести к числу актуальных задач азербайджанского языкознания.

Морфологические особенности. В фольклорных материалах отмечаются многие древние особенности азербайджанского языка. Некоторые из них уже не встречаются в современном языке, другие — сохранились в диалектах и говорах. Отметим ряд морфологических показателей, важных для исследования истории языка и исторической морфологии:

1) *-алы/-эли* (древний деепричастный аффикс):

*Ондан ајрылалы јаслыјам, јаслы,
Мән гара кејиним, ал сизин олсун* (II, 88)
'С тех пор, как я разлучился с ней, я в трауре,
Я одену черное, а красное пусть будет вашим'.

*Ајрылалы бирчә дэфә кулмәдим,
Јандым, Кәрәм, мәни русвај еләмә* (II, 88)
'С тех пор, как мы расстались, я ни разу не смеялась,
Сгорела я, Керем, не позорь меня'.

Данный показатель, широко употреблявшийся до XIX века, для современного азербайджанского языка считается архаичным²¹.

2) *-ајым/-әјим* (древняя форма повелительного наклонения):

*Гатар-гатар көј үзүндә сүзүрсүз,
Әјлән дурнам, әјлән, хәбәр сорајым* (II, 29)
'Вереницей по небу скользите вы,
Постой, журавль мой, постой, мне весть поведай'.

*Бир зүлфүнә асылајдым дар дејә,
Гөнчә күлә сарылајым хар дејә* (II, 38)
'Повеситься бы мне, как на виселице, на твоих локонах,
Быть бы мне у бутона розы, подобно шипу'.

Форма повелительного наклонения *-ајым/-әјим*, хотя и достаточно

¹⁹ «Китаби-Дәдә Горгуд», Баки, 1977, стр. 21.

²⁰ «Туркменско-русский словарь», М., 1968, стр. 42.

²¹ Н. Мирзезаде. Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы. Баки, 1962, стр. 230.

широко употреблялась в азербайджанском языке до XVIII века, в современном языке она не сохранилась. Однако в том же значении она закрепились в качестве основного грамматического средства в современном турецком, гагаузском, крымскотатарском, башкирском, караймском языках²².

В дастанах широко распространены отсутствующие в современном азербайджанском языке, но сохранившиеся в диалектах и говорах, показатели настоящего времени *-у* (*олу, чатылу*, и т. д.); деепричастий *-чагын/-чајин* (*көрчәјин, чатчагын* и т. д.), *-ыбан* (*галхыбан, варыбан* и т. д.), *-кинән/-кунан* (*олкунан, кәлијнән* и т. д.); родительного падежа *-јүн* (*сөзүјүн* и т. д.). Сравнительно-историческое и ареальное исследование этих аффиксов может дать богатый материал для исторической диалектологии и морфологии²³.

То, что фольклорные тексты наряду с архаичными аффиксами императива сохранили аффикс 1-го лица множественного числа *-афым*, до сих пор не отмечалось в лингвистической литературе. По-видимому, дальнейшие работы в этой области приведут к выявлению других архаичных форм. В азербайджанских сказках и дастанах встречается немало разновидностей простых и сложноподчиненных (союзных и бессоюзных) предложений. Во многих случаях простые односоставные предложения в дастанах по своим структурно-семантическим особенностям почти не отличаются от таковых в современном азербайджанском языке. Это свидетельствует о том, что становление системы односоставных простых предложений относится к достаточно древнему периоду развития языка, а также о глубине взаимосвязей между синтаксисом разговорного и литературного языков.

Основными областями синтаксиса языка фольклора могут считаться синтаксическая семантика, поэтический синтаксис и синтаксис текста. Исследования в этом направлении способствовали бы раскрытию роли простого и сложного предложений, параллельных компонентов в синтаксической структуре фольклора, выявлению их информативной нагрузки в процессе речи.

В последние годы в языке азербайджанской художественной прозы и периодической печати получили широкое распространение присоединительные конструкции (парцелляция). Это явление в лингвистической литературе рассматривается как новая тенденция. Однако подобного рода конструкции широко представлены в языке фольклора. Отметим, что явление парцелляции охватывает структурно-семантически расчлененное в процессе коммуникации синтаксическое целое, образованное предложением с присоединенными к нему другими фразами. Основное предложение называется базисным, а присоединенные фразы — парцеллами. Согласно концепции актуального членения предложения, базисному предложению соответствует тема, а парцеллату — рема, ибо в синтаксических единицах, подвергнувшись парцелляции, именно парцеллы поясняют и дополняют содержание базисного предложения. Например: *Анчаг Истамбулда бир сиғ гардашы вар, ады да Әһмәдди* (III, 197) 'Только в Стамбуле есть один названный брат. По имени Ахмед'; *Атамын вары, дәвләти чохду. Өзү дә архалы иди* (I, 175) 'У моего отца было много имущества, богатства. Причем он имел и поддержку'; *Дејәсән бөјүк дәрди вар. Өзү дә гәриб*

²² М. Рәхимов. Азәрбајҹан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы. Баки, 1965, стр. 47.

²³ С. Бәјларова. Азәрбајҹан халг дастанларында фе'лин әмр шәклинин ифадә формалары. — «Азәрб. ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсанәт серијасы», Баки, 1984, № 4, стр. 58—62.

адама охшајыр (II, 83) 'Кажется, у него большое горе. Причем он похож на чужеземца'; *Кәнчә ханы Зијад ханын гызыды*. *Өзү дә дүнја көзәлиди* (I, 23) 'Она дочь гянджинского хана Зияд-хана. Причем мировая красавица' и т. д.

Одной из важных проблем исследования языка азербайджанской устной народной литературы является анализ богатой этнографической лексики. Известно, что в настоящее время слова, связанные с определенными обычаями, обрядами, верованиями, и ономастические термины часто изменяются, забываются. Многие из них, сохраняющиеся в образцах устной народной литературы, все еще ждут своего системного изучения.

Фольклорные материалы богаты антропонимами и топонимами. Как известно из «Книги моего деда Коркуда», у Бугаджа, сына Дирсе-хана, до пятнадцати лет не было имени. Когда достигший этого возраста Бугадж победил в схватке быка, на церемонию был приглашен Деде Коркуд: «Пусть придет мой дед Коркуд, выберет имя этому мальчику», — говорится в дастане. Явившийся Деде Коркуд предложил: «Пусть сына твоего зовут Бугач-ханом. Я дал ему имя, а бог пусть даст ему долгие лета»²⁴.

Рассмотрим структуру личных имен в дастане. Например: Салур Газан, сын Улуша; Дели Дондар, сын Кияна Сельджука; Карабудаг, сын Карагюне; Алп Эрэн, сын Эмин Годжи; Бек Ейнек, сын Кодлык Гаджи; Ширшамседдин, сын Гефлет Годжи и т. д.

Система имен, характерная для вышеназванных примеров («личное имя плюс отчество»), существовала в Азербайджане вплоть до установления Советской власти. На смену ей пришла трехкомпонентная система («фамилия—имя—отчество»). Таким образом, фольклорные материалы являются ценным источником для изучения истории формирования антропонимической системы азербайджанского языка.

Особый интерес в дастанах «Книги моего деда Коркуда» представляет наречение героев именами в соответствии с особенностями их характера. Например: *Яланчи оглы Яланчи* 'Лжец сын Лжеца', *Гысырча* 'Бесплодная' и т. д. Подобный способ наречения именем сохранился и в дастане «Кероглы»: *Танрытанымаз* 'безбожник', *Дилбилмәз* 'несговорчивый', *Һалајпозан* 'разрушитель порядка', *Тохмагвуран* 'владеющий дубинкой' и др.

Яркими стилистическими особенностями отличаются и прозвища: *Дәли Дөндәр* (неистовый Дондар), *Алп Эрэн* (храбрый Эрэн), *Кечәл Һәмзә* (лысый Гамза), *Бәлли Әһмәд* (знаменитый Ахмед), *Хоча Әзиз* (мудрый Азиз) и т. д.

Следует отметить, что наличие двух имен у героев дастанов, наречение их именами, отражающими их поступки и характер, не случайно. Например, в дастане «Асли и Керем» Махмуд и Марьям выбирают имена «Керем» и «Асли», а в дастане «Ашуг Гариб» Расул на чужбине становится «Гарибом» и т. д. Эти имена стали столь популярны в народе, что вошли во фразеологические обороты.

С сожалением следует отметить, что до сих пор личные имена не изучались на основе фольклорных материалов. Такое изучение не только позволит уточнить историю формирования антропонимической системы азербайджанского языка, но и поможет созданию его исторической антропонимии. Все это, в свою очередь, прольет свет на сам

²⁴ «Китаби-Дәдә Горгуд», стр. 22—23.

ритуал наречения именем в исторической этнографии азербайджанского народа²⁵.

При системном исследовании языка азербайджанского фольклора следует учитывать жанровое разнообразие последнего, во многом обусловившее его языковое богатство. Поэтому для выявления основных языковых особенностей образцов устного народного творчества требуется прежде всего раскрыть специфические особенности различных жанров фольклора. Без этого лингвистический анализ языка фольклора будет неполным, а выдвигаемые положения — односторонними, так как языковые особенности, присущие, например, сказкам и дастанам, не являются характерными для пословиц и поговорок, баяты, песен, анекдотов и т. д. Поэтому можно считать, что результаты системного лингвистического анализа языка фольклора во многом зависят от учета жанровых особенностей образцов устного народного творчества.

Известно, что азербайджанский фольклор отличается особым жанровым разнообразием, наиболее распространенными из которых являются: песни, баяты, колыбельные, причитания, сказки, легенды, пословицы и поговорки, дастаны, скороговорки, загадки, ашугское творчество и др.

Исследование языка фольклора должно проводиться с учетом его жанровых особенностей. К примеру, если баяты и другие образцы фольклора, относящиеся к ашугскому творчеству, дают богатый материал для лексико-семантического исследования, то сказки, загадки, анекдоты не содержат необходимых фактов для анализа этого уровня языка, хотя и дают многое для изучения синтаксического яруса, тогда как баяты и ашугские стихи с этой точки зрения не представляют интереса. Дастаны же — единственный жанр фольклора, содержащий интересные факты для анализа как лексических, так и морфологических и синтаксических особенностей. Таким образом, предмет и объект лингвистического анализа фольклора во многом зависят от исследуемого фольклорного жанра.

Каждый жанр характеризуется специфическими средствами выражения. Например, языковые средства пословиц и поговорок отличаются лаконичностью и ясностью, а с синтаксической точки зрения являются предложениями с однородными членами, параллельными компонентами. Таким образом, синтаксические конструкции с параллельными компонентами, будучи весьма распространенными в пословицах и поговорках, для других фольклорных жанров (например, загадок) не характерны. По своим синтаксическим особенностям сказки и дастаны, в основном прозаические, отличаются от других фольклорных жанров. Сказки содержат зачин и концовку, синтаксическая структура которых отличает их от соответствующих композиционных компонентов дастана. Так, в зачинах преобладают предложения со сказуемыми, выраженными глаголами в повествовательной и пересказательной форме: *Күнләрин бир күнүндә, Мәммәднәсир тининдә, көј һамамын белиндә бири варыды. бири јохуду, алладан башга һеч ким јохуду... Кимдән сизг дејим, ајјами-гәдимдә бир кечәл варыды. Бу кечәлин дә бир анасы варыды. Бунлар чоһ касыб идиләр...* 'В некий день на голубой бане, что на углу Мамеднасира, жил-был... (впрочем) кроме аллаха никого (там) не было... О ком же вам поведать? Да, в те давние времена был один плешивый. И у этого плешивого была мать. Они были очень бедны...' (сказка «Каменное кольцо»); *Белә рәвәјәт еләјирләр*

²⁵ См.: О. А. Черенова. Роль имени собственного в морфологической лексике. — «Язык жанров русского фольклора», Петрозаводск, 1983, стр. 74—84.

ки, кунлэрин бир кунүндэ бири варымыш, бири јохујмуш, бир падшаһын аман-заман, көзүнүн ағы-гарасы бирчэ оглу варымыш, адыны да Малик дејэрлэрмиш... 'Существует предание, что у одного падишаха был единственный сын, свет очей его, по имени Мелик...' (сказка «Золотой телец») и др. В концовках сказок превалирует сказуемое в форме прошедшего определенного времени: *Шејпур чалынды, гошун һазырланды. Бајрам тәдәрүкү көрүлдү. Тәзәдән ики гардашын тоју башланды... Гых күн, гых кечә тој еләдиләр. Сонра Чәләјивәтәннән Вәтән арвадларыны көтүрүб өз вилајәтләринә кәлдиләр. Тејиб, ичиб мәтләбләринә чатдылар* 'Протрубил горн, собралось войско. Подготовились к празднеству. Снова началась свадьба двух братьев... Сорок дней и сорок ночей играли свадьбу. Затем, захватив в Джалаиветене женщин своей родины, возвратились в свои края. Пировали, добившись желанного...' (сказка «Шамс-Гамар»).

Одной из специфических синтаксических особенностей языка азербайджанских сказок является распространенность в нем инверсионных предложений, присущих устной речи, и сложных предложений смешанного типа.

Что же касается языка азербайджанских дастанов, то следует отметить, что этот жанр фольклора, синтезирующий в себе поэзию и прозу, отличается своеобразными лексическими, морфологическими, синтаксическими особенностями, представляющими несомненный интерес для лингвиста.

В качестве первых шагов азербайджанских языковедов в данной области могут быть названы исследования З. Ализаде о лексико-семантических особенностях пословиц и поговорок и С. Кочарли о лексике баяты²⁶.

Системное изучение языка фольклора следует считать одним из важных направлений азербайджанского языкознания.

²⁶ З. Әлизадә. Азәрбајҹан аталар сөзү вә мәсәлләринин лексика-семантик хүсусијјәтләри. Бақы, 1980; *еә же*. Азәрбајҹанские пословицы и поговорки и их лексико-семантический анализ. Автореф. докт. дисс., Бақы, 1981; С. Кочарли. Указ. автореф.

Р. Р. ЮСИПОВА

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ —
НЕПРОДУКТИВНОСТЬ РЕЛИКТОВЫХ АФФИКСОВ
В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Турецкое словообразование является объектом постоянного внимания многих исследователей-тюркологов как за рубежом, так и у нас в стране. Особенно возрос интерес к вопросам словопроизводства в турецком языке после осуществления в 1932 году «Реформы языка» (Dil Devrimi 'языковая революция'). Известно, что письменно-литературный язык Турции в течение нескольких веков развивался, активно используя лексические и лексико-грамматические элементы арабского и персидского языков, которые были мало понятны широким народным массам. Этот язык в эпоху социальных преобразований, в период установления и формирования в стране республиканского строя¹ не мог удовлетворительно выполнять свою основную коммуникативную функцию в общенациональном масштабе: жизненные интересы нации требовали функционирования единого общепонятного языка во всех сферах устного и письменного общения.

Большую роль в выработке норм современного турецкого языка начало играть Турецкое лингвистическое общество (Türk Dil Kurumu), перед которым сразу же после его создания в 1932 году была поставлена задача очищения родного языка от иноязычных (в первую очередь арабо-персидских) заимствований и разработка норм национального литературного языка². В результате предпринятых усилий современный турецкий язык претерпел значительные изменения: были созданы по существовавшим и новым словообразовательным моделям новые слова и выражения, часть широко употребительных исконно турецких слов получила новое осмысление, возникли и успешно функционируют в языке слова, выражающие новые понятия. Участие языковедов в создании новых лексем позволяло внедрять в язык словообразовательные элементы, способствующие выявлению в турецком языке соответствующих словообразовательных моделей: предсказуемой, продуктивной, формально неограниченной; предсказуемой, продуктивной, формально ограниченной; непредсказуемой, продуктивной, формально ограниченной, непродуктивной.

¹ Турция была провозглашена республикой 29 октября 1923 г.

² Подробнее об этом см.: А. Н. Баскаков. Языковая политика Турецкого лингвистического общества. — В сб. «Социолингвистические проблемы развивающихся стран», М., 1975, стр. 20—26; его же. Развитие функциональных стилей в современном литературном турецком языке. — В сб. «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков», М., 1977, стр. 217—238.

Изучая процесс образования новых лексических единиц в современном турецком языке, необходимо не только исследовать сопровождающие его словообразовательные формы и языковые факторы, но и учитывать также наличие общеязыковых условий, способствующих образованию этих единиц. Возникает вполне закономерный вопрос: чем объяснить, что за короткий исторический период большинство неологизмов смогло вытеснить из языка слова арабо-персидского происхождения, которые до 30-х годов нашего столетия составляли примерно 65% общего состава лексики³. Многие новые слова, совершенно неизвестные, не существовавшие в языке каких-нибудь 20—30 лет назад, ныне используются в учебной, научной, литературно-критической, публицистической и художественной литературе⁴. Можно сказать, что большинство неологизмов в настоящее время стали общеупотребительными благодаря прежде всего постоянно действующему в турецком языке способу аффиксального словообразования.

В словарном составе современного турецкого языка имеются созданные по принципу аффиксации слова как функционировавшие еще в древний период существования языка, так и появившиеся в наши дни. Вместе с тем следует заметить, что длительное существование самого способа образования новых лексических единиц посредством присоединения аффикса еще не говорит о неизменности словообразовательных моделей, действовавших на том или ином этапе развития языка. Историческое развитие лексики турецкого языка свидетельствует о постоянном использовании одних аффиксов, архаизации других, появлении или активизации третьих. В лексическом составе современного турецкого языка можно встретить, например, наряду со словами, включающими малопродуктивные аффиксы, также слова, созданные с помощью продуктивных аффиксов, причем одни из них имеют древнее происхождение, а другие — стали функционировать в языке сравнительно недавно. В период усиленных поисков средств для образования новых слов, когда словотворчество основывалось главным образом на использовании словообразовательных аффиксов, а слова создавались по существующим в языке моделям, независимо от продуктивности данной модели в современном языке, четкая грань между продуктивными и малопродуктивными аффиксами, естественно, стиралась⁵.

При изучении состава моделей производных слов неизбежно возникает вопрос о том, почему использован данный, а не иной аффикс. Этот вопрос имеет принципиальный характер и возникает особенно остро в тех случаях, когда в языке образуются и начинают функционировать новые словообразовательные модели.

Поскольку сознательное словотворчество в турецком языке делает процесс словообразования контролируемым и регулируемым, турецкими лингвистами в период реформы языка были созданы путем аффиксации новые слова посредством использования: а) постоянно действующих словообразовательных моделей; б) словообразовательных моделей, включающих малопродуктивные аффиксы и аффиксы, исторически не получившие распространения в турецком языке.

³ О. А. А. Ağaca balta vurmuşlar «Sapı bedenimdendir» demiş. — «Türk Dili», 1970, № 221, стр. 256—361.

⁴ В произведениях современных турецких писателей (начала семидесятых годов) заимствованные слова составляют всего 15% от общего числа употребляемых слов, см.: İbrahim Kutluk. Önsöz. Cumhuriyet Yazınından Örnekler. Ankara, 1974, стр. 15.

⁵ О продуктивности турецких словообразовательных аффиксов см. подробнее: Vecihe Hatiboğlu, Türkçenin Ekleri. Ankara, 1974.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть взаимосвязь между процессом создания новых лексических единиц посредством использования аффиксов, не выступавших до этого как словообразующие, и способностью языка ассимилировать новые словообразовательные модели.

Модель «корень (или основа) + аффикс *-l*, *-al/-el*, *-il/-il*, *-ul/-ül*» (далее в тексте — аффикс *-l*). Среди аффиксов, использованных турецкими лингвистами при образовании новых лексических единиц, обращает на себя внимание аффикс *-l*. Лексический материал самого турецкого языка, так же как лексика других тюркских языков, свидетельствует о том, что аффикс именного словообразования *-l*, как и производные, созданные посредством присоединения этого аффикса, не получили широкого распространения почти ни в одном из современных тюркских языков.

В современном турецком языке до момента вовлечения аффикса *-l* в общий словообразовательный инструментарий языка имелись, как, впрочем, и в других тюркских языках, лишь единичные слова — прилагательные или существительные — с данным показателем. Как правило, эти единичные образования по своей структуре представляют собой слова типа «корень + аффикс *-l*». При этом общее семантическое значение корня, функция и назначение самого аффикса *-l* в подобных словах в большинстве случаев не могут быть выявлены, хотя общеизвестно, что каким бы сложным по своей структуре не было тюркское слово, оно легко расчленяется на составные элементы, поскольку деривационные элементы либо выполняют грамматическую и лексико-грамматическую функцию, либо служат средством, модифицирующим и уточняющим семантику слова. В некоторых случаях весьма трудно восстановить лексико-грамматическую принадлежность и семантику односложной корневой морфемы, ставшей исходной для создания вторичного образования⁶.

Тюркологи, изучавшие природу слов типа «корень + аффикс *-l*», реконструируя возможный путь образования производных слов с формантом *-l*, считают, что этот аффикс, по-видимому, в древнетюркском языке выполнял функцию именного словообразования. Так, отмечая наличие по всем тюркским языкам таких слов, как *jeřil* 'зеленый', *kuzył* 'красный', ученые возводят их к *jeř* и *kuzy*, а *-yl/-il*, где аффикс *-l* — показатель именного словообразования⁷. Однако мнения расходятся в тех случаях, когда речь заходит о характере и назначении этого словообразовательного аффикса. Одни тюркологи считают, что морфема *-l* еще в древнетюркском языке служила средством образования имен от именных основ: *kuzy* 'горячий', *kuzy-yl* 'красный', *jař* (*jeř*) 'зелень', 'зеленый', *jeř-il* 'зеленый'⁸, другие полагают, что аффикс *-l* служил средством образования имен от глагольных основ: *ti-* 'говорить', *til* 'язык'; *kart-* 'разрывать на куски'; *kartal* 'орел'⁹.

⁶ Мы исходим из того, что древнетюркское слово было односложным (см. по этому вопросу: Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959, стр. 46—52; Н. А. Баскаков. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках. — «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 73—74; А. Зайончковский. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 192.

⁸ Haydar Edisün. Yine -el, -il, -sel ekleri üzerine. — «Dilbilgisi Sorunları», II, Ankara, 1972, стр. 58—71.

⁹ Zeynep Korkmaz. Türkçede -l eki (-al/-el, -il/-il, -ul/-ül, -sal/-sel). — «Dilbilgisi Sorunları», II, Ankara, 1972, стр. 72—95.

По-видимому, в древнетюркском языке аффикс *-l* был синкретичен в отношении корня, к которому он присоединялся и использовался для образования именных основ.

Что касается функционирования аффикса *-l* в настоящее время в роли именного словообразователя, то в современных тюркских языках он не употребителен. Сохранились лишь единичные слова, включающие этот аффикс в свой морфемный состав. В этих словах, созданных по модели «корень+аффикс *-l*», аффикс *-l*, по мнению Э. В. Севортяна, был использован для образования слов со следующими значениями: субъект действия, имя действия, орудие, средство, результат, место, объект действия, названия действия, процесса, признака¹⁰. Можно предположить, что модель именного словообразования «корень+*-l*» некогда была достаточно продуктивна не только в тюркских языках, но и в языках всей алтайской общности. Так, внимание видных ученых — тюркологов, монголистов, алтаистов (А. Н. Кононова, Э. В. Севортяна, Н. К. Дмитриева, Л. Будагова, В. В. Радлова, А. ф. Габен, Ю. Немета, Г. И. Рамстедта, Г. Дёрфера, В. Банга и др.), не раз обращавшихся к изучению структуры древних слов, привлекал тот факт, что в ряде алтайских языков и во всех тюркских языках функционировали в далеком прошлом структурные образования типа «корень+*-l*», представляющие собой, по-видимому, древнейший пласт общеалтайской лексики¹¹. Вероятно, в определенном периоде развития языка аффикс *-l* обладал абсолютной или почти абсолютной продуктивностью, что позволяло ему образовывать имена как от именных, так и глагольных основ, а в некоторых тунгусо-маньчжурских языках выражать также категорию множественности¹². Частота употребления аффикса *-l*, способствовавшая его семантическому выветриванию уже в древнейший период развития языка, когда слова-корни сохраняли синкретизм, позволяла использовать его как служебный элемент также при образовании глагольных форм. Как отмечал Э. В. Севортян, одна и та же морфема, то есть *-l* в более раннем состоянии, использовалась как для именного словообразования, так и для оформления страдательного залога¹³.

Таким образом, несмотря на отсутствие на современном этапе развития языка общего комплекса признаков, можно предположить, что показатель формы страдательного залога *-l* и аффикс именного словообразования *-l* генетически родственны.

Изучая явления словообразования в лексическом и грамматическом плане, необходимо, по-видимому, учитывать не только разную степень абстрагированности грамматических и иных элементов, но и их взаимодействие как между собой, так и с корнями и основами в процессе развития языка¹⁴. Естественно, в языке можно встретить факты

¹⁰ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 192—194.

¹¹ Подробнее об этом см.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974 (словарные статьи *авул*, *огул*); В. Д. Колесникова. К характеристике названий частей тела в тунгусо-маньчжурских языках. — В сб.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», Л., 1969, стр. 257—337.

¹² В. И. Цинциус. К этимологии алтайских терминов родства. — В сб.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», Л., 1972, стр. 55.

¹³ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, М., 1962, стр. 271; Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, стр. 178.

¹⁴ См.: А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 108—120.

взаимного переплетения различных грамматических значений¹⁵. Переходные случаи и всякого рода исключения из правил отражают постепенное развитие языка, его совершенствование, что происходит не путем одновременных изменений всей языковой системы, а представляет собой непрерывный процесс во многом связанных и взаимообусловленных изменений существующих в языке элементов. Каждый язык, как известно, выполняя коммуникативную функцию, стремится к удобству и проявляет бессознательное стремление к разделению, к дифференциации¹⁶.

Основной причиной исчезновения словообразовательной модели «корень+аффикс -l» послужил, на наш взгляд, тот факт, что в глубокой древности он был синкретичен по отношению к исходной основе. Отсутствие ясно выраженной семантики и синкретичность постепенно создавали, по-видимому, известные трудности для его использования в роли аффикса именного словообразования. Поэтому со временем модель именного словообразования «корень+аффикс -l» выпала из словообразовательной системы тюркских языков.

Но в родственных монгольском и бурятском языках этот аффикс сохранил достаточно четко выраженную семантику и функциональное назначение. Степень продуктивности его зависит главным образом от лексико-семантической модели. Весьма существенным является, по нашему мнению, тот факт, что данный аффикс, во-первых, используется в этих языках для образования имен существительных только лишь от глагольных основ. Во-вторых, количество лексико-семантических моделей, функционирующих в современных монгольском и бурятском языках, в состав которых входит аффикс -l, весьма ограничено. Посредством этого аффикса (или, как его называет Т. А. Бертагаев, — суффикса) образованы слова:

а) с отвлеченным значением: монгольские — *угийсгэ-л* 'отрицание' от *угийсгэ-х* 'отрицать', *сонсо-л* 'слушание' от *сонсо-х* 'слушать'; бурятские — *гээгдэ-л* 'потеря' от *гээде-х* 'потеряться', *соелжи-л* 'обретение культуры' от *соелжи-х* 'становиться культурным';

б) со значением «собираемость или составность предмета»: монгольские — *командла-л* 'командный состав', 'командование' от *команда-х* 'командовать', *эмхэтэ-л* 'сборник' от *эмхэтэ-х* 'собирать', 'привести в порядок'; монгольские и бурятские — *эвлэ-л* 'союз' от *эвлэ-х* 'соединяться';

в) с конкретным предметным значением: монгольские *усэглэ-л* 'букварь' от *усэглэ-х* 'читать по буквам', 'выводить буквы'¹⁷.

Т. А. Бертагаев отмечает заметную активизацию этого аффикса в современных монгольских языках, где в настоящее время он чаще всего используется для образования имен существительных с отвлеченным значением: *ардича-н* 'демократия', 'демократизация' от *ардича-х* 'демократизировать', *ангила-а* 'классификация', 'группировка' от *ангила-х* 'группировать', *хувиарла-л* 'распределение' от *хувиарла-х* 'распределять' и др.¹⁸

Выполняя задачу по очищению современного турецкого языка от иноязычных заимствований, турецкие ученые были вынуждены искать

¹⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 499.

¹⁶ И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963, стр. 58.

¹⁷ Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974, стр. 173.

¹⁸ Там же, стр. 174.

все новые и новые способы замены прежних наименований новыми лексическими единицами. Очень часто лингвисты создают новые слова по аналогии с функционирующими в языке в настоящее время лексическими единицами, без учета существующих языковых норм, что, естественно, затрудняет их восприятие и ассимиляцию в языке.

В турецком языке была возрождена словообразовательная модель «корень+аффикс *-l*». Однако попытка использовать аффикс *-l* для образования новых лексических единиц вызывает резкую критику со стороны некоторых видных турецких ученых. Одни относят этот аффикс не к исконно турецким, а к заимствованным из монгольского языка, а слова, образованные посредством показателя *-l*, считают не отвечающими нормам современного турецкого языка¹⁹. Другие полагают, что указанная модель представляет собой искусственное образование, созданное как структурно-фонетический аналог французских слов типа *culturel*, *experimental* и т. п.²⁰ Тем не менее следует отметить, что этот аффикс именного словообразования возрожден; посредством его были созданы новые лексические единицы, функционирующие ныне в различных значениях. Например:

а) «место, помещение, предназначенное для совершения действия, названного исходной основой»: *okul* 'школа' от *okumak* 'читать, учиться';

б) «инструмент, орудия, средства, производящие действие, названное исходной основой»: *çekil* 'отвес', 'лот' от *çekmek* 'тянуть', 'тащить', 'волочить';

в) «объект или результат действия, названный исходной основой»: *kural* 'правило', *kurul* 'совет', 'комиссия' от *kurmak* 'строить', 'устраивать', 'основать'; *koşul* 'условие' от *koşmak* 'присоединять', 'давать в сопровождение'.

Данные слова образованы от глагольных основ. Помимо этого, в языке имеется ряд слов, созданных от именных основ:

а) имена существительные: *çoğul* 'множественное число' от *çok* 'много', *tekil* 'единственное число' от *tek* 'один', 'не имеющий пары', *ardıl* 'последователь' от *art* 'спина', 'задняя сторона';

б) имена прилагательные: *özel* 'особый', 'специальный', 'частный' от *öz* 'сам', *öncel* 'предшествующий', 'бывший' от *önce* 'раньше'.

В этих примерах обращают на себя внимание следующие моменты:

а) неоднородность в лексико-грамматическом отношении производящих основ, используемых в роли корневых морфем (ср. выше: глагол и имя);

б) синкретичность аффикса. Посредством этого аффикса созданы как имена существительные, так и прилагательные;

в) нарушение закона сингармонизма в противовес существующим нормам языка;

г) отсутствие четко выраженного значения у новообразования.

Таким образом, как показывает материал, словообразовательную модель «корень+аффикс *-l*» для турецкого языка в современном его состоянии следует признать, на наш взгляд, искусственной. Будучи не конкретным по значению и функции, аффикс *-l* не может соответствовать в полной мере достаточно строгим требованиям, предъявляемым к словообразовательным элементам при создании новых слов. Создание же новых лексических единиц по словообразовательной модели «корень+аффикс *-l*» вызвано всего лишь потребностью в новых словообразовательных средствах, которые должны были, по мнению турецких лингвистов, стать основой для выражения значений, ранее передавав-

¹⁹ Zeynep Korkmaz. Указ. раб., стр. 72—82.

²⁰ Necmettin Hacıminoğlu. *Türkçenin Karanlık Günleri*. İstanbul, 1975, стр. 155.

шихся арабскими или персидскими словами: mektep—okul, heyet—kurul, şart—koşul, hususi—özel, selef—öncel.

Модель «имя существительное+реликтовый аффикс -sal/-sel». В структурном отношении эта модель не повторяет ни одну из словообразовательных моделей, издавна известных в турецком и других тюркских языках²¹. Семантика этого аффикса и главным образом его назначение до недавнего прошлого оставались неясными. В процессе изыскания новых средств для выражения прежних понятий турецкие лингвисты возродили этот аффикс и включили его в словообразовательную систему. Однако следует заметить, что первоначально он, в отличие от других словообразовательных аффиксов, активно используемых в создании новых лексических единиц, не был принят безоговорочно. Природа форманта -sal/-sel, его отнесенность к турецким словообразовательным аффиксам были до недавнего прошлого темой дискуссий. Так, Хайдар Эдискун утверждает, что аффикс -sal/-sel в качестве словообразовательной морфемы был зафиксирован еще в древнетюркском языке в единичных образованиях. Стало быть, его тюркское происхождение и назначение не вызывают сомнений²². Историк языка Зейнеп Коркмаз, напротив, пишет, что этот формант не выступает в словообразовательной функции ни в одном из современных тюркских языков. Не встречался этот аффикс в такой роли и в древнетюркском языке. Формант -sal/-sel, по З. Коркмаз, представляет собой скорее всего гибридное образование: *sa+l*, где *sa* — глаголообразующий элемент, а *l* — аффикс именного словообразования монгольского происхождения²³. Принадлежность аффикса -sal/-sel к словообразовательному арсеналу вызвала сомнение и у некоторых других ученых. С резкой критикой по этому вопросу выступил Нежметдин Хаджиеминоглу, утверждающий, что упомянутый аффикс ни в турецком, ни в древнетюркском языке не существовал. По его мнению, этот формант используется для образования слов, структура которых полностью противоречит правилам турецкой грамматики. Появление подобных слов — результат стремления образовывать турецкие слова на французский манер. Зачем, пишет, он, нужны такие словосочетания, как *tarımsal bölge*, *tarihsel olay*, *kırsal bölge*, если то же самое можно передать исконно турецкими средствами: *tarım bölgesi*, *tarin olayı*, *kır bölgesi*²⁴.

Такое расхождение во мнениях объясняется тем, что языковое строительство в Турции проходило в определенной исторической ситуации, когда всячески стимулировалось сознательное вмешательство в развитие языка, и турецкие лингвисты получили возможность, наряду с созданием многих новых слов по исконным словообразовательным моделям турецкого языка или моделям, заимствованным из других тюркских языков, изобретать новые языковые средства для замены слов или для передачи не существовавших до того новых понятий. Была по сути дела придумана и рекомендована новая словообразовательная модель для замены функционировавших имен прилагательных арабо-персидского происхождения, в которой неизменным элементом выступал аффикс -sal/-sel. Известно, что для турецкого языка прошлого весьма характерным было большое количество имен прилагательных, созданных посредством присоединения к основе имени существительного форманта

²¹ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 178.

²² Haydar Ediskun. Указ. раб., стр. 55—57.

²³ Zeynep Korkmaz. Указ. раб.

²⁴ Necmettin Hacıeminoğlu. Указ. раб., стр. 155.

i (или *vi*) соответственно нормам арабской грамматики, например: *ruh* 'душа', 'дух' (психический), *ruhi* 'духовный', 'психический'; *asker* 'солдат', 'воин', *askeri* 'военный', 'воинский'; *an* 'момент', 'мгновение', *ani* 'моментальный', 'мгновенный'; *tarih* 'история', *tarihi* 'исторический' и т. д. Многие из этих слов и подобных им, созданных по модели «существительное+аффикс *-i* (или *-vi*)», в течение многих веков функционировали в языке как лексические единицы наравне со словами турецкого происхождения. Эта модель была достаточно прозрачна, и носитель языка легко воспринимал образованные с ее помощью слова. Однако, с точки зрения турецких лингвистов, стоящих на позициях пуризма, подобные слова по своему происхождению и структуре не были исконно турецкими, и их следовало заменить. Для этого эти ученые воспользовались реликтовым аффиксом *-sal*, употребленным в составе всего лишь двух единичных турецких слов: *kumsal* 'песчаное место', 'песчаный берег', 'песчаный' (от *kum* 'песок'), *uyusal* 'послушный', 'податливый', 'покладистый' (от *uyutak* 'слушаться', 'повиноваться', 'поступать согласно чьим-либо советам')²⁵. Как видно из этих слов, аффикс *-sal* в одном случае образует имя от имени, а в другом — от глагола. По-видимому, отмечаемая Э. В. Севортьяном неясность семантики этого аффикса и неопределенность его назначения как словообразовательного форманта сделали его непродуктивным на каком-то этапе развития языка. Вероятно, по этой же причине слова, созданные по модели «имя+аффикс *-sal/-sel*», внедрялись и прежде в язык весьма осторожно. В настоящее же время аффикс *-sal/-sel* прочно вошел в словообразовательный инструментарий современного турецкого языка²⁶, в котором он выступает как морфологический показатель, образующий имена прилагательные от существительных.

Аффикс *-sal/-sel* универсален, ибо с его помощью образуются прилагательные от всех существительных, независимо от их происхождения:

от арабо-персидской основы: *tarih* 'история' — *tarihsel* 'исторический', *ruh* 'душа' — *ruhsal* 'духовный', *din* 'религия' — *dinsel* 'религиозный' и т. д.;

от западноевропейской основы: *fizik* 'физика' — *fiziksel* 'физический', *matematik* 'математика' — *matematiksel* 'математический', *elektrik* 'электричество' — *elektriksel* 'электрический' и т. д.;

от турецкой основы: *kent* 'город' — *kentsel* 'городской', *bilim* 'наука' — *bilimsel* 'научный', *simge* 'символ' — *simgesel* 'символический' и т. д.

Объяснение тому, что аффикс *-sal/-sel* стал столь широко употребительным, по-видимому, следует искать в том, что, во-первых, вначале он был предложен как морфологический синоним арабского суффикса *-i*, с помощью которого образовывались имена прилагательные от существительных, и чаще всего заменял этот суффикс. Во-вторых (и это главное!), в отличие, например, от аффикса *-l*, при его помощи создавались лексические единицы, ни по своему звучанию, ни по структурному построению не напоминавшие ни одну из существовавших единиц речи (ср. *kurul* 'совет', 'комиссия' и *kurul* — глагольная форма от *kurulmak* 'быть основанным', 'основываться'; 'создаваться'). Ныне словообразовательная модель «существительное+аффикс *-sal/-sel*» заняла прочное место в словообразовательной системе турецкого языка.

²⁵ Zeynep Korkmaz. Указ. раб.

²⁶ V. Hatiboğlu. Türkçenin Ekleri. Ankara, 1974.

Известно, что природа изменения языкового материала состоит в возникающих отклонениях от существующей нормы. Грамматический строй языка, как правило, по сравнению с его лексическим составом изменяется крайне медленно и независим от социальных преобразований. Однако с турецким языком связано уникальное явление — сознательное вмешательство государства в языковое строительство, что позволило турецким ученым-лингвистам наряду с созданием новых слов по существующим собственно турецким словообразовательным моделям или моделям, заимствованным из других тюркских языков, предложить и новое средство для образования имен прилагательных. Изменения в лексическом составе привели в конечном итоге к возникновению в языке морфологического показателя для выражения имен прилагательных.

Если ранее было невозможно провести четкую грань между именем прилагательным и существительным в турецком языке по одним только морфологическим признакам²⁷, ибо лишь «совокупность семантико-морфолого-синтаксических показателей и связей всегда и точно позволяет определить принадлежность того или иного слова к той или иной части речи»²⁸, то теперь уже можно говорить о наличии в турецком языке морфологического показателя, посредством которого образуются имена прилагательные. Появление (возрождение) в языке модели «имя+аффикс *-sal/-sel*» явилось своеобразной компенсацией отказа от использования прилагательных арабского происхождения. А отсутствие в языке лексических аналогов модели «имя+аффикс *-sal/-sel*» и семантическая пустота самого аффикса создали предпосылки для активного его использования при образовании относительных прилагательных. Модель «имя+аффикс *-sal/-sel*» употребляется чаще всего при создании терминологических образований. Употребительность вновь создаваемых слов в общезыковом масштабе находится в прямой зависимости от их значения. Если слова *toplumsal* 'общественный', *kutsal* 'священный', *devrimsel* 'революционный', *bireysel* 'индивидуальный' и подобные им встречаются в языке довольно часто, прочно войдя в общую лексику, то такие слова, как *yapısal* 'структурный', *örgesel* 'органический', *niteliksel* 'свойственный', *gelişimsel* 'эволюционный', можно встретить лишь в специальных текстах.

Итак, в том случае, когда в языке по каким-либо причинам появляется новая словообразовательная модель, не отличающаяся четко выраженной определенностью, а ее словообразовательный аффикс не наделен конкретной значимостью, то новообразования, созданные посредством использования этой модели, с трудом воспринимаются носителями языка. И такая модель, как правило, обречена на отмирание. Сами турецкие лингвисты критически относятся к подобного рода новообразованиям. Так, из словаря «*Türkçe Sözlük*», изданного в 1966 году, были изъяты слова, не ставшие, по мнению известного турецкого лингвиста А. С. Левенда, употребительными. Будучи турецкими по своей форме, они тем не менее не получили признания широкой общественности²⁹. Исследование А. Н. Баскаковым лексики различных функционально-стилистических жанров, письменной и устно-разговорной форм современного турецкого литературного языка также показывает, что язык в целом адаптирует далеко не все новообразования. В современном турецком языке выделяются три пласта новой лексики: а) неологизмы, рас-

²⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956, стр. 135.

²⁸ Там же.

²⁹ *Agah Sırrı Levend. Türkçeyi Bozanlar.*—«*Türk Dili*», 1970, стр. 353—355.

пространенные в большинстве функциональных стилей; б) неологизмы, освоенные не всеми функциональными стилями; в) неологизмы, не получившие распространения ни в одном из функциональных стилей³⁰.

На процесс формальной адаптации слова, создаваемого по новой модели, сильное воздействие оказывают особенности функционирования самого слова, его распространенность в тех или иных сферах человеческого общения. Адаптирующее воздействие языка непосредственно связано с частотой и широтой употребления вновь созданного слова. Следует несомненно учитывать наличие в языке различного рода параллельных словообразовательных моделей, материально сходных аффиксов, которые могут либо ускорить и стабилизировать, либо замедлить процесс формальной адаптации той или иной словообразовательной модели.

Решение вопроса о продуктивности — непродуктивности каждой отдельно взятой словообразовательной модели не может основываться только на языковой традиции. Необходимым условием того, чтобы новообразование получило право на существование в языке на данном этапе его развития, является наличие в языке четко выраженной, легко мотивируемой общеупотребительной модели.

³⁰ А. Н. Баскаков. Развитие функциональных стилей в современном литературном турецком языке. — В сб. «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков». М., 1977, стр. 223.

Э. Г. АЗЕРБАЕВ

О ЛЕКСИКЕ ЯПОНСКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, СВЯЗАННОЙ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА

Предлагаемая статья является органическим продолжением ранее опубликованных работ автора, посвященных различным аспектам японско-тюркских языковых связей [1; 2; 3]. В ее основу легли результаты данных, полученных с использованием ЭВМ применительно к семантическому полю, связанному с терминами родства в японском и тюркских языках.

Фонемные ряды: 1—5—1; протофонемы: *АМА.

ДЯ АМА-TERASU 'мифологическая богиня, являющаяся прародительницей всего японского народа (букв. 'небоосвещающая')'; АМА, АМЕ 'небо, дождь, то есть то, что в виде семени выпадает на землю и оплодотворяет ее' (идея, высказанная Н. Сыромятниковым); чув. АМА '1) самка, матка; особь женского пола; маточный; 2) диал. мать; 3) миф. название богини, которая считается матерью всего мира; 4) бот. женский; 5) боковая стенка с крупной ячейкой в рыболовной сети'; алт. ЭМЕ-ГЕН '1) почтенная женщина; 2) супруга, жена; 3) старуха'; кирг. ЭМЕ 'старуха'; куманд. ЭМЕ-ГЕН 'старуха, жена, супруга', сал. АМА, АМЕ 'мать'; туба ЭМЕ-ГЕН 'жена, женщина, старуха'.

С вышеприведенными словоформами генетически тесно связана усеченная форма *am* со значением «вульг. женский половой орган», письменно зафиксированная в ряде источников: алтайском, барабинском, казанскотатарском, казахском, киргизском, крымскотатарском, османском, старокыпчакском, татарском, турецком.

Касаясь этимологии чувашской формы, В. Егоров пишет: «В настоящее время *ама* вытеснено словом *анне*, родственном общетюркскому *ана*. В древнейшее время *ама* было в исключительном употреблении в значении 'мать'» [7, с. 25].

Следующие данные монгольских языков: бур. ЭМЕ '1) женщина; 2) употребляется для обозначения женского пола, самка'; баоаньск. ЭМЕ 'женщина'; калм. ЭМ(Е) '1) женщина; прост. баба; 2) в сочетании обозначает женский пол'; монг. ЭМ '1) женщина, прост. баба; 2) уст. жена; 3) в сочетании обозначает женский пол или род'; монгор. АМА 'мать'; ст.-письм. монг. ЭМЕ: см. монг.; монгор. АМА 'мать'; МА ЕМЕ 'самка'; тунгусо-маньчжурских: маньч. АМА 'отец'; АМАҚА 'свекор (отец мужа)'; нан. АМА 'обращ. отец'; АМА 'отец, папа'; нег. АМА 'обращ. отец'; орок. АМА 'обращ. отец'; орох. АМА 'обращ. отец, папа'; сол. АМА 'отец'; ульч. АМА 'обращ. отец'; эвенк. АМА, АМИ 'отец (при обращении)'; эвенск. АМА 'зват. отец! папа!' и корейского: АМ 'самка, женская особь' — указывают, что данную словоформу с полным

основанием можно считать восходящей непосредственно к алтайской языковой общности. Более того, данные ряда уральских языков: венг. ЕМЕ 'самка'; фин. ЕМÄ 'мать'; эст. ЕМА 'мать' еще более расширяют в гипотетическом плане ареал распространения данной словоформы.

Как справедливо отмечает С. Яманака: «Слова, обозначающие „мать“, у многих народов мира имеют почти одни и те же звуки, которые могут рассматриваться либо как родственные слова, либо как заимствования» [14, с. 125]. Далее, ссылаясь на работы И. Синмура, К. Хаттори, С. Канадзава, С. Огура, Д. Такакусу, С. Мураяма, Э. Асаи, он приводит данные из ряда языков мира со значением 'мать': *ömö*, *öti*, *etenim* в корейском, *ete*, *oto* в маньчжурском, *атта* в самоедском, *ат* в остякском, *ата* в тибетском, *ати* в бирманском, *ато* в языке цоу, *та*, *те* в тайском, *атта* в сингальском, *итт* в ассирийском, *итти* в аккадском, *ото*, *'et* в еврейском, *ата* в баскском и т. д. [14, с. 125—126]. (См. также *UM).

Фонемные ряды: 1—9—I; протофонемы: *ANA.

ДЯ ANE 'старшая сестра'; ТРП ANA 'мать'; азерб. АНА '1) мать, мама; 2) материнский, родной'; алт. ЭНЕ 'мать, мама'; бараб. IHA, AHÄ 'мать'; АНА '1) мать; 2) почтенная женщина, матрона'; гаг. АНА 'мать; материнский; родной'; др.-тюрк. (сюда входит вся лексика древнетюркских памятников, кроме ТРП, зафиксированная в «Древнетюркском словаре» [8]) ANA 'мать'; казан. АНА '1) мать; 2) почтенная женщина, матрона, 3) самка'; казах. АНА '1) родная мать; 2) мать (вообще)'; караим. Т Г К АНА '1) мать; 2) уважаемая, почтенная женщина, матрона'; карак. АНА 'мать'; карач.-балк. АНА 'мать'; кач. ЕНÄ 'мать'; кирг. АНА, ЭНЕ '1) мать; 2) сев. (в ряде говоров) бабушка (со стороны отца); 3) южн. свекровь'; АНА 'южн. пожилая, в годах (о женщине); старая (о самке)'; крымскотат. АНА 'мать'; куманд. АНА 'мать'; куманск.: см. бараб.; кумык. АНА '1) мать; материнский, родной; 2) самка, матка'; леб., лобн. ЕНЕ 'мать'; ног. АНА '1) мать; материнский, 2) матка, самка'; осм. АНА 'мать'; пол. АНА 'мать'; саг. ЕНÄ 'мать'; сал. АНА 'мать'; сар.-юг. АНА 'мать; мачеха'; среднечул. ÄHÄ 'мать'; ст.-кыпч. АНА 'мать'; тар. АНА 'мать'; тат. АНА '1) мать; материнский; 2) самка; матка'; тел. ЕНЕ 'мать'; тоб. АНА 'мать'; туба АНА 'мать'; тув. ЭНЕ '1) прабабушка; 2) няня'; турецк. АНА '1) мать; матка (у животных); 2) матушка (обращение); 3) благодетельница, защитница обездоленных'; туркм. ЭНЕ '1) бабушка (мать отца); 2) мать; материнский; 3) матка; самка (животных); 4) бабушка, мамаша (обращение к старой женщине); 5) прибавляется к именам собственным женским при обращении; 6) имя собственное женское'; диал. АНА '1) мать; матушка; 2) бабушка; 3) тетя, тетка'; турф. АНА 'мать'; узб. ЭНА 'обл. мать'; уйг. АНА '1) мать; 2) матушка (обращение к пожилой женщине); 3) матка (самка-производительница)'; хот. АНА 'мать'; чаг. АНА 'мать'; чув. диал. АНИ 'мать; мачеха; свекровь; теща'.

Ср. маньч. ЭНАН 'самка лося'; ЭНЭ 'мать, мама'; нег. ЭНЭН 'рыба-самка'; орок. ЭНЕ(КЭ) 'обращ. мама'; орош. ЭНЭ '1) самка; 2) рыба-самка'; уд. ЭНИ 'с притяж. суф. мать'; эвенк. ЭНЭН 'кета-самка'; эвенск. ЭНЭКЧЭН '1) самка рыбы; 2) самка'; др.-кор. АН'А 'жена'.

Э. Севортян со ссылкой на Г. Дёрфера «видит в ана...—лепетное по произношению слово» [6, т. I, с. 281].

Общность происхождения вышеприведенных японско-тюркских словоформ подтверждается данными тюркских языков, в которых общетюркское *ара* означает одновременно и «старшая сестра» и «мать».

Ср. также ДЯ словоформу с саларской, которые из числа всех вышеприведенных словоформ оказываются максимально аппроксимированными как с фонетической, так и с семантической точки зрения.

Фонемные ряды: 1—9—2; 2—9—2; протофонемы: *ANI, *INI.

ДЯ ANI 'брат (старший)'; ТРП INI 'младший брат'; азерб. INI 'младший брат'; диал. ИНИ '1) младший брат; 2) деверь'; алт. INI, ИИН 'младший брат' (во втором случае, по-видимому, имеет место метатеза); бараб. ИНИ 'младший брат; племянник'; башк. диал. ЭНЕ 'младший брат'; вост.-тюрк. INI 'младший брат'; казах. INI 'младший брат'; карак. ИНИ 'младший брат'; кирг. ИНИ '1) младший брат; 2) племянник (по мужской линии, если он младше дяди); младший родственник (по мужской линии)'; кумык. ИНИ '1) младший брат; 2) обращение к младшему по возрасту, братик'; лобн. ИНИ 'младший брат'; ног. ИНИ 'младший брат'; осм. INI 'младший брат'; сал. INI, INE, INY 'младший брат'; сар.-юг. ENE, ENI, INI, ЫНЫ 'младший брат'; тар. INI 'младший брат'; тат. ЭНЕ 'младший брат (по отношению к старшему)'; тел.: см. тар.; турецк. INI '1) уст. младший брат; 2) диал. младший брат отца'; диал. ENI 'брат'; туркм. ИНИ '1) младший брат; 2) братец, браток (обращение к младшим по возрасту); 3) племянник'; узб. ИНИ '1) младший брат; 2) братец (обращение к младшему по возрасту)'; уйг. ИНИ 'младший брат'; ферг. ИНИ 'младший брат'; чаг.: см. осм.; якут. ИНИ 'уст. 1) младший брат; 2) младший родственник по линии отца (по отношению к сыновьям последнего)'; БЛ INI 'младший брат'; ХШ ИНИ 'младший брат'.

Ср. маньч. ИНА 'племянник (сын сестры)'; нан. ИНАН 'младший родной и двоюродный брат мужа, деверь'; нег. ИНА '1) племянники (дети старшей сестры — женского пола; дети старшей и младшей сестры — мужского пола); 2) родня (по женской линии отца — брак запрещен); 3) дядя (старший брат сестры); 4) деверь (старший брат мужа)'; орок. ИНА 'зять'; эвенк. ИНАН '1) отец мужа, свекор; 2) младший брат мужа'; эвенск. ИНА 'двоюродные братья разных родов'.

В данном случае очень трудно реконструировать первый гласный, хотя родство вышеприведенных языковых форм сомнений не вызывает. В пользу открытого гласного *a*- говорят принципы ареальной лингвистики, в соответствии с которыми по Бартоли: «Более архаичная стадия или фаза обычно сохраняется в изолированных областях (норма изолированных областей)», и «Более архаичные стадии слов чаще сохраняются в периферийных географических ареалах (норма периферийных областей)» (см. Б. Серебrenников [9, с. 129, 130]) — требования, которым удовлетворяет древнеяпонский язык. В пользу открытого гласного, правда, в его мягком варианте (см. матрицу фонетических корреспонденций [1, с. 44]), говорят также данные сарыг-югурского языка и диалекты турецкого языка. В пользу же закрытого гласного *i*- говорят данные остальных тюркских, а также вышеприведенные данные тунгусо-маньчжурских языков. По нашему мнению, какой из двух вышеуказанных принципов: ареальность или же мажоритарность — является доминантным — ответить однозначно не представляется возможным.

Имеет место также точка зрения, высказанная еще С. Канадзава, о родстве древнеяпонских словоформ *ane* и *ani* (см. С. Яманака [14, с. 48]), которая, по мнению автора данной работы, представляется весьма убедительной, особенно в свете данных при *АМА и *РАРА: в них конкретно прослеживается контаминация «мужских» и «женских» значений.

Фонемные ряды: 1—6(—3); протофонемы: *AR(U).

ДЯ ARU-ZI, ARO-ZI 'хозяин; муж; мой муж'; ТРП ER 'муж, герой'; азерб. ЭР '1) муж, супруг; 2) мужественный, храбрый'; алт. ЭР '1) муж; мужчина; 2) герой, храбрец'; бараб. АР 'мужчина, муж'; башк. ИР '1) мужчина; 2) муж, супруг'; гаг. ЕР-КЕК '1) самец; 2) мужчина'; др.-тюрк. ЕР '1) муж, мужчина; 2) муж, супруг; 3) мужской'; казан. ИР '1) муж, мужчина; 2) герой'; казах. ЕР '1) мужчина; муж; 2) герой; богатырь; храбрый, мужественный'; караим. Т Г К ЭР '1) самец; 2) мужчина'; карак. ЕР '1) мужчина; 2) муж'; карач.-балк. ЭР 'муж, супруг'; кач. ЕР '1) мужчина; 2) герой; 3) муж; 4) возмужалый, выросший человек'; кашг. АР КИШЕ 'мужчина; муж'; кирг. ЭР '1) муж; женщина; 2) возмужалый; 3) герой, богатырь, храбрец'; койб.: см. кач.; крымск. АР '1) мужчина; 2) сильный муж, герой; 3) муж, супруг'; куманд. ЭР 'мужчина, муж'; кумык. ЭР '1) муж, супруг; 2) женщина; 3) мужчина, мужественный человек'; куманск., кюэр., леб.: см. крымск.; ног. ЭР '1) мужчина; мужской'; 2) герой, храбрец; мужественный, храбрый'; осм.: см. крымск.; пол. ЕР 'муж'; сарг.: см. кач.; сал. ЕР 'мужчина'; сар.-юг. ЕР 'муж; женщина'; ст.-кымч. ЕР 'муж, женщина'; тар.: см. крымск.; тат. ИР '1) мужчина; мужской; 2) муж, супруг; мужний, мужнин; 3) мужчина; герой, богатырь'; тоф. ЕР 'муж, женщина'; туба ЭН 'муж, женщина; возмужалый; богатырь'; тув. ЭР '1) мужчина; парень, молодой человек; 2) муж, супруг; 3) самец, особь мужского пола'; турецк. ЕР '1) мужчина; 2) рядовой, солдат, боец; 3) мужественный (смелый, храбрый) человек, герой; 4) прост. муж'; туркм. ЭР '1) муж, супруг; 2) женщина'; узб. ЭР '1) муж, супруг; 2) женщина; 3) мужчина, мужественный человек'; уйг. Э(Р) '1) муж, супруг; 2) женщина'; ферг. Э, ЭР, ЕР 'муж; женщина'; хак. ИР '1) женщина; 2) муж; 3) мужской'; хам. АР 'муж; женщина'; чаг.: см. крымск.; чув. АР '1) женщина; мужской; 2) муж, супруг; мужнин'; шорск.: см. крымск.

Ср. баоаньск. ЭРЭ 'мужчина'; бур. ЭРЭ '1) женщина; муж'; калм. ЭР '1) женщина; 2) ставится перед названиями животных для обозначения мужского пола; самец'; монг. ЭР '1) женщина, муж; 2) ставится перед названием животных: а) для обозначения мужского пола; самец; б) для обозначения кастрированного самца; 3) перен. сила; 4) перен. мужество, храбрость'; ст.-письм. монг.; см. монг. МА ЕРЕ 'мужчина'.

Согласно гипотезе авторов «Большого словаря древнеяпонского языка» конечный элемент *-zi* в древнеяпонских словоформах представляет собой сокращение от слова *nusi* 'хозяин, владелец' [4, с. 493], которое встречается в целом ряде древнеяпонских слов, как-то: *tozi* 'хозяин дома', *mu-gazi* 'один из родовых титулов древней Японии' (букв. 'хозяин деревни') и т. д. Как пишет В. Г. Егоров: «Слово очень древнее, имеется оно почти во всех тюркских и монгольских языках и даже в шумерском» [7, с. 30].

Обращает на себя внимание твердый вариант чувашского слова, который полностью вписывается в рамки реконструируемой праформы, в то время как в остальных тюркских и монгольских языках представлены мягкие варианты последней, что лишний раз подчеркивает ценность данных чувашского языка.

Фонемные ряды: 11—1—6(—1): протофонемы: *КАР(А).

ДЯ КАРА '1) кровная связь, родство; 2) характер, природа, происхождение'; чув. ХЫР-(А)М '1) желудок; живот; прост. брюхо; желудочный; брюшной; 2) плод, зародыш'; азерб. ГАР-ДАШ '1) брат; 2) братский'; алт. ҚАР-(Ы)Н 'живот, желудок, брюхо, чрево, утроба, брюшина'; ҚАР-(Ы)Н-ДАШ 'брат или сестра (собств. товарищ по животу, соутробник); родственник'; балк. КЪАР-(Ы)Н-ДАШ 'брат'; башк.

КАР-(Ы)Н '1) утроба; 2) желудок'; КАР-(Ы)Н-ДАШ '1) родственник, родственница; 2) младшая сестра (по отношению к старшему брату); 3) родственный'; белт. ҚАР-(Ы)Н-ДАС 'брат'; гаг. КАР-НЫ '1) живот, нутро, утроба, брюхо, чрево; 2) желудок; желудочный' (по-видимому, метатеза в составе аффиксальной мсрфемы); др.-тюрк. QAR-(I)N-DAS, QAR-(U)N-DAS 'брат (единоутробный)'; казан. ҚАР-(Ы)Н-ДАШ: см. алт.; ҚАР-(Ы)Н-ДАШ 'брат или сестра (собств. товарищ по животу, соутробник)'; казах. ҚАР-(Ы)Н 'желудок; живот'; ҚАР-(Ы)Н-ДАС '1) младшая сестра (родная или двоюродная в отношении брата); 2) обращение старшего к девушке'; караим. Т Г КАР-(Ы)Н 'живот, утроба, брюхо, желудок'; К ҚЪАР-(Ы)Н 'желудок'; Г КАР-(Ы)Н-ДАС 'брат'; КАР-(А)Н-ДАС '1) брат; 2) родственник'; Т КАР-(А)Н-ДАШ '1) брат; 2) родственник'; КАР-ДАШ, КАР-(Ы)Н-ДАШ 'брат'; К ҚЪАР-ДАШ, ҚЪАР-(Ы)Н-ДАШ 'брат'; карак. КАР-(Ы)Н '1) живот, брюхо; желудок; 2) разг. бурдюк (выделанный желудок коровы или овцы, используемый в качестве сосуда для хранения масла)'; ҚАР-(Ы)Н-ДАС '1) младшая сестра (родная или двоюродная по отношению к брату); 2) младшая родственница; 3) обращение старшего к девушке'; карач.-балк. КЪАР-Н-(А)Ш 'брат'; кач.: см. белт.; кирг. КАР-(Ы)Н 'поколение'; КАР-(Ы)Н-ДАШ '1) племянница (по мужской линии, если она моложе дяди); 2) младшая сестра (в отношении брата, но не сестры); 3) родственник'; койб.: см. белт.; куманд. КАР-ДАШ, КАР-ДЫШ, КАР-ТЫШ 'брат'; кумык. КЪАР-(Ы)Н 'утроба, чрево; брюхо; утробный; брюшной'; КЪАР-(Ы)Н-ДАШ 'диал. родственник, родич, родня'; кюэр., леб.: см. казан.; ног. КАР-(Ы)Н 'желудок; утроба, чрево, нутро'; КАР-(Ы)Н-ДАС '1) младшая сестра (по отношению к старшему брату); 2) родственница; 3) сестрица (обращение старшего к девушке)'; осм. ҚАР-(Ы)Н 'живот, желудок, брюхо, чрево, утроба, брюшина'; саг.: см. белт.; ст.-кыпч. ҚАР-(Ы)Н 'желудок'; ҚАР-(Ы)Н-ДАШ 'брат, собрат, единоутробные братья и сестры'; тат. КАР-ДӘШ '1) родственник, родственница; родственный; 2) брат; братский; 3) (при обращении) брат!; 4) рел., уст. ближний, духовный брат'; тел.: см. казан.; туба КАР-ДАШ 'брат'; турецк. KAR-DEŞ '1) брат; сестра; 2) братец, братишка (в обращении)'; KAR-DEŞ-LİK '1) братство, братские отношения, родство; 2) дружба; 3) брат, братец (в обращении); 4) приемный брат или приемная сестра'; туркм. ГАР-ДАШ '1) разг. брат; 2) брат, братец (при обращении)'; турф. ҚАР-Н-Ы 'живот его'; узб. ҚАР-(И)Н-ДОШ 'родственник, родич, родня; родной'; ҚАР-ДОШ '1) брат, приятель, дружище; братский; 2) родственник; родственный'; уйг. ҚЕР-(И)Н '1) живот, пузо, утроба, брюхо, чрево'; ҚЕР-(И)Н-ДАШ '1) родственник, родич, родня; 2) (в обращении) брат, приятель, дружище'; хак. ХАР-(Ы)Н '1) живот, желудок; брюшина; 2) бурдюк'; ХАР-(Ы)Н-ДАС '1) брат; 2) родственник; 3) братский'; хам. ҚАР-(Ы)Н 'чрево, брюхо'; хот. ҚАР-(Ы)Н-ДАШ 'родственник'; шорск.: см. казан.; ферг. ҚАР-(Ы)Н 'живот, желудок, брюхо'; ҚАР-(Ы)Н-ДАШ, ҚЕР-(И)Н-ДАШ, ҚАР-(И)Н-ДАШ 'родственник; родной'; ЛСТ ҚАР-(И)Н 'желудок, чрево'; КАР-(А)Н-ДАШ, КАР-(И)Н-ДАШ 'брат'.

О показателе собирательности-коллективности -()л в тюркских языках см. работу академика А. Н. Кононова [10, с. 18].

Ср. бур. ГАРАЛ '1) возникновение, происхождение; 2) предки; 3) родственники'; монг. ГАРАЛ, ГАРУЛ, 'возникновение, происхождение'; ст.-письм. монг. ГАРУЛ: см. монг.; ороц. ХАЛА '1) род; 2) родовое имя, фамилия; 3) народ; 4) порода, разновидность, вид'; нан. ХАЛА 'уст. род, племя; фамилия'; эвенк. ХАЛАН '1) два дерева, растущие из

одного корня; 2) ответвление (дерева); 3) подпорка с развилкой; 4) этн. род'.

Авторы «Большого словаря древнеяпонского языка» [4, с. 228] и «Словаря старояпонского языка» [12, с. 325] прямо указывают на генетическую связь вышеприведенных японско-монгольско-тунгусо-маньчжурских языковых форм. По мнению М. Ока, сюда относится также древнее название Кореи — *Kara*, поскольку в те времена название государства означало также род, то слово *Kara* можно считать родственным японскому *kara* (см. С. Яманака [14, с. 159]).

По нашему мнению, сюда же следует отнести и тюркские языковые формы, хотя в подавляющем большинстве тюркских языков такая связь обнаруживается не непосредственно, иными словами, не в исходной языковой форме, а в производной. С учетом данных внешней реконструкции, то есть с выходом за пределы тюркских языков и привлечением данных японского, монгольских и тунгусо-маньчжурского языков, можно «нащупать» исходную, генетически связанную с указанными языками, тюркскую словоформу в виде **kar*, обнаруживающуюся, в частности, в форме *qardaş* в азербайджанском, тракайском диалекте караимского языка, кумандинском, татарском, туба-кижи, туркменском, узбекском языках.

Подтверждением этого могут служить данные киргизского языка, в котором в форме *qaŋin* обнаруживается непосредственная генетическая связь между японской и тюркской словоформами.

Интересна точка зрения М. Рясенена, который считал исходными для вышеприведенных тюркских словоформ уйг. *ka* 'родственник' и сойон. *xa* 'старший брат' со ссылкой на кор. *ka* 'дом, семья' [13, с. 214]. Сюда же можно отнести *gadaş* 'кровный родственник' (на что указал академик А. Н. Кононов автору данной статьи).

Эта точка зрения М. Рясенена и А. Н. Кононова с учетом, в частности, данных древнеяпонского языка, где второй компонент *-ga* гипотетически может рассматриваться как факультативный показатель множественного числа, или как показатель собирательности-коллективности, имеет определенное основание.

Фонемные ряды: 4—1—4—1; протофонемы: *РАРА.

ДЯ РАРА 'мать'; чув. ПАПА 'дет. дитя, ребенок'; азерб. БАБА 'дед, дедушка'; диал. БАБА '1) отец; 2) мать; 3) дед'; бараб. БАБА 'дед, старик, старец'; башк. БАБА-ЛАР 'предки'; вост.-тюрк. БАБА 'дед'; гаг. БАБА '1) отец; 2) старуха; 3) бабушка'; 4) уст. повивальная бабка, бабка-повитуха; 5) желудок жвачных животных'; казан. БАБА '1) батюшка; 2) дед'; казах. БАБА '1) дед; 2) прадед; 3) предок'; караим. К БАБА 'отец'; карак. БАБА '1) старик; дед, дедушка; 2) дедушка (форма обращения к старому мужчине)'; кач. ПАБА 'старик'; кирг. БАБА '1) дед, предок; 2) почтительное обращение к старому и уважаемому мужчине; 3) миф. (в некоторых сочетаниях) патрон, покровитель'; крым.-тат. БАБА '1) почтенный старик; 2) батюшка'; кумык. АТА-БАБА 'предки'; кюэр. ПАБА '1) старик; 2) отец'; ног. БАБА '1) дед, дедушка; прадед; 2) уст. лицо, производящее обряд обрезания'; осм. БАБА '1) отец; 2) предок; 3) почтенный старик; 4) батюшка; 5) титул некоторых начальников'; сал. РАВА '1) дедушка; 2) старший брат отца'; сарт. БАБА 'дед'; тат. БАБА 'дед, дедушка'; турецк. ВАВА '1) отец; папа; родители; 2) перен. благодетель, отец родной'; 3) шейх (глава некоторых дервишских орденов); титул шейхов; 4) столб, тумба; стр. вертикальный брус кровельных стропил; мор. кнехт; 5) земляной столб (оставляемый при земляных работах для подсчета кубатуры вынутого грунта)'; туркм. БАБА '1) деде, дедушка (со стороны матери);

2) старик; старец; 3) дедушка (почтительное обращение к старикам); 4) Баба (имя собственное мужское); узб. БОБО '1) дед, дедушка; 2) редк. прадед; 3) прибавляется к именам стариков при почтительном обращении к ним или упоминании о них; 4) рел. прибавляется к именам святых; 5) ист. полицейский чин, ведавший одним из главных кварталов Бухары; 6) фольк. староста, старейшина (обездоленных)'; турф. БАВА 'прадедушка'; уйг. БАБА 'дед, дедушка'; хак. ПАБА 'отец'; хам. БАВА 'старый человек; старший родственник; дед'; чаг.: см. казан.

Ср. маньч. ФЭФЭ, нан. БАБО, ороч. БАБИЈУ, ульч. БАБУ, эвенск. БАБА 'женский половой орган'.

Э. В. Севортян, касаясь происхождения тюркских словоформ, пишет следующее: «Термин *ба:ба* связан, вероятно, с семейно-родовым патриархальным укладом, что подтверждается распространенностью в нем значения „дед“, известного в трех-четыре классификационных группах тюркских языков и, следовательно, определенной „равноправностью“ его со значением „отец“, чего нельзя сказать об этих значениях в термине *ата*. По приведенным выше данным правомерно допустить, что более ранним значением *ба:ба* было „отец (а также дед) матери“, а у *ата*—„отец (а также дед) отца“... Однако конкретность приведенных значений *ба:ба* и *ата* в современных языках уже утрачена и их семантика обобщена, так что, например, парное сочетание *ата-баба* в ряде языков — киргизском, диалектах уйгурского языка (...), азербайджанском и др. теперь означает „предки“» [6, т. II, с. 12].

Люис (Lewis) и Шот (Short) считают *rāra* словом, которым дитя требует пищи, мать (в тексте, по-видимому, ошибочно напечатано отец.—Э. А.). В своих различных фонетических вариантах *рара*, *ро-ро*, *баба*, *наро*, *фафа*, это слово, помимо значения «мать», выражает также «отец», «брат», «сестра», «дед», «предок», например, в индонезийском языке *бара*, *баба* означает 'отец', 'мать', меланезийском *ро-ро* 'отец', 'мать', микронезийских *рара* 'отец', 'мать', полинезийских *рара* 'отец', 'мать' и т. д. (см. С. Яманака [14, с. 482]).

Слово, по всей вероятности, «лепетного» (присущего детской речи) происхождения и обнаруживается в целом ряде языков земного шара: иранских, семитских, индийских, африканских, китайском, кавказских (см. работы В. И. Абаева [11, т. 1, с. 229] и Э. В. Севортяна [6, т. II, с. 13]) со значениями «мать», «отец», «дед», «предок».

В древнеяпонском языке указанная форма *рара* закрепились за значением 'мать', а для значения 'отец' распространение получила форма *titi*. В тюркских же языках форма *рара* и ее фонетические варианты закрепились в основном за «мужскими» значениями — «отец», «дед», «прадед», а для значения «мать» распространение получила форма *ара*, которую, так же как и древнеяпонскую форму *titi*, можно рассматривать как «лепетного» происхождения.

Относительно контаминации значений «мать» — «отец» см. также при *АМА.

В тунгусо-маньчжурских языках произошел семантический сдвиг «мать»→«женский половой орган».

Фонемные ряды: 8—3—6(22); протофонемы: *TUR(1).

ДЯ TURE '1) связь, родство; отношение, знакомство; 2) отношение, касательство, связь; соотношение'; алт. TÖP-(Ö)Л '1) род, родство; 2) родина, отчизна, отечество'; др.-тюрк. TÖRI- 'создавать, творить'; TÖRÜ- '1) происходить, возникать, рождаться, появляться; 2) рожать'; TÖR-KÜN 'род, племя, дом кровных родственников'; казах.

ТӨР-КИН 'родня (замужней женщины)'; карак. ТӨР-КИН '1) родня невесты; 2) место, где живет родня невесты; 3) перен. происхождение (жены)'; кирг. ТӨР-КҮН 'родители и родня жены'; куманд. ТӨР-(Ө)Л 'род, родство, родня, природа'; ног. ТЬОР-КИН 'отчий дом (женщины)'; пол. ТОР-(У)Н, ТУР-(У)Н 'внук'; сал. ТӨР (Е)Л, ТҮР-(Е)Л- 'оживать'; туба ТӨРӨ-ГӨН 'родня'; тув. ТӨР-(Е)Л '1) родственник, родственница; родственный; 2) род; 'родовой'; туркм. ДӨРЕ-МЕК '1) возникать, образовываться, появляться, происходить; 2) рождаться'; хак. ТӨР-ГИН 'уст. приезд невесты за получением своей доли наследства'; ТӨР-диал. ТӨРЕ- 'рождаться'; якут. ТӨРӨ-Т '1) рождать, родить, производить, возрождать; 2) рожать, разрешаться от бремени; телиться'.

Тюрк. -()l, -()n — показатели собирательности-коллективности (см. работу А. Н. Кононова [10, с. 18, 20]). В вышеприведенных примерах из тюркских языков наблюдается довольно редкий случай самостоятельного употребления показателя собирательности-коллективности -()l.

Ср. бур. ТҮРЕЛ '1) родство; родня, родственники; 2) род, сорт, вид; 3) родственный, родной'; калм. ТӨРЛ '1) родство; родня, родственники; 2) род; 3) рождение, жизнь; 4) родственный, родной'; монг. ТӨРӨЛ '1) родство, родня; 2) род; отрасль, область; 3) рождение, жизнь; 4) родственный, родной'; монгор. ТУРО- 'родиться, рождаться'; ст.-письм. монг.: см. монг.; МА ТӨРЕБЕ 'родилась'.

Сол., эвенк. ТУРУЛ 'родственник'.

Авторы «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [5, т. II, с. 221] считают вышеприведенные словоформы в солонском и эвенкийском языках заимствованиями из монгольских языков, что вполне вероятно. Что же касается точки зрения В. Г. Егорова, который полагает вышеприведенные словоформы в тюркских языках также заимствованиями из монгольских языков [7, с. 261], то данными древне-японского языка она не подтверждается, а свидетельствует скорее всего лишь о тесной генетической связи указанных словоформ в данных языках, то есть японского, тюркских и монгольских.

Фонемные ряды: 3—5; протофонемы: *УМ.

ДЯ ОМО '1) мать; 2) кормилица'; УМ-У '1) рождать, рожать, производить на свет; родиться; 2) порождать, приносить (проценты)'; алт. УМА-ЛА- 'множить, увеличивать'; УМ-Т(И)-ЛА- 'кормить из соски, из рожка'; др.-тюрк. УМА 'мать'; УМАЈ 'послед, детское место, чрево матери'; турецк. УМ 'мать'; хак. УМАЙ 'миф. богиня, покровительница новорожденных и маленьких детей'; шорск. УМАІ 'добрый дух, хранитель младенцев; дух, который уносит душу умерших'.

Авторы «Древнетюркского словаря» [8, с. 611] высказывают предположение о возможном тибетском происхождении ита. Об обозначении слова «мать» в различных языках мира см. при *АМА.

В заключение приведем точку зрения С. Яманака на проблему происхождения слов, связанных с терминами родства. Как пишет С. Яманака, в результате длительных размышлений он пришел к выводу, что эти слова возникли, развились и изменялись на основе лепета, которым ребенок зовет мать. Это объяснение базируется на следующих восьми пунктах: 1) лепет, которым ребенок требует материнское молоко, основывается на губных (*p, b, m*) и язычных (*t, d, n*) звуках, которые легки для произношения; 2) этот лепет состоит из сочетаний *bebe, bobo, popo, para, pipi, fefe, hehe, hoto, chinchī, chinke, chinbo, tama, popo, soso* со значениями, начиная от «грудное молоко», далее «мать», «грудь», «половые органы»; 3) трудно согласиться с гипотезой, полагающей, что *abu, amai, amma, amo, amta, azi, umai, ura, oppai, aoyai*,

барро, bobo, томо, папа, папап, означающими «грудное молоко», «вкусное», «сладкое», «продукты питания», являются диалектными вариантами значения «грудное молоко»; 4) aba, ada, ama, аya, para, haha, ine, кака, папа, попо, tata, umba, umma и т. д., имевшие первоначальное значение «материнское молоко», «мать», стали в дальнейшем употребляться для выражения значений «кормилица», «тетка», «бабушка», «сестра (старшая)», «няня»; 5) aba, abo, abu, аcha, ama, amo, аро, atta, аya, baba, chichi, dada, babo, тама, попо, para, поро, tata, uma в период матриархата означали «мать» и употреблялись в значении «хозяйка», однако при переходе к патриархату они стали употребляться для выражения значения «отец»; 6) abo, abu, аcha, ama, amma, аya, bābā, dodo, тама, паппап, попо, tātā, употреблявшиеся в значении «отец», стали со временем изменять свое значение и начали обозначать «дедушка», «дядя», «брат, (старший)» и т. д.; 7) aba, аппа, еме, haha, кака, каку, ме, папа, tata и т. д., выступавшие в значении «мать», изменились и стали выражать значение «жена»; 8) aba, ара, fu, te, tede, tete, tetera и другие изменили первоначальное значение «отец» на «муж». Если рассматривать возникающее многообразие значений слов, связанных с родством, на протяжении этих восьми этапов, то можно согласиться с тем, что язычные *t, d, n* и губные *p, b, m*, как наиболее легко произносимые звуки, использовались ребенком при требовании материнского молока и последовательно изменялись следующим образом:

p—ра, пара, fafa, haha, паро, аро, поро, репе и т. д.,

b—ба, baba, aba, abi, abo, abu, oba, obo, uba, lebe, bobo, bubu и т. д.,

m—та, тама, ама, amai, umai, umma, umba, ура, urai, oppai, mame, еме, мом, муми, омо и т. д.,

t — та, tata, ата, ate, ade, titi, tete, toto, tsotso, soso, susu, ososl, atya, аcha, hacha, chacha, čača, caca, kaka, kakka и т. д.,

d — да, dada, dado, dade, dadi, deda, dede, dodo, didi, dii и т. д.,

n — па, папа, пanna, nene, nenne, попо, поппо, поппа, поппе и т. д. [14, с. 27—28].

Не разделяя полностью точку зрения С. Яманака на столь детализированный, но недостаточно обоснованный им характер фонетических и семантических изменений, мы вместе с тем полностью согласны с ним относительно «лепетного» происхождения слов, относящихся к указанному им терминам родства, равно как и с его мнением об общем характере фонетико-семантических изменений, проиллюстрированных в данной работе результатами сравнения указанных терминов в японском и тюркских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Э. Г. Азербайев. О фонемном составе древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников. — «Советская тюркология», 1983, № 1.
2. Э. Г. Азербайев. Сравнение лексики японского и тюркских языков, связанной с названиями частей тела человека. — «Советская тюркология», 1985, № 1.
3. Э. Г. Азербайев. О связи местоимений в японском и тюркских языках. — «Советская тюркология», 1985, № 4.
4. «Jidaibetsu kokugo daijiten. Jōdaihen», Токио, 1971 (Большой словарь древнеяпонского языка).
5. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю», т. I—II, Л., 1975—1977.
6. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I—III, М., 1974—1980.

7. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
 8. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
 9. Б. А. Серебрянников. Методы лингвогеографических исследований. — В кн. «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований», М., 1973.
 10. А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. Л., 1969.
 11. В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958.
 12. S. Ono, A. Satake, K. Maeda. Kogo jiten. Tokyo, 1974 (Словарь старояпонского языка).
 13. M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
 14. S. Yamanaka. Kokugo gogen jiten. Tokyo, 1976 (Этимологический словарь японского языка).
-

РЕЦЕНЗИИ

А. Т. КАЙДАРОВ. СТРУКТУРА ОДНОСЛОЖНЫХ КОРНЕЙ И ОСНОВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1986, 326 стр.

В последние годы в тюркском языкознании интерес к лексикологическим и лексикографическим исследованиям как в Советском Союзе, так и за рубежом значительно возрос. В этих исследованиях важное место отводится проблеме фоморфологической и лексико-семантической структуры односложных корней и основ.

В вышедшей недавно в свет рецензируемой монографии А. Т. Кайдарова принята попытка выявить фоно-морфо-семантическую структуру моносиллабов на обширном материале конкретного тюркского языка. В пяти главах книги автор подвергает тщательному научному анализу около трех тысяч односложных корней и основ казахского языка. На наш взгляд, название книги носит несколько условный характер, ибо в ней казахские односложные слова рассматриваются с привлечением соответствующих данных и из других тюркских языков. Почти во всех главах книги интерпретации автора, связанные с фонологической характеристикой односложных самостоятельных корней и основ (ОКО), их лексико-грамматическим составом, выявлением причин структурных изменений, а также их структурный анализ и этимологическая реконструкция приобретают общетюркскую значимость. Автор полностью прав, когда отмечает, что односложный лексический элемент, квалифицируемый в плане синхронии как неразложимый корень, при более тщательном анализе в плане диахронии может распадаться на отдельные составные части и, наоборот, оказаться результатом слияния, опрошения, стяжения, фузии и прочих структурных изменений и модификаций (с. 4—5).

Отдавая должное высказываниям своих предшественников в данной области о фоно-морфо-семантической структуре тюркского корня-основы, автор выступает сторонником концепции, согласно которой корневая лексика тюркских языков является преимущественно односложной. Хотя изучению тюркского корня посвящена бо-

гатая литература, однако, по мнению автора, «проблему тюркского корня все еще нельзя считать окончательно решенной; его природа, таящая в себе немало неясного, непонятного... требует дальнейших поисков ученых на основе анализа как общетюркского материала, так и фактов конкретных тюркских языков» (с. 11); «понятие „корень“ применительно к строю тюркских языков до сих пор не получило своего научного определения» (с. 19). Монография, по скромному признанию ее автора, не претендует на полноту охвата и решения общетеоретических вопросов тюркского корня (с. 11).

Тюркологами до сих пор не изучены такие аспекты тюркского корня, как односложность//неодносложность, разложимость//неразложимость, самостоятельность//несамостоятельность, прозрачность//непрозрачность, устойчивость//изменчивость и т. д., анализу которых А. Т. Кайдаров посвящает свою работу и приходит к соответствующим научным выводам.

Переходя к рассмотрению фонологической структуры односложных корней и основ в казахском языке, автор констатирует, что в нем насчитывается примерно семьдесят тысяч слов, из которых на долю односложных корней и основ приходится около трех тысяч единиц. А. М. Щербак зафиксировал 532 единицы общетюркских односложных корней и основ, по подсчетам же Н. А. Баскакова, на основе «Древнетюркского словаря» их насчитывается 670 единиц. А. Т. Кайдаров определяет шесть типов односложных корней и основ в современном казахском языке: Г, СГ, ГС, СГС, ГСС, СГСС и в соответствующих таблицах приводит все потенциально возможные звуко-сочетания путем комбинирования 9 гласных и 21 согласной фонем. Односложные корни и основы типов СГ, ГС, например, образуют по 189 клеток-звуко-сочетаний. Из них казахский язык реализует в первом типе только 14 единиц, во втором же — 88. По подсчетам автора, односложные корни и основы типа СГС дают более че-

тырех тысяч звукокомплексов. Из них казахский язык реализует только 1035 единиц. Рассматривая односложные корни и основы типа ГСС, автор устанавливает в казахском языке всего 19 лексических единиц, приводя которые он заключает: «Как видно из приведенного списка, в анлауте ГСС выступают все гласные» (с. 64); однако, к сожалению, в этом списке нет ни одного примера на *o*, *ы*, *i* в анлауте. Односложные корни и основы типа СГСС, по подсчетам автора, образуют 13860 теоретически возможных клеток-звуко сочетаний. Однако семантическую нагрузку несут лишь 190—195 единиц, из которых большинство составляют звукоподражательные основы. Автор приходит к заключению, что в казахском языке лишь 40 единиц типа СГСС относятся к самостоятельным словам, включая и иноязычные элементы. Тем не менее среди перечисленных слов на СГСС почему-то отсутствуют русские заимствования: *борт*, *сорт*, *курс*, *диск* и т. д.

Автор не соглашается с мнением о стабильности, устойчивости и прозрачности односложных корней и основ в тюркских языках и отмечает, что, «оставаясь в целом гомогенными для всех или для многих современных тюркских языков, огромное количество односложных корней и основ функционирует в этих языках в виде различных фономорфологических вариантов или рефлексов в пределах допустимых структурных колебаний и смысловых значений» (с. 69). Исходя из этого положения, автор третьей главы монографии посвящает определению факторов структурных изменений и образованию вариантов односложных корней и основ. Автор констатирует, что в результате воздействия фонологических и морфологических факторов в структуре базисной лексики тюркских языков образовался общий фонд односложных корней и основ, которые представляют собой межъязыковые и внутриязыковые вариации одних и тех же гомогенных лексических единиц. На основе примеров, приведенных из различных письменных памятников и современных тюркских языков, автор демонстрирует такие варианты общетюркских односложных корней и основ, которые частично бытуют самостоятельно, а частично — в структуре производных основ, воспринимаясь носителями языка как разные лексические единицы. Встречаются случаи, когда варианты односложных корней и основ обнаруживаются на определенном синхронном срезе в одном и том же языке. Это происходит в тех случаях, когда утрачивается этимологическая связь между вариантами, или же в результате изменения их внешнего облика происходит семантическая дифференциация. Для подтверждения этого автор приводит корень **yg-* и устанавливает многочисленные его варианты как результат закономерных этимологических соответствий слогаобразующих гласных *y ≈ u ≈*

o ≈ e ≈ ø и согласных *k ≈ g ≈ y ≈ v ≈ r ≈ й*. На основе анализа и ряда других корневых морфем с привлечением соответствующих данных некоторых тюркских языков автор заключает, что «первичный или изначальный тюркский корень по своей природе представляет собой вполне вариабельную единицу языка, у которой эта особенность по мере ее структурного усложнения будет приобретать более широкое развитие» (с. 73). В связи с этим автор ставит задачу проследить влияние на вариабельность односложных корней и основ в казахском языке таких фонологических факторов, как звуковые соответствия и чередования, выпадение и редукция, стяжение и опрощение, протеза и вставка, метатеза, ротацизм и ламбдаизм, перелом гласного, явления фузии и флексии.

При этом из 532 теоретически возможных звуковых соответствий гласных и согласных автор устанавливает около 90 случаев, образующих межъязыковые варианты односложных корней и основ.

Рассматривая чередование звуков как фактор образования вариантов односложных корней и основ, автор приходит к вполне закономерному теоретическому выводу о том, что «все сингармонические варианты ОКО в тюркских языках, образованные на основе чередований звуков в структуре производных основ, относятся только к внутриязыковым вариантам, ибо межъязыковые варианты ОКО на почве чередований не образуются» (с. 85). Однако это вполне справедливое положение таит в себе опасность того, что разные производные слова, восходящие не к одному и тому же корню, могут быть иной раз квалифицированы как варианты одного и того же слова, образовавшиеся в результате чередования. Поэтому мы не можем согласиться с автором, когда он казахские слова *сөз* и *сап* считает вариантами одного и того же слова, образовавшимися в результате чередования (с. 84 и 121). С нашей точки зрения, слово *сап*, восходящее к древнетюркскому *sab*, с одной стороны, а слово *сөз*, восходящее к общетюркскому *söz* — с другой, суть самостоятельные слова. То же можно сказать и о словах *йег* и *жаксы* 'хороший' (с. 89). По мнению М. Рясина, *jakşu* восходит к <*jak-yš* 'соответствовать' <*jak* 'соединять', 'подходить' и, по-видимому, этимологически ничего общего с *jäg* 'хороший' не имеет.

В монографии приводятся межъязыковые и внутриязыковые варианты, образовавшиеся в результате выпадения неустойчивых согласных (*биз* // *бигиз* 'шило'), случаи выпадения или наращивания начальных или конечных гласных (тув. *чан* // уйг. *йени* 'новый'), примеры сохранения в одних языках корневой морфемы, в других —

¹ Martti Räsänen. Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 180.

агглютинативного ее обрастания плеонастическими формами².

Рассматривая протезу как фактор образования вариантов односложных корней и основ, автор относит к числу регулярных протез согласные *j*, *v*, *h*, *x*, *w*, (*ж*) *з*, *š*, *j* и приводит в качестве примера слово *өл* (следовало бы: *өл:а*) с протетическими вариантами *һөл* и *хөл* (с. 97). Данное слово имеет весьма любопытный диалектный вариант в азербайджанском языке: *һөйүш* 'мокрый'. Вопросы метатезы, омонимизации и деомонимизации, а также роль первичных и вторичных долгот рассматриваются в работе в целях определения структурной характеристики вариантов односложных корней и основ.

В четвертой главе монографии, посвященной методам структурного анализа и этимологической реконструкции, автор предлагает девять дополняющих друг друга принципов поморфемного членения структуры производных основ для определения предполагаемого первичного корня. Не соглашаясь с казахским языковедом С. А. Аманжоловым, считающим корень *уят-* неразложимым, А. Т. Кайдаров полагает, что в данном слове «по духу тюркских языков этимологическим корнем является функционально-синкретическая морфема **уй*» (с. 114). Следует заметить, что в различных письменных памятниках тюркских языков в основе слов, выражающих понятия «стыд», «стыдиться», наряду с *уй*, встречаются также *уд*, *ут*, *ув*. Таким образом, основываясь на морфеме *уд||ут*, можно предположить, что архетипом или первичным корнем рассматриваемых автором слов является не **уй*, а *уд*, исходя же из морфемы *ув*, можно выдвинуть предположение, что корень этого слова — **и*.

При вычленении корневой морфемы в структуре глагола-императива автор, хотя и отмечает, что конечная цель его работы — это выявление и реконструкция односложных корней-основ методом поморфемного членения, однако далее неожиданно заявляет, что объектом исследования должны служить двусложные производные основы глагола, семантической особенностью которого является императивность (с. 116). Возникают два вопроса: а) по какой причине в этом разделе не рассматриваются императивы типа *sip-* 'ломаться', *tes-* 'дырывать', *žaq-* 'жечь', *žap-* 'гореть' и т. п., которые можно легко разложить на корень и соответствующие аффиксы; б) почему автор приводит под звездочками корни (лучше было бы: основы) типа *qiz-*, *tür-*, *bäk-*, *tas-*, объявляя их мертвыми и законсервировавшимися, в то время как они сохранились во многих других тюрк-

ских языках. Тем более, что в дальнейшем изложении автор, опираясь на данные других тюркских языков и древних письменных памятников, приводит этимологическую реконструкцию некоторых из рассматриваемых глаголов и приходит к выводу, что «мертвые односложные корни, как и самостоятельные, могут представлять собой в диахронном плане некое сложное явление, отражающее в себе исторический процесс агглютинативного развития до того, как они подверглись консервации производной структурой глагола-императива» (с. 124). Непонятно также, что имеет в виду автор, когда, рассматривая группу производных глаголов, утверждает: «Приведенные модели... в одинаковой степени выражают императивное значение, хотя разными формами наклонения» (с. 119). Нам же кажется, что во всех приведенных глаголах императив выражается лишь одной формой наклонения — повелительной.

В разделе «Системный анализ структуры ОКО в тюркских языках на основе сводной таблицы» автор, отдавая дань сравнительно-историческому методу изучения односложных корней и основ в тюркских языках, на базе которого создан этимологический словарь тюркских языков Э. В. Севортяна, подчеркивает, что сравнительно-исторический метод применительно к изучению односложных корней и основ еще не исчерпал всех своих возможностей, ибо привлекаемый к анализу материал подчас носит фрагментарный характер (с. 137). В связи с этим отметим следующее: как ни один словарь не в состоянии отразить весь словарный состав, все словарное богатство того или иного языка, точно так же ни одно монографическое исследование не может претендовать на полный охват всех односложных корневых морфем в их первозданной форме, ибо в рамках сравнительно-исторического метода, опирающегося на достижения теоретической лингвистики вообще и тюркологической лингвистики — в частности, и учитывающего непреложные закономерности фономорфологической и лексико-семантической структуры живых и мертвых тюркских языков, все еще не завершены сбор и исследование полного корпуса односложных корней-основ всех тюркских языков. Тем не менее именно этим, по-видимому, объясняется попытка автора составить сводные таблицы односложных корней и основ в казахском языке. Автор в семи графах сводной таблицы располагает соответствующие факты тюркских языков, раскрывающие развернутую картину исторического развития той или иной односложной основы или корня. На каждую корневую морфему составлено по таблице. Автор сообщает, что им составлено 500 таблиц. При полном охвате всех тюркских языков, по признанию автора, количество их должно достигнуть 1500. Будем надеяться, что автор завершит эту свою грандиозную по трудоемко-

² Об этом см.: A. Röna-Tas. On the Chuvash Guttural Stops in the final Position. *Studia Turcica*. Ed. L. Ligeti. Akademiai Kiadó. Budapest, 1971, стр. 389—400.

сти работу и порадует тюркологическую общественность еще одним фундаментальным исследованием.

Последняя, пятая, глава посвящена исследованию лексико-грамматических и семантических разрядов односложных корней и основ в казахском языке. Как известно, о глагольно-именном синкретизме корней на более ранней стадии развития тюркских языков давно и много говорится в тюркологии. Автор утверждает, что эта особенность, возможно, была присуща тюркскому языковому строю еще доагглютинативного развития, если такой период действительно имел место в его истории (с. 147).

Автор приводит уйгурские слова **yŭ* > *yŭka* 'сон', **ux* > *uxla* 'спать', **ox* > *oxan* 'просыпаться', **oy* > *oyŭan* 'просыпаться', 'пробуждение', где *yŭ* ≈ *ux* ≈ *ox* ≈ *oy* он квалифицирует как варианты одной и той же этимологической корневой морфемы, но, к сожалению, не дает мотивировки семантического перехода «спать» в «просыпаться» (с. 136). Говоря о шести структурных типах односложных корней и основ, автор заключает, что «наиболее древнему этапу, т. е. развитию пратюркских форм, вероятно, свойственны типы Г и СГ; что же касается корней ГС, СГС, ГСС и СГСС, то они отражают общетюркское состояние, т. е. последующие, весьма длительные периоды агглютинативного развития тюркских языков» (с. 148—149). Соглашаясь с последней частью утверждения автора относительно типов ГСС и СГСС, при этом отметим, что нельзя исключать наличия типов ГС и СГС в пратюркском. Следовательно, к наиболее древнему этапу развития пратюркских форм корней должны быть отнесены не только Г и СГ, но и ГС и СГС. С другой стороны, автор вполне прав, когда говорит: «В общем структурном развитии односложных основ типа ГСС, СГС, СГСС, не поддающихся морфологическому членению с точки зрения сегодняшнего дня, третий или четвертый замыкающий элемент представляет собой тот краеугольный камень, от правильного понимания и научной интерпретации которого зависит принципиальное решение проблемы тюркского корня» (с. 150).

Понятно, что чем короче слова, тем больше будет омонимичных корней и основ. Поэтому семантическая и фонетическая близость не всегда должна быть поводом для утверждения, что те или иные корни представляют собой варианты какого-то якобы общего корня. Опираясь на данные известной статьи А. К. Зайончковского³ (čol- 'стать калеккой'), автор приво-

дит следующие примеры: *ča- > čaŭ- 'бить', *ča- > čaŭ- 'выбивать огонь', *čo- > čoŭ- 'убивать', čo- > čol- 'стать калеккой'. Далее автор, исходя из суммы значений производных от *čo- основ, высказывает предположение, что этот корень «когда-то означал нечто связанное с понятием „бить“, „ударять“, „резать“, „колоть“, „забивать“, „дуть“ и т. д. Если это так, то корень *čo- дал в тюркских языках множество производных образований в их закономерных вариантах» (с. 151). К этим же вариантам автор относит и *soŭ* > *soŭŭs* 'драка' и *toŭ* > *toŭŭŭŭ* 'колотушка' (с. 151—152). На наш взгляд, *čo- > čol- 'стать калеккой', этимологически связанное с *sol* 'левая сторона', ничего общего не имеет с основой *toŭ* (ср.: *toŭŭŭŭ* 'дубинка') и *soŭ* 'вонзать'. Автор цитирует А. Н. Кононова, по мнению которого конечные согласные *q, k, l, r, n, t, š ≈ č, s ≈ z* в трехфонемных (CVC) и двухфонемных (VC) корнях-основах являются залоговыми показателями. Исходя из этого, автор заключает, что глаголы *tid-*, *tij-*, *tut-*, *tur-*, *tun-* восходят к корню **tu-* 'закрывать, преграждать' (с. 152). Если согласиться с мнением, что перечисленные выше согласные в составе CVC и VC следует квалифицировать как залоговые показатели, то придется отказаться от закона, гласящего, что конечные согласные *r, t, z* или их сочетания придают глаголу каузативное значение, и поэтому глаголы с этими согласными входят в состав переходных глаголов; конечные же согласные *l, n, š*, либо их сочетания придают глаголу пассивное значение, поэтому глаголы с этими согласными входят в состав непереходных глаголов. Среди общетюркских глаголов можно назвать ряд глаголов с конечным *r, t, z*, являющихся непереходными: *jaŭ* 'спать', *tut-* 'стоять', *ir-* 'достичь', *az-* 'заблудиться', *ar-* 'обессилеть'; а также глаголы с конечными *l, n, š*, относящиеся к переходным: *täl-/teš-* 'продырявить', *baŭ* 'совать', *taŭ* 'отрицать'. Поэтому, на наш взгляд, было бы справедливо считать, что конечные согласные *q, k, l, r, n, t, š ≈ č, s ≈ z* в составе односложных корней и основ типа CVC и VC являются вторичными и носят характер словообразующих аффиксов.

Нам кажется недостаточно убедительным предположение автора о восхождении *tid-*, *tij-*, *tut-*, *tun-*, *tur-* к корню **tu-*. Соглашаясь с мнением о синкретичности односложных корней и основ, мы не разделяем точки зрения автора о том, что якобы не все слова типа ГСС и СГСС являются производными, обязательно распадающимися на составные (корневые и аффиксальные) элементы (с. 158). В самой монографии правильно отмечается, что при вычленении конечного элемента в структуре СГСС, ГСС, естественно, остается корневая часть (с. 148).

³ А. К. Зайончковский. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. Глагольные основы монотематические (односложные) типа С+Г (согласный+гласный). — «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

Интерпретация автора структуры одно- и многосложных элементов в казахском языке (с. 159—162) не вызывает возражений, однако досадно, что исконные *тел* 'приплод' и *бут* 'ляжки' (с. 162) квалифицируются им как иноязычные элементы, а персидское *дем* 'дыхание' — как исконное.

Свои суждения о семантической природе односложных корней и основ в казахском языке автор суммирует в девяти пунктах, значение которых выходит далеко за рамки казахского языка и имеет общетюркологическое значение. То же самое можно сказать и о выводах в заключительной части книги, состоящих из семи пунктов.

Монография завершается словарем одно- и многосложных корней и основ в казахском языке, включающим более 2700 единиц. Объем словаря составляет 130 страниц. И он вполне заслуживает того, чтобы о нем была написана самостоятельная рецензия. По словам автора, словарь может послужить базой для последующих этимологи-

ческих изысканий, структура и содержание которых предложены в конце рецензируемой работы. Представленный на суд читателей словарь односложных корней и основ в казахском языке представляет собой своеобразный корпус этимологического словаря корневых моносиллабов казахского языка, к составлению которого автор рецензируемой монографии, по-видимому, приступит в ближайшем будущем. Пожелаем ему в этом многотрудном, кропотливом и благородном деле полного успеха.

В заключение хочется подчеркнуть, что рецензируемая монография А. Т. Кайдарова представляет собой ценный вклад в тюркологическую науку и, несомненно, станет настольной книгой многих тюркологов наряду с этимологическими словарями Э. В. Севортяна, М. Рясина и Дж. Клоусона.

В. И. Асланов

Э. А. БЕГМАТОВ. ҲОЗИРГИ ЎЗБЕК АДАБИЙ ТИЛИНИНГ ЛЕКСИКАТЛАМЛАРИ

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1985, 200 стр.

Вопросы, относящиеся к словарному составу узбекского языка, его внутренней системной организации, были объектом изучения для многих узбекских лингвистов. В рецензируемой книге «Лексические пласты современного узбекского литературного языка» автор обобщает изучение одной из важных проблем узбекской лексикологии — становление и формирование словарного состава узбекского языка, его внутренних пластов, прослеживает внутренние и внешние факторы их обогащения и развития.

В монографии можно условно выделить четыре главы: 1) Методы изучения словарного состава языка и проблема лексических пластов, 2) Источники формирования заимствованного пласта лексики узбекского литературного языка, 3) Тематические группы слов в заимствованном пласте лексики узбекского литературного языка, 4) Развитие заимствованного пласта лексики узбекского литературного языка в советский период.

Начальный раздел первой главы книги посвящен анализу понятия «словарный состав языка» в современной русистике и тюркологии. Э. Бегматов закономерно поднимает нерешенный еще в тюркологии вопрос о временной и пространственной ло-

кализации отдельных единиц словарного состава языка (с. 9). Современная тюркская лексикология не дает однозначного ответа на вопрос, можно ли считать исконно узбекским, например, все лексическое богатство языка Алишера Навои или же таковым является только та часть лексики, которая функционирует в современном узбекском языке, а остальная — старобухарская? Для решения данного вопроса автор обращается к понятию инвариантной, то есть словоупотребительной нормы и предлагает при определении понятия «словарный состав узбекского языка» опираться именно на эту норму (с. 9, 10). Вся лексика, ранее функционировавшая в арсенале узбекского языка и сохранившаяся сегодня как в его диалектах и говорах, так и в литературном языке, является, по мнению автора, достоянием узбекской общезыковой нормы. Такое разграничение общезыковой (анахронической, функционально неограниченной) и инвариантной (хронологически и функционально конкретной) норм, видимо, не лишено оснований. В книге выделяются восемь крупных компонентов словарного состава узбекского языка [широкоупотребляемые слова; профессиональная лексика; диалектизмы; устаревшие

слова; научная терминология; жаргонные слова; фразеологизмы; собственные имена (антропонимы, этнонимы, зоонимы; теонимы, топонимы, астропонимы)] (с. 11—19).

Автор, следуя провозглашенному им принципу хронологически-функционального разграничения лексики, единицы каждого из этих компонентов подразделяет на древнейшие, старые, новые и новейшие (с. 32).

Методы исследования лексики рассматриваются во втором разделе второй главы. Автор особо подчеркивает многоаспектность лексики, обуславливающую применение различных методик при ее исследовании. Э. Бегматов выделяет одиннадцать типов лексики, каждый из которых требует особого метода исследования (с. 24—26). В книге дается краткое описание принципов семантической, функциональной, структурной, стилистической, хронологической классификаций слов узбекского языка, особо выделяется способ объединения слов в лексико-семантические группы (с. 33—34). Причем этот способ не составляет самостоятельной методики, а является лишь предварительной акцией для системно-семасиологического изучения лексики. На наш взгляд, ограничение лексико-семантических групп рамками только имен существительных, как это делает автор (с. 34), неправомерно: лексико-семантические группы могут быть выделены из среды всех знаменательных слов (ср. оценочные и пространственные прилагательные, наречия места, глаголы речи и т. д.). В данном разделе, а также в третьей главе не раскрывается различие между лексико-семантическими и тематическими группами слов.

Лексический пласт (узб. *қатлам*) анализируется в третьем разделе. Э. Бегматов подробно останавливается на использовании термина «пласт», «слой» в лингвистической литературе, сопоставляет реалии, обозначаемые ими, показывает их разнородность и формулирует следующее определение: «пласт — это исторически-последовательное напластование в словарном составе языка многочисленных лексических элементов, генетически восходящих к разным языковым источникам» (с. 45). Немногочисленные и исторически не вполне оправданные заимствования автор предлагает называть «лексическими элементами» (с. 45). Критикуя употребление термина *қатлам* во многих значениях, автор сам при этом допускает полисемантность его толкования, используя его в двух значениях: в широком понимании — свой и усвоенный пласты (*ўз қатлам*, *ўзлашма қатлам*) и в узком понимании — подслои каждого из этих пластов. Э. Бегматов, по нашему мнению, справедливо выступает против использования термина *қатлам* применительно к стилистико-функциональному расслоению лексики (с. 45—46).

Анализ второй главы работы хотелось бы начать с небольшого критического за-

мечания. Ее название «Источники формирования заимствованного (букв. своего) пласта лексики» не отражает полностью содержания главы, ибо она включает и такие разделы, как «Состав лексических пластов узбекского языка», «Незаимствованный пласт (исконно тюркские слова; общетюркские слова; узбекские слова)», «Заимствованный (усвоенный) пласт». Поэтому главу следовало бы, как нам кажется, назвать: «Источники формирования пластов лексики в узбекском языке».

В данной главе Э. Бегматов подробно рассматривает особенности каждого из пластов в лексике узбекского языка. Незаимствованная лексика узбекского языка подразделяется им на исконно тюркские, общетюркские и узбекские слова. Отделение общетюркских слов от исконно тюркских, как признает и сам автор (с. 53), является чисто условным, а, на наш взгляд, даже лишним, ибо общетюркское и исконно тюркское в конечном счете полностью совпадают. В главе автором обобщается и подытоживается его многолетний труд по выделению исконно тюркских (общетюркских) и собственно узбекских образований в лексике узбекского языка, проводится сравнительно-историческое сопоставление лексических единиц современного узбекского языка и его диалектов. Автор констатирует, что более 2500 единиц, зафиксированных в «Древнетюркском словаре», сохранилось в узбекском языке, а около 2000 в нем не встречается (с. 73—75). Автор проделал большую работу по выявлению семантических сходств и различий между словами узбекского языка и соответствующими словами древнетюркского, старотюркского и староузбекского языков. Он предпринял также попытку определить тематические группы слов, не перешедших из староузбекского в современный узбекский язык (с. 76—78). Э. Бегматов охарактеризовал фонетическую структуру слога и слова, привел статистические данные по количественно-звуковому составу одно-, двух- и трехсложных общетюркских слов. Подробно исследуются в монографии пути проникновения иранских и арабских слов в узбекский язык (с. 103—110), их количественный состав в современной узбекской лексике. Таким образом, данная глава дает довольно полное представление о современном состоянии и источниках формирования языковых единиц собственного и заимствованного пластов в лексике узбекского языка, о соотношении лексики современного узбекского и староузбекского языков. Автором попутно рассматриваются еще два вопроса, лишь косвенно связанных с проблематикой исследования. Это — история формирования узбекского народа и его языка (с. 57—64) и проблема тюркского праязыка (с. 84—87, 97). Оба эти вопроса чрезвычайно сложны и во многом спорны, поэтому они должны быть объектом специального исследования. В рецен-

зируемой работе, как и следовало ожидать, автор ограничивается в основном обзором существующих мнений по данным вопросам, не внося в них ничего нового.

В сравнительно небольшой третьей главе Э. Бегматов более детально останавливается на понятии «тематические группы» и выделяет двадцать восемь тематических групп в незаимствованном пласте узбекской лексики. Четвертая глава работы посвящена вопросам словообразования спосовами аффиксации и словосложения — внутренним факторам обогащения словарного состава языка. Здесь рассматривается более шестидесяти словообразовательных моделей, сочетаемость аффиксов с единицами разных пластов лексики, степень продуктивности каждой модели в конкретных случаях. Автор обращает особое внимание на выявление новообразований с помощью старых аффиксов, утративших свою продуктивность еще в староузбекском языке. К таковым, в частности, относится аффикс *-ғыч/-ғич*, широко применяемый в физической терминологии. Автор весьма подробно останавливается на словообразующих аффиксах, заимствованных из иранских, арабского и русского языков, на их сочетаемости с корнями тюркского происхождения. В узбекском языкознании нередко смешиваются исторические сингармонические и самостоятельные варианты аффиксов. Не удалось избежать этого и автору рецензируемой книги. Поэтому аффикс *-ғыч/-ғич/-кич* рассматривается и на стр. 136—137 и на стр. 148, аффикс *-қ/-ық/-иқ* на стр. 137—138 и на стр. 149 и т. д. В словах типа *қиринди* 'опилка', *йигинди* 'сума', *шошилинч* 'поспешно', *тиқилинч* 'тес-

нота' и других не вполне обоснованно, как мы считаем, выделяются словообразующие аффиксы *-ди* и *-чи*, вместо *-иди* и *-ичи*. Следует отметить также, что в книге встречаются повторы, которых можно было бы избежать, сославшись на соответствующие страницы и разделы работы (с. 58—59 и 104—105; с. 94; с. 22—23 и 116—117 и др.).

Э. Бегматов, поставив вопрос об объеме и характере собственно узбекских лексических образований, предлагает его оригинальное решение. Собственно узбекскими автор считает образования, относящиеся к периоду после сложения узбекской нации (с. 98) и образованные на основе действующих в языке словообразовательных моделей. В ряде случаев собственно узбекские слова могут совпадать по составу и значению со словами других тюркских языков, однако это не препятствует отнесению данного слова к собственно узбекским, так как в последнем могут действовать те же словообразовательные законы, что и в других тюркских языках (с. 99—100). Собственно узбекскими являются также словообразования, возникшие на базе усвоенных в узбекском языке заимствованных основ и аффиксов (типа *беайб*), а также полукальки типа *мультитургун*. Бесспорно, собственно узбекским автор считает семантическое словообразование (*раис* 'председатель' и ряд других).

Рецензируемая книга Э. Бегматова является полезным обобщающим трудом по вопросам формирования, статуса и развития отдельных единиц различных пластов лексики узбекского языка.

Х. Г. Нигматов, Э. А. Умаров

З. Р. САДЫКОВА. ГОВОРЫ ОРЕНБУРГСКИХ ТАТАР ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, КАЗАНЬ, 1985, 157 стр.

К настоящему времени исследование татарских диалектов, распространенных как в Татарской АССР, так и за ее пределами, можно сказать, полностью завершилось. Дialectологами Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР в последнее десятилетие проделана большая работа по изучению диалектов татарского языка, составлению диалектологического атласа, публикации диалектных текстов, изданию монографических описаний диалектов (работы Л. Махмутовой, Н. Бургановой, Д. Рамазановой, Т. Хайрутдиновой, Ф. Баязитовой и др.).

Рецензируемая книга продолжает эти исследования и посвящена татарским говорам Оренбургской области. Основу ее составляют материалы, собранные автором во время многочисленных научных экспедиций в районы Оренбургской области. Исследованием охвачено 65 населенных пунктов, из них 56 включено в «Карту-схему» распространения татарских говоров Оренбургской области (см. «Приложение № 2») и во второй том «Диалектологического атласа татарского языка». Говоры Оренбуржья изучались З. Р. Садыковой методом лингвистической географии на основе единой программы-вопросника.

Исследуемый в монографии З. Р. Садыковой регион относительно позднего расселения татар (XVIII век) представляет в языковом отношении большой научный интерес как в связи с формированием там различных говоров среднего и мишарского диалектов, так и изучением условий и последствий взаимовлияния различных говоров татарского языка, а также других родственных языков — ногайского, башкирского и казахского.

Анализ татарских говоров Оренбуржья автор проводит на широком историческом фоне. Во введении, исходя из данных исторической науки, архивных источников, народных легенд, автор восстанавливает довольно убедительную картину формирования различных говоров в данном регионе. Многие материалы из архивов Москвы, Оренбурга, Уфы вводятся в научный обиход автором впервые. Так, ею показано, что относительно рано — то есть в 40-е годы XVIII века — носителями среднего диалекта были заселены Новомосковская дорога и Оренбургская пограничная линия; позже носители среднего и мишарского диалектов обосновались в юго-западных районах, северной и северо-западной частях Оренбуржья; в дальнейшем (в 30—40-е годы XIX в.) были основаны мишарями поселения на севере и в бассейнах рек Зиганник и Нить (с. 15). В книге дана история формирования этнического состава татарского населения области, раскрыта его неоднородность. Кроме «казанских татар» и мишарей, здесь жили и ногайцы. В социальном отношении население было разнородным, состоящим из различных социальных групп, «известных под названиями „тептяри“, „бобыли“, „ясашные татары“, „чемоданные татары“, „служилые татары“, „тарханы“, „башкиры“, „нагайбаки“, „мещане“ и „казаки“. Большую часть жителей Каргалинской, или Сеитовской, слободы составляло купеческое сословие. Татарское население, жившее по крепостям, редутам Оренбургской военной линии и входившее в состав Оренбургского казачьего войска, относилось к военно-служилому сословию. Все эти этнические и социально-исторические факторы играли определенную роль в формировании татарского населения Оренбургской области» (с. 15—16).

Рецензируемая монография состоит из введения, основной части и заключения. В конце книги приведены образцы текстов исследуемых говоров, список населенных пунктов, обследованных автором, и карта-схема распространения татарских говоров Оренбургской области.

Основная часть монографии посвящена исследованию фонетических, грамматических и лексических особенностей говоров и подговоров, распространенных на данной территории. Автор отмечает своеобразное употребление ногайского типа фонемы *a*, усматривая в этом влияние ногайского

языка, так как «жители этих сел, по данным архивных и исторических материалов, являются потомками ногайцев» (с. 20). На основе исследования фонетических явлений З. Р. Садыкова убедительно, на наш взгляд, выделяет шарлыкский говор мишарского диалекта, абдуллинский и каргалинский говоры среднего диалекта, различающиеся как по вокализму, так и по консонантизму (с. 46—48).

Грамматические особенности говоров выявляются на основе изучения конкретных частей речи и отдельных грамматических категорий и явлений. Характерно, что и в грамматическом плане шарлыкский говор весьма отличается от каргалинского и абдуллинского, сохраняя основные черты мишарского диалекта. Автор описывает особенности шарлыкского говора, подразделяя их на: 1) присущие всему говору; 2) отмечающиеся лишь в отдельных регионах шарлыкского говора. К первым относятся употребление указательных местоимений *вата*, *вана*, *ватыкай* и др., а также форм на *-ныкы* и *-неке* в роли определения; присоединение вопросительной частицы *-мы*, *-ме* к слову с логическим ударением; более активное употребление сложноподчиненных предложений и др. (с. 106). Ко второй группе относятся особенности новомусинского, башкирского, икского подговоров, присущие только им. Например, в икском подговоре сохранилась реликтовая форма желательного наклонения на *-гы келә*, *-кы келә*, *-ак келә*, *-асы келә* (с. 107). Четко выделены в работе грамматические особенности каргалинского говора и его двух подговоров — урало-сакмарского и бузулукского: уменьшительно-ласкательный аффикс *-ча*, *-чә*; указательное местоимение *калай*; причастие на *(-а)кай*, *-ә(кәй)*; деепричастие на *-а/-ә/-й* в значении цели; утвердительные частицы *гуй*, *тәка*, *кайта*; собирательные числительные с аффиксами принадлежности; формы на *-сыгыз/-сегез*; имя действия на *-ыш/-еш*; отдельные непроизводные наречия и т. д. (с. 107).

Особенностями абдуллинского говора в грамматическом плане автор считает своеобразие причастия на *-ышлы*, *-малы*, инфинитива на *-маға*, отсутствие многих особенностей, присущих двум другим — шарлыкскому и каргалинскому — говорам исследуемой территории (с. 107).

Лексические особенности говора оренбургских татар в книге рассмотрены с точки зрения их характерности для всех или же лишь для некоторых говоров. К диалектной лексике, общей для всех татарских говоров Оренбуржья, автор относит названия «дворовых строений, материалов для их постройки, хозяйственно-бытовых предметов и др., отражающих общие жизненно-бытовые условия местного населения» (с. 108). К этому разряду отнесены ею и слова *абзар* 'сарай', *карта* 'холодное помещение для скота', *зурат* 'сложенные саманные кирпичи', *чапчур*, *чэкчүр*, *чәпчүр* 'чувяки из

кожи или вязанные тапочки', *күмәч* 'белый хлеб', *ләзгәш* 'сладкий пирог', *олан*, *ылан* 'дитя', *танау* 'нос', *күләткә* 'тень', *йәтеш* 'удобно' и др.

Автор считает, что «значительная часть диалектных слов носит территориально ограниченный характер и является особенностью отдельных говоров» (с. 111) Оренбуржья. К ним отнесены слова *ызба* 'дом'/ишег алды(сы) 'сени'/йырт 'двор'/мөйөш/мишей 'угол', *мөржә* 'печь', *бәллү* 'колыбель', *битйәулык/битйәулык/бит себеркесе/бит себергеч (йөслек)/сөлгә* 'полотенце' и т. д. (с. 111—120).

Автор справедливо, как нам представляется, считает, что и в плане лексики шарлыкский говор сохранил значительный пласт слов, специфичных только для мишарского диалекта. Это такие лексические единицы, как *йабу* 'печь хлеб', *себерү* 'вытирать', *кәләү* 'обряд', *казы* 'спинной конский жир', *кузгылдак* 'щавель' и др. (с. 121—123). Выделена в работе диалектная лексика в каргалинском и абдуллинском говорах, общая для всех говоров среднего диалекта: *айаз*, *аклан* 'поляна', *уба* 'возвышенность', *сашым* 'гостинцы', 'принесенные гостями на свадьбу', *чәүчәләк* 'беспокойный', *кәйгәү* 'ухудшаться' и др. Большой интерес представляют диалектные слова, характерные только для носителей среднего диалекта Оренбургской области. К ним относятся *сылау/сылаулык* 'место отдыха или место дойки коров у реки', *чарша* 'хлопоты', *әүкәй/әкү* 'задушевный друг', *йантык* 'гордый, высокомерный', *чапак* 'смышлелый, способный', *төтсенү* 'ощущать' и т. д. В каргалинском говоре автором зафиксированы слова, общие и для других тюркских языков. Например: *дусай* 'друг', *саркыт* 'остатки угощения', *улжа* 'радость, новость' имеются также в башкирском, каракалпакском, казахском, гогайском и других языках (с. 126—127).

Рассмотрена и лексика, относящаяся к народным промыслам, в частности к вязанию. Автор полагает, что специфические природные условия региона привели к развитию козоводства и возникновению к середине XVIII века народного пуховязального промысла в бассейнах рек Урала и Сакмары (с. 127). Благодаря этому в татарские говоры, особенно в каргалинский, вошло немало новых слов и терминов. В книге эта лексика тематически охватывает следующие группы: названия, обозначающие материал для вязания платков и шалей (*дебет*, *мамык*, *путинка*, *сүренте* и т. д.); слова, обозначающие качество пуха (*күперкәй дебет*, *пирсин/пирсу/пирсуфка*, *тараган дебет*, *кабару/күперу/калку/бөтеркәләү*); названия платков и их видов (*шәл/вәл/шәл*, *вигун/бигун*, *калын шәл*, *қара шәл/йушан шал/пухавый шал/шәл* (пуховый платок) и др.; названия отдельных частей платка (*чит*, *буа*, *кабырға*, *сулык*, *тел/кикерик*, *кәймә/кайма/бизәк/сыр/чәкән*); названия орудий для приго-

товления ниток (*айа/тарақ/чускы*, *шапта-лак*, *тарақ/тарак*); названия заготовок для прядения; названия отходов пуха; названия процессов изготовления изделий; названия узоров пуховых платков и т. д. (с. 127—134).

Тщательно собрав всю профессиональную лексику, автор приходит к выводу, что лексика, относящаяся к «вязанию пуховых платков, состоит в основном из собственно татарских слов», хотя и содержит отдельные заимствования. В книге высказано предположение, что названия пуха *дебет* и *пирсу* восходят к словам «Тибет» и «Персия» — стран, с которыми с давних пор поддерживались торговые связи (с. 134).

З. Р. Садыкова на основе анализа большого количества диалектных слов приходит к выводу, что определенные изоглоссы выделяют шарлыкский говор мишарского диалекта, причем лексика данного говора генетически связана с кузнецихинским, темниковским, лямбирским, дрожжановским говорами мишарского диалекта (с. 135). Изоглоссы отдельных слов приближают абдуллинский говор к мензелинскому, особенно к его белебеевскому подговору (с. 135). Свообразием каргалинского говора является также наличие в нем профессиональной лексики пуховязального промысла (с. 135).

Исследование фонетических, грамматических, лексических особенностей с учетом историко-архивных данных позволило автору заключить, что начавшееся с первой половины XVIII века и продолжавшееся до начала XX века переселение поволжских татар (носителей среднего и мишарского диалектов) привело к тому, что эти диалекты в результате тесных двухсотлетних контактов их носителей приобрели некоторые общие и новые черты. Однако, несмотря на совместное проживание носителей разных диалектов в течение двух веков на одной относительно небольшой территории, единый говор все же не образовался, не нивелировались говоры даже соседних населенных пунктов. Язык татарского населения Оренбуржья довольно устойчиво сохранил основные черты «„материнских“ диалектов и говоров» (с. 16).

На территории Оренбургской области сохранились специфические особенности двух основных диалектов татарского языка. Автором выделены три говора: шарлыкский говор мишарского диалекта с тремя подговорами — новомусинским, баширским, икским; абдуллинский говор среднего диалекта; каргалинский говор среднего диалекта с двумя подговорами — урало-сакмарским и бузулукским. Эти выводы аргументированы языковыми данными и экстралингвистическими факторами и, на наш взгляд, вполне убедительно.

Исследование диалектного материала в непосредственной связи с историей миграции татар, привлечение большого количе-

ства фактического материала позволили автору представить широкую картину формирования говоров оренбургских татар, установить основные факторы, приведшие к возникновению отдельных говоров и подговоров, выявить следы взаимодействия их с другими говорами татарского языка, а также с другими тюркскими языками.

В качестве замечания хотелось бы отметить, что иногда строевые явления в книге смешиваются со случайными. Так, при исследовании фонетических особенностей автор нередко использует в качестве примеров русские заимствования, в которых закономерные чередования и соответствия, характерные для тюркских языков, могут и не наблюдаться (с. 41, 43). Необходимо было, нам кажется, выделить своеобразие аналитических предложений в шарлыкском говоре, в отличие от аналогичных в говорах среднего диалекта; судя по приведенным примерам, в строевом отношении они резко отличаются друг от друга (с. 105). К предложениям, формирующим-

ся только посредством интонации, автор неправомерно, как мы считаем, относит следующее: *Бар шундый халык, балалары белэн урысча гына сүлэшэ*, в котором связь между компонентами осуществляется посредством одинарного относительного слова *шундый* (с. 106). Располагая обширным материалом о контактировании близкородственных языков на одной территории, автор могла бы выделить специальный раздел для данной проблемы, что представило бы несомненный интерес для тюркологов. Можно было бы расширить изучение тематических разрядов диалектной лексики (обрядовой, флоры, фауны и т. д.).

Рецензируемая монография представляет интерес не только для лингвистов, но и для фольклористов, этнографов и историков. Думается, что исследователи и других тюркских диалектов смогут найти в этой книге немало полезного для сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков и их диалектов.

Ф. С. Сафиуллина

НЭСЭН МИРЗӘЈЕВ. АЗӘРБАЈЧАН ДИЛИНДӘ ФЕ'Л

«МААРИФ» НӘШРИЈАТЫ, БАҚЫ, 1986, 320 стр.

Рецензируемая монография Г. Мирзоева «Глагол в азербайджанском языке» посвящена части речи, наиболее ярко выражающей специфику языка¹. Она состоит из двух частей. Первая включает введение, четыре главы и заключение, вторая — три главы, заключение и список условных сокращений.

Во введении говорится об ареале азербайджанского языка, его месте в семье тюркских языков.

В первой главе прослеживаются основные признаки глагола в азербайджанском языке. Автор характеризует глагол как часть речи, отличающуюся от других своими характерными лексико-семантическими, морфологическими, синтаксическими, фонетическими, стилистическими и другими особенностями; обладающую категориями

переходности, залога, отрицания, времени, наклонения, лица и числа; лучше других частей речи сохраняющую древнейшие признаки; выражающую самые разнообразные значения; существенно обогащающую словарный состав языка и отличающуюся большим количеством словообразовательных аффиксов. В азербайджанском языке многие фразеологические сочетания образуются на основе глаголов, которые тесно связаны с предикативностью, одним из основных признаков предложения.

По мнению автора, большинство грамматических категорий глагола характеризуется тем, что один формальный показатель обслуживает две категории, связанные между собой. Иными словами, одна из этих категорий является своего рода опорой для другой. В качестве примера приводятся категории переходности—залога, времени — наклонения, лица — числа, раскрывается взаимосвязь этих категорий.

Автору удалось решить некоторые спорные вопросы теории глагола, в том числе категории переходности — непереходности. Монография, как представляется, будет способствовать более глубокому постижению студентами-филологами связи между

¹ См. также книги автора: *Н. Мирзәјев. Мүасир Азәрбајҹан дилинин морфолоки-јасындан хусуси семинар (Фе'ли сифәт)*. Бақы, 1971; *его же. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә тәсирли вә тәсирсиз фе'лләр*. Бақы, 1979; *его же. Азәрбајҹан дилиндә садә фе'лләр*. Бақы, 1984.

грамматикой и логикой, сходных и различительных черт грамматических и логических категорий.

Автор трактует переходность и непереходность как влияние действия на объект, и фактический материал, приводимый им в работе, подтверждает это положение. Как закономерные явления оцениваются изменение отношения глагольного действия к объекту, выражаемому при помощи целого ряда аффиксов, а также выражение некоторыми служебными морфемами категорий переходности и залога.

Исходя из требований, предъявляемых к учебным пособиям, автор приводит краткие сведения по истории изучения переходности — непереходности, выделяя и анализируя существующие в тюркологии три точки зрения на переходные и непереходные глаголы.

Вторая глава книги посвящена переходности и непереходности простых глаголов. Здесь рассматриваются типы простых глаголов, их фонетический состав, степень спаянности корня и аффиксов, влияние на переходность лексико-семантических и лексико-грамматических изменений глагола, а также простые переходные и непереходные глаголы и их связь с объектом, степень воздействия глагола на объект.

Автор, указывая на отсутствие у тюркологов единого мнения по вопросу формирования древнейших простых глаголов, соглашается с теми, кто считает, что в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, наиболее древними являются односложные глаголы. Для всестороннего анализа переходности и непереходности глаголов, по мнению автора, необходимо исследовать изменения, происходящие в их фонетическом составе.

Новыми в азербайджанском языкознании и тюркологии в целом являются приводимые Г. Мирзоевым схемы, отражающие лексико-семантическое и лексико-грамматическое развитие некоторых глаголов. Автор доказывает, что значительная часть простых глаголов азербайджанского языка развилась из одного семантического гнезда, и в процессе их формирования и приобретения новых значений наряду с заменой гласных произошла и взаимозамена согласных ($f \sim x \sim v \sim j$, $b \sim p \sim v$, $s \sim t$, $c \sim \check{c}$, $d \sim \check{d}$).

Г. Мирзоев рассматривает, можно сказать, все простые глаголы азербайджанского языка; им проведен статистический анализ глаголов по признакам гласного или согласного анлаута, а также переходности — непереходности.

В работе на конкретных фактах показана ошибочность утверждения, что среди производных глаголов только глаголы, образованные при помощи аффикса *-ла, -лэ*, являются переходными, а прочие — непереходными. Существуют также глаголообразующие аффиксы, до настоящего времени не зафиксированные в азербай-

джанском языкознании. Новыми являются приводимые в книге сведения об этих аффиксах. Автор опровергает попытки отождествления происхождения таких разных по своим особенностям аффиксов, как *-имсэ, -үмсэ, -лаш, -лэш; -лат, -лэт; -лан, -лэн*.

Подвергая анализу фонетический состав простых глаголов, Г. Мирзоев указывает, что в азербайджанском языке большинство односложных глаголов имеет в анлауте в основном шесть согласных: *с, г, д, ж, ч, б*. Все глагольные корни, оканчивающиеся на согласные *в, д, ч*, и большинство корней, оканчивающихся на *ч, р, ж, з, с, п*, являются переходными, а оканчивающиеся на *ш, х, н* — непереходными. Глагольные же корни, оканчивающиеся на *ф, к, л, м, т*, бывают как переходными, так и непереходными. Следующие четыре азербайджанских глагола: *уз-буз* 'стянуть, сморщить', *дүз* 'нанизывать', 'выстраивать в ряд', *суз* 'цедить', *уз* 'срывать, рвать' являются переходными.

Г. Мирзоев отмечает, что в большинстве (а может быть, и во всех) простых глаголов, оканчивающихся на две согласные, одна из них была добавлена к корню позднее на определенном этапе развития языка и в той или иной степени повлияла на их переходность или непереходность. Раскрывается также важная роль фонетических, лексико-семантических и лексико-грамматических изменений в формировании переходных и непереходных глаголов.

Автор утверждает, что традиционное разделение глаголов на переходные и непереходные по признаку воздействия на объект не полностью характеризует особенности этой категории. Он отмечает, что существуют также и промежуточные типы, когда один и тот же глагол употребляется и как переходный, и как непереходный.

В третьей главе, посвященной исследованию переходности и непереходности в производных и сложных глаголах, рассматриваются следующие вопросы: выражение переходности и непереходности в глаголах, образованных аффиксами, обслуживающими: а) как переходные, так и непереходные глаголы; б) только переходные глаголы; в) только непереходные глаголы; выражение переходности и непереходности в глаголах, образованных присоединением полусамостоятельных глаголов к другим частям речи; выражение переходности и непереходности в сложных глаголах, образованных: а) сочетанием деепричастия с личным (спрягаемым) глаголом; б) сочетанием с другими частями речи глаголов, утрачивающих в составе этих словосочетаний свою лексико-семантическую самостоятельность.

Г. Мирзоев на основе сравнительно-исторического метода прослеживает пути образования целого ряда глаголов и глаголообразующих аффиксов.

Четвертая глава содержит описание гла-

голов, которые, не изменяясь фонетически, передают как переходные, так и переходные значения; здесь же раскрываются семантико-грамматические возможности этих глаголов.

Автор приводит сведения о семантических изменениях, которым подвергались глаголы в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, в процессе исторического развития, о приобретении ими новых значений и семантических оттенков, о превращении некоторых переходных глаголов в переходные и обратно в результате влияния семантических изменений на отношение действия к объекту и т. д.

Г. Мирзоев разделяет точку зрения, согласно которой переходность — переходность в глаголе является исторической категорией, способной изменяться в процессе своего развития. Автор подробно рассматривает переходные процессы в исследуемых глаголах, явления полисемии, омонимии, синонимии, антонимии.

Вторая часть книги посвящена причастиям в азербайджанском языке. В современном азербайджанском языке, отмечает Г. Мирзоев, причастия образуются с помощью аффиксов: *-(j)-ан, -эн; -мыш, -миш, -муш, -мүш; -дыг, -дик, -дуг, -дүк; -(j)-ачаг, -эчэк; -(j)-асы, -эси; -малы, -мәли; -ар, -эр, -р; -маз, -мәз*. Наибольшей продуктивностью и широкими возможностями в образовании причастий обладают аффиксы *-ан, -мыш, -дыг, -ачаг*. Аффиксы *-малы, -ар, -маз* в настоящее время образуют как причастия, так и производные прилагательные, другими словами, часть причастий с аффиксом *-малы* и большинство причастий с аффиксами *-ар, -маз* в современном азербайджанском языке находятся в переходном состоянии. Ряд аффиксов причастий образует омонимию с формальными показателями времен (*-мыш, -ачаг, -ар*), наклонения (*-асы, -мәли*), имя-

образующими аффиксами (*-мыш, -ачаг, -ар, -маз, -ан*). Указывается также, что в современном азербайджанском языке причастия на *-дыг* всегда, а причастия на *-ачаг* иногда присоединяют аффиксы принадлежности. В некоторых тюркских языках аффикс *-дыг* образует причастия без присоединения показателей принадлежности. Автор заключает, что за исключением определенных фонетических изменений практически во всех тюркских языках употребляются одни и те же морфологические показатели причастий, различающиеся только степенью продуктивности.

Во второй главе этой части монографии исследуются сходные и различительные черты причастий и глаголов, особенности выражения в них категории времени, залога, отрицания, переходности — переходности, употребление их с наречиями и т. д.

В третьей главе рассматриваются сходные и различительные причастия и прилагательные, а также проблема субстантивации причастий. Как указывает автор, вполне естественным является отражение в причастиях признаков прилагательного, поскольку причастия выражают качества и признаки предмета и отвечают с ним на один и тот же вопрос (ср.: *сөкүк ев* 'разрушающийся дом' — *сөкүлән ев* 'разрушаемый дом', *јоргун адам* 'усталый человек' — *јорулмуш адам* 'уставший человек', *тәмиз бағ* 'чистый сад' — *тәмизләдији бағ* 'очищенный (кем-то) сад' и т. д.). Автор при этом предлагается девятнадцать критериев различия причастий и прилагательных.

Рецензируемая монография Г. Мирзоева, написанная на должном научном уровне, несомненно, обогащает азербайджанскую языковедческую литературу о глаголе.

А. М. Джавадов, Ю. Г. Юсифов

Н. Г. ГУЛЯМОВА. РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1985, 112 стр.

В эпоху развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране процесс сближения социалистических наций и взаимообогащения их культур протекает особенно интенсивно. Это наглядно проявляется и в области взаимодействия языков народов СССР. Особое место в этом процессе принадлежит русскому языку как языку межнационального общения.

Длительное взаимодействие языков находит отражение прежде всего в их лексике, как наиболее подвижной и проницаемой части языка. В рецензируемой работе Н. Г. Гулямовой рассматривается процесс заимствования русской лексики и его роль в обогащении и развитии узбекского словаря.

Книга включает предисловие, введение,

исследовательскую часть, состоящую из двух разделов, и заключение. Первый раздел посвящен общей характеристике русских лексических заимствований в узбекском языке; во втором разделе рассматриваются вопросы, связанные с лексическим калькированием русских слов средствами узбекской лексики и морфологии. В книге дается критический обзор литературы по проблеме языкового заимствования вообще и проблеме русских заимствований в узбекском языке в частности.

Процесс заимствования русских слов узбекским языком прослеживается автором, начиная с дореволюционного периода по настоящее время, особое внимание при этом уделяется рассмотрению динамики освоения слов, заимствованных в советское время. В условиях двуязычия происходит интенсивный рост общих элементов в обоих языках. Основным способом обогащения лексики автор считает заимствование и калькирование (с. 20), подчеркивая при этом объективную обусловленность заимствования развитием и активизацией межнациональных контактов в советском обществе и потребностями национального культурного строительства в республике (с. 25).

После Великой Октябрьской социалистической революции заимствование из русского языка усилилось. В этот период формировалась узбекская научная терминология, в которой ныне около восьмидесяти процентов научно-технических, общественных, политических и других терминов являются русскими заимствованиями.

Русские лексические заимствования (типа *комбайн, гастрон* и др.) активно пополняют узбекскую лексику интернациональными словами. Заимствования происходят не только в связи с вхождением в обиход новых реалий или понятий (*телеграф, роля, квас* и др.), но и в тех случаях, когда то или иное русское слово более точно обозначающее данный предмет или явление, нежели исконно узбекское, получает более широкое распространение среди населения, например: «подвал» — *ер тула*, «ключ» — *калит* (с. 37).

Особую и весьма значительную проблему составляет употребление заимствованных слов. Автор специально останавливается на трудностях, связанных с процессом заимствования. В газетах, журналах, в радиопередачах и т. д. наблюдаются отдельные неточности в словоупотреблении (с. 46—50). Так, например, встречается и параллельное употребление слов *инкйлоб* и *революция*, *мухандис* и *инженер*, *кашш* и *пионер*.

Время показало, что интернациональные слова, благодаря своей общепонятности, получили широкое распространение в узбекском языке. В связи с этим возникает вопрос: насколько оправдано употребле-

ние параллельно с ними устаревших узбекских слов. Автор отмечает, что стремление использовать устаревшие слова в качестве нормы литературного языка и полных синонимов оказало влияние и на язык прессы (с. 53—54), однако эта тенденция не получает поддержки со стороны самих носителей языка. В последние годы наблюдается интенсивное использование общепонятных заимствований типа «мастер», «слесарь», «архитектор», «доклад» и т. д. (с. 54—56), вытеснивших исконные устаревшие узбекские слова.

Развитие языка в условиях двуязычия приводит к естественному процессу сокращения числа переводов при заимствовании понятий и слов. Примеры, которые приводит автор на стр. 58—59, свидетельствуют о том, что такие слова, как *посылка, доклад, куртка, кабинет* и т. д., общепонятны, тогда как переводы подобного рода слов (композитор — *бастакор*, визит — *сафар*) — не столь понятны современному поколению узбеков и употребляются значительно реже.

Заимствованные слова, как известно, в «берущем» языке ассимилируются. Эта ассимиляция имеет фонетический, морфологический и семантический аспекты и требует тщательного изучения, необходимого для совершенствования орфоэпических и орфографических норм узбекского языка.

Рассмотрев большой фактический материал, автор приходит к выводу, что в послеоктябрьский и последующие периоды (особенно с 1973 года) в узбекском языке наблюдается интенсивное заимствование интернациональных слов. В условиях двуязычия русские лексические заимствования употребляются в узбекском языке в той же форме, которая принята в русском языке (с. 74—77). Заимствованные имена существительные по аналогии с узбекскими существительными выступают и как прилагательные (*замша қўлқоп*). Оформление заимствованного слова аффиксами *-ий, -вий* в определенной конструкции («существительное + существительное» (*атом бомба* — *атомий бомба* и т. п.), по мнению автора, неоправдано (с. 82—85).

Н. Г. Гулямова характеризует и некоторые «издержки» заимствования. Так, например, при определении норм литературного языка в конце 60-х—середине 70-х годов проявлялся некоторый субъективизм, выражавшийся в стремлении возвести в норму устаревшие слова-параллели. Развитие и функционирование языка показало, что замена привычного и усвоенного русского слова («слесарь» — *чилиңсар*, «вилка» — *санқи*) словом родного языка или арабо-персидского происхождения, а также параллельное их употребление («Марс» — *Миррих*, «химия» — *кимё*, «бросюра» — *рисола*) неоправданно и поэтому (с. 58—60, 73—76) на практике встречается

ся чрезвычайно редко. Это подтверждается многими примерами, приведенными автором в монографии.

В рецензируемой работе рассматривается также вопрос калькирования русских слов. Автор выделяет следующие типы калькирования: 1) полная калька, образование которой происходит по пяти моделям, и полукалька, образуемая по шести моделям (с. 92—94); 2) калькирование производных слов, которое имеет также два вида — полную кальку и полукальку (с. 95—97); 3) семантическая калька, появление которой связано с семантической интерференцией при контактировании русского и узбекского языков. По заключению Н. Г. Гулямовой, калькирование в узбекском языке в условиях двуязычия «не является ведущим способом пополнения словаря» (с. 103).

Работа Н. Г. Гулямовой интересна не только с познавательной точки зрения,

она ценна также своей методической направленностью и убедительной аргументацией. В качестве примера можно сослаться на наблюдения автора относительно употребления образований с аффиксом *-aro/-ora* (с. 27—28). Следует, однако, заметить, что отнесение автором форм типа *aro*, *karo* и т. п. к иранизированным формам (с. 28) вряд ли оправданно, так как известно, что современное узбекское языкознание объясняет возникновение так называемого «окания» не столько ираноязычным влиянием, сколько следствием внутренних процессов развития самого узбекского языка» (работы В. В. Решетова и др.).

Книга Н. Г. Гулямовой, безусловно, будет с интересом встречена научно-педагогической общественностью не только в Узбекистане, но и в других тюркоязычных республиках и областях нашей страны.

А. Н. Малехова

ҚҰЛМАТ ӨМИРӘЛИЕВ. VIII—XII ҒАСЫРЛАРДАҒЫ КӨНЕ ТҮРКІ ӘДЕБИ ЕСКЕРТКІШТЕРІ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕКТЕП», АЛМА-АТА, 1958, 128 стр.

Исследованию памятников древнетюркской письменности в последние годы казахские ученые уделяют значительное внимание. Этой проблеме посвящена и рецензируемая книга К. Омиралиева «Древнетюркские литературные памятники VIII—XII веков».

Увидевшая свет уже после кончины автора, монография была задумана им как учебное пособие для вузов, однако значение ее выходит за рамки методической работы, ибо в книге содержится ценный, во многом свежий научный материал по истории древнетюркской литературы. Автор, анализируя различные по стилю и письменности памятники, создававшиеся на протяжении пяти с лишним столетий, рассматривает их тем не менее как единое социокультурное явление, прослеживая их связь с конкретной исторической эпохой, выявляя их общие черты и отличия. Книгу открывает объемная по охвату материала и оригинальная по выводам глава «Время. Народ. Культура», в которой автор дает краткий исторический очерк Великого тюркского каганата. Характерно, что К. Омиралиев не рассматривает интересующий его период изолированно, в отрыве от общей истории кочевых народов, обитавших в Закаспийских степях с незапамятных времен. Он подчеркивает, что

древнетюркская государственность возникла на фундаменте гуннской империи, впоследствии, в процессе своего развития, сказавшаяся и на формировании казахских ханств. Этот вывод подкреплен соответствующим историческим материалом. В частности, сравнительными данными административно-государственного устройства гуннов, древних тюрков и казахов (общность гуннской и древнетюркской титулатуры, буквальное совпадение «древнетюркского права» — *«el tereci»* — и казахского юридического документа, вошедшего в историю как «Семь уложений Аз-Тауке-хана», и т. д.).

Центральное место в книге К. Омиралиева по праву заняли перевод и комментарии рунических памятников. К сожалению, автор ограничился лишь двумя из них: надписями в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука. Недостатком работы К. Омиралиева (как, впрочем, и других тюркологов-рунистов), на наш взгляд, является неукоснительное и некритичное следование переводам С. Е. Малова, хотя уже давно назрела необходимость в принципиально новых приемах интерпретации древнетюркских текстов, ибо имеющиеся переводы не лишены смысловых несоответствий и художественно мало-выразительны.

Несомненную научную ценность пред-

ставляют, по нашему мнению, наблюдения К. Омиралиева над языком и стилем памятников. Определяя их в первую очередь как «исторические сочинения» с ярко выраженной «идеологической направленностью», автор подчеркивает, что «...умение вместить все многообразие жизни с ее конкретными историческими фактами, тонкими психологическими зарисовками в единое художественное полотно—это качество истинно великой литературы, с устоявшимися, канонизированными формами и традициями».

Впервые в советской тюркологии автор определил стилистическое единство всех рунических памятников как «духовных заветов» (*«кел өсиеті»*). На основе всестороннего анализа лексики, стиля, композиционно-художественных средств К. Омиралиев приходит к выводу о генетической преемственности культур древних тюрков и казахского народа: «Как казахский язык близок языку рунических памятников, созданных более 1500 лет назад, так и язык этих памятников должен быть схож с языком пратюрков, чья история охватывает столь же, если не более, длительный период в культурной истории человечества».

Автор подробно останавливается на вопросе жанровой принадлежности рунических памятников. Дискуссия о том — поэзия это или проза — ведется с давних пор. Аргументы сторонников отнесения памятников к поэтическому жанру сводились в основном к концепции о заимствовании тюрками традиций классической восточной по-

эзии (преимущественно арабо-персидской) на сравнительно позднем этапе своего развития.

К. Омиралиев в книге пишет: «Определять памятники VIII века н. э. как поэзию — значит не принимать во внимание реально существовавшую древнетюркскую поэзию периода до возникновения Великого тюркского каганата; применять современный (классический) инструментарий при определении такого специфического явления, как древнетюркская поэзия, — значит обрубить корни истинно научного исследования жанровой природы древнетюркской литературы».

Признавая наличие в рунических памятниках несомненных поэтических элементов, автор объясняет это существованием предшествующей многовековой поэтической традиции. В доказательство он приводит многочисленные образцы народной поэзии, зафиксированные в «Дивани луғат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, но являющиеся лишь проекциями более древних устно-поэтических форм. Таковы пейзажная, любовная лирика, свадебно-обрядовые песни, плачи-жогтау, фрагменты из богатырского эпоса и т. д., то есть все формы, дошедшие в почти неизменном виде в казахском фольклоре до наших дней.

В этой способности раскрыть преемственность эпох, из мозаичных фрагментов воссоздать целостную картину — главное достоинство книги К. Омиралиева.

Е. Жубанов

Ә. З. АБДУЛЛАЕВ. ДИЛ, СИЈАСӘТ, СОСИЈАЛ ТӘРӘГГИ

«АЗЭРНӘШР» НӘШРИЈАТЫ, БАҚЫ, 1985, 194 стр.

Рецензируемая монография Аликрама Абдуллаева «Язык, политика, социальный прогресс» посвящена теоретическому обобщению деятельности Коммунистической партии Азербайджана в области руководства языковым строительством в республике. В ней на основе большого фактического и научного материала освещаются такие актуальные вопросы социолингвистики, как взаимоотношения языка и социального прогресса, основные принципы советской языковой политики и ее роль в развитии социалистических наций.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении обосновывается актуальность разрабатываемой проблемы, раскрываются основные задачи монографии.

Первая глава («Роль социально-лингвистических факторов в общественном развитии») включает три раздела. В первом из них «Единство лингвистического и социального прогресса» рассматриваются общетеоретические вопросы социолингвистики, в том числе их лингвистический аспект. Автор раскрывает общественную сущность лингвистических высказываний таких выдающихся языковедов, как Ф. де Соссюр, А. А. Потебня, Ш. Балли. Во втором разделе дается определение понятию и системе

«языковая политика», которая рассматривается, основываясь на положениях марксизма-ленинизма и исходящих из них научных выводов, как сложный феномен, включающий три элемента, а именно: политические отношения (борьба между классами и нациями, власть и государственное управление), организация и деятельность политических учреждений, идеи и политические концепции, которыми руководствуются классы, общественные силы, партии (с. 25). В третьем разделе на фоне краткой истории языкового строительства в СССР с привлечением обширного научного материала раскрываются основные принципы языковой политики КПСС, заключающейся прежде всего в интернационализме, научно-теоретической обоснованности, демократизме.

Вторая глава «Языковая политика КПСС — важный фактор социального прогресса» состоит из четырех разделов: 1) «Важное средство образования и развития социалистических наций и народностей», 2) «Советская языковая политика и советский народ», 3) «Роль языковой политики в развитии личности», 4) «Языковая жизнь в Азербайджанской ССР — воплощение принципов ленинской языковой политики». Эта глава дает представление о процессе образования тюркоязычных социалистических наций, прежде всего азербайджанской, и роли в этом их национальных языков. Некоторые примеры, приведенные автором, на наш взгляд, представляют особый интерес. Так, указав на триязычность башкир, автор пишет: «Что же касается того, что башкиры говорят на трех языках, то следует заметить, что это не дает основания утверждать, будто у них отсутствует общий язык. Напротив, если все население или же его большинство может общаться на трех языках, то это указывает на полное обеспечение одного из условий, необходимых для образования и развития нации» (с. 81—82). Говоря о советском народе в связи с советской языковой политикой, автор поддерживает теоретическое положение о том, что как без языкового единства немислима нация, так

и без межнационального средства общения не может быть образована и успешно развиваться новая историческая общность людей (с. 112). На должном научном уровне, по нашему мнению, освещена и роль языковой политики в развитии личности. Автор отмечает, что советская литература уделяет большое внимание художественному отображению личности, ее активной жизненной позиции, являющейся главным критерием общественной ценности человека. По мнению автора, роль языкового фактора в формировании личности до сих пор не была предметом специального научного интереса. На наш взгляд, монография А. Абдуллаева в определенной степени восполняет этот пробел в социологической литературе. Глава раскрывает сущность принципов ленинской языковой политики на примере Азербайджанской ССР.

Третья глава книги «Советская языковая политика и буржуазная идеология» состоит из двух разделов. В первом из них разоблачается научная несостоятельность концепций зарубежных советологов о советской языковой политике. Во втором разделе этой главы раскрываются истинное лицо буржуазных лжеученых, антисоциалистическая и антигуманная сущность их клеветнических утверждений и выдвигаемых ими ложных положений.

В завершающем книгу разделе, озаглавленном «Вместо заключения», А. З. Абдуллаев справедливо, на наш взгляд, пишет: «Результаты, которые принес советский опыт решения проблем языковой жизни, могут быть использованы для регулирования процессов языковой жизни абсолютного большинства народов мира, а также при решении глобальных социолингвистических проблем» (с. 194).

Рецензируемая монография азербайджанского ученого с полным правом может быть отнесена к числу удачных работ в области советской философской лингвистики.

А. Ахундов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

10—12 сентября 1985 года в Ашхабаде проходила IV Всесоюзная тюркологическая конференция (ВТК), организованная отделениями литературы и языка и истории Академии наук СССР, Советским комитетом тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и Академией наук Туркменской ССР. Советские тюркологи единодушно посвятили свой очередной форум XXVII съезду КПСС.

В конференции приняли участие свыше 250 научных работников и преподавателей вузов из Москвы, Ленинграда, всех тюркоязычных союзных республик и автономных республик и областей, а также других братских республик. Впервые в практике всесоюзных тюркологических конференций трибуна была предоставлена монголистам из Элисты, Улан-Удэ, Иркутска и других городов. На конференции с докладами выступили и зарубежные гости из ВНР, ГДР и Австрии. Приветственную телеграмму прислали тюркологи Турции.

На открытии конференции с приветствием к ее участникам выступили председатель Оргкомитета президент Академии наук Туркменской ССР А. Г. Бабаев, заместитель председателя Совета Министров Туркменской ССР Р. А. Базарова и заместитель председателя Советского комитета тюркологов Э. Р. Тенишев. Затем на пленарном заседании были заслушаны обзорные доклады о развитии тюркологической науки в СССР со времени III ВТК (Ташкент, сентябрь 1980 г.): А. Н. Кононова (Ленинград), Э. Р. Тенишева (Москва) и Б. Ч. Чарьярова (Ашхабад) «Итоги и проблемы тюркского языкознания», Х. Г. Короглы (Москва) «Основные проблемы и задачи литературы и фольклора тюркоязычных народов СССР», С. Г. Аааджанова (Москва) и С. Г. Кляшторного (Ленинград) «Основные итоги изучения исторического прошло-

го тюркоязычных народов СССР (1980—1985 гг.)».

Дальнейшая работа проходила по секциям и подсекциям. Всего на конференции было прочитано около 140 докладов. Тезисы секционных докладов вошли в сборник «Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. Ашхабад, 10—12 сентября 1985 г.» (Ашхабад, 1985, 358 стр.).

В секции тюркского и монгольского языкознания на двух пленарных и шести заседаниях трех подсекций было заслушано 60 докладов и около 50 выступлений в прениях.

На вечернем пленарном заседании секции 10 сентября состоялось шесть докладов. Актуальной теоретической и практической проблеме разграничения исторических грамматик и историй литературных тюркских языков был посвящен доклад Э. Р. Тенишева, вызвавший оживленную, порой острую дискуссию о путях формирования современных национальных языков, об отношении к языковому наследию прошлых эпох и характере преемственных связей между языками древних и средневековых памятников и современными литературными и общенародными языками. В прениях, продолжавшихся и на заключительном пленарном заседании 12 сентября, приняли участие А. М. Шербак (Ленинград), М. З. Закиев (Казань), Э. И. Фазылов (Ташкент), И. А. Андреев (Чебоксары), Р. Г. Пиотровский (Ленинград) (на материале романских языков), С. К. Кенесбаев (Алма-Ата), М. А. Хабицев (Карачаевск), И. В. Кормушин (Москва).

Был зачитан доклад отсутствовавшего на конференции одного из старейших советской тюркологии М. Ш. Ширалиева (Баку) о достижениях азербайджанского языкознания в советский период. С сообщением о первом выпуске «Лингвистического атласа Европы» выступила Н. З. Донадзе (Москва) (опубликовано: «Советская тюркология», 1986, № 5). Т. Тачмурадов и А. Гельдымурадов (Ашхабад) в коллектив-

Задержка публикации данной информации объясняется ее поздним поступлением в редакцию. (Примечание редакции).

ном докладе остановились на причинах плеонастической вариативности некоторых грамматических форм с точки зрения соотношения узуса и нормы. Неодинаковость путей формирования литературных тюркских языков *К. М. Мусаев* (Москва) связывал с различной ролью таких форм существования языков, как территориальные диалекты и говоры, а также промежуточные наддиалектные типы речи. Неправомерны, указал докладчик, попытки возведения истории всех современных национальных литературных языков — и младописьменных, и старописьменных — к периоду донациональному. Необходимо, подчеркнул он, учитывать, что формирование национального литературного языка не всегда связано с возникновением письменности; необходимо признать существование в дописьменный период устной формы литературного языка. В докладе *К. Б. Бектаева* (Чимкент) и *Р. Г. Пиотровского* (Ленинград) (опубликован: «Советская тюркология», 1986, № 5) обратил на себя внимание феномен несоответствия между возможностью агглютинативного тюркского слова порождать во много раз больше словоформ, нежели их порождает слово во флективных языках, и реальностью, по данным эксперимента, когда в среднем число порождаемых словоформ в казахском и узбекском публицистических текстах от одной лексемы равно трем, а число присоединяемых аффиксов — практически не более четырех.

В подсекции «История языка, ареалогия» на двух заседаниях 11 сентября было заслушано 18 докладов.

Проблеме составления исторической грамматики отдельного национального языка — киргизского — в условиях отсутствия фиксации его особенностей ранее второй половины XIX века посвятила свой доклад *Б. О. Орузбаева* (Фрунзе). *А. Т. Кайдаров* (Алма-Ата) полагает, что сравнение образных основ, которые, по мнению докладчика, входят в базисную лексику, позволяет вычленить корень, состоящий из гласного элемента; дальнейшие звуки — согласные (первый, второй) — являются модификаторами первого и второго ярусов, придающими первичной основе значения прерывности, мгновенности, продолжительности и т. п. Венгерский ученый *Арпад Берта* представил фонологическую модель развития гласных непервых слогов в мишарских и казанских говорах татарского языка. *И. В. Кормушин* (Москва) отстаивал идею относительно позднего характера тюркских форм на *-tuŋ* и *-yap*, учитывая их распределение по языкам, и на основе семантико-функциональных особенностей в ряде языков и памятников предложил гипотезу о первоначальном статусе этих форм соответственно как имени действия и вневременного (презентного) причастия. *П. И. Кузнецов* (Москва) в соответствии с широко признававшейся, особенно в XIX — начале

XX века, теорией происхождения аффиксальных морфем из полнозначных слов на основе методики, называемой им «условной реконструкцией реальных речевых отрезков», поддержал выдвинутую еще *В. В. Радловым* точку зрения о происхождении форманта повелительного наклонения 2-го лица единственного числа *-yul<-qul* 'делай', а алломорфа *-yup<-yul*, ибо подходящего архетипа для него невозможно найти. *Ф. Ю. Юсупов* (Казань) привел интересный диалектный материал, характеризующий состояние меньшей дифференцированности неличных и личных форм глагола в татарском языке. При этом он указал на заметный удельный вес в диалектах типично огузских форм *-asy*, *-maly*, *-arak* и др. *А. Аннануров* (Ашхабад) обрисовал семантические, морфологические и морфологические особенности сугубо огузской формы позднего возникновения на *-dykça*. *В. Х. Хаков* (Казань) рассмотрел становление и развитие старотатарского литературного языка, не ограничиваясь ключевым для этого процесса периодом сложения татарской народности в XV—XVI веках, но в широком историческом и лингвистическом контексте разновременных и неодинаковых по масштабам влияний разнотипических начал, сказавшихся на отсутствии внутреннего единства между письменным и разговорным татарским языком дореволюционной поры. *А. М. Курбанов* (Баку) остановился на недостатках в описании категориальной семантики таких частей речи тюркских языков, как прилагательное, наречие, послелог и частицы, что связано, по его мнению, с механическим перенесением на эти языки концепций сначала арабской, а затем и европейской (основанной на античной греко-александрийской традиции) грамматических школ.

В коллективном докладе *С. К. Кенесбаева* и *С. С. Кенесбаевой* (Алма-Ата) результаты освоения казахским языком многочисленных и давних арабских заимствований рассматривались как источник данных для диахронической фонологии заимствующего языка. *Э. Каджарова* (Ашхабад) привела материал об употреблении в старотуркменском литературном языке формантов относительных прилагательных арабо-персидского происхождения *-apa*, *-i*, *bi*, *-gün*.

С двумя докладами на подсекции выступили монголисты. *Ц. Б. Будаев* (Улан-Удэ) охарактеризовал особенности исторического развития консонантизма монгольских языков. *Э. Ч. Бардаев* (Элиста) раскрыл значение изучения диалектной лексики современного калмыцкого языка для понимания процессов становления калмыцкого литературного языка, начало которого автор относит к дописьменной эпохе — второй половине первого тысячелетия н. э., когда на основе устной формы литературного языка создавался калмыцкий эпос «Джангар».

Четыре доклада состоялись сверх объявленной программы. Об отражении сложной лингвистической ситуации, характерной для Волжской Булгарии, в «диалектах» функционального языка эпитафий более позднего времени (XIV—XV вв.) говорил в своем докладе *Ф. С. Хакимзянов* (Казань). *А. Дж. Шукюров* (Баку) коснулся вопросов происхождения частицы *ja* в азербайджанском языке. *Р. А. Закиров* (Брежнев) рассказал о проведенном им исследовании древнеуйгурской системы согласных. К статусу и предмету морфологии, прежде всего с точки зрения значимости морфологических чередований для исторической морфологии, привлек внимание *А. М. Мамедов* (Баку). *У. Доспанов* (Нукус) осветил роль заимствований в развитии лексики каракалпакского языка.

В прениях по докладам на утреннем и вечернем заседаниях выступили *А. М. Щербак*, *П. И. Кузнецов*, *А. Дж. Шукюров*, *С. К. Кенесбаев*, *Б. О. Орузбаева*, *В. Х. Хаков* и др.

На двух заседаниях подсекции «Морфология» был заслушан 21 доклад. Выступавшие рассматривали как общие [см., например, доклад *А. Ахундова* (Баку) «О значении построения логического типа тюркских языков в связи с принципами составления описательных грамматик этих языков»], так и частные вопросы грамматической организации тюркских языков, строения тюркского слова. Особое внимание участников работы подсекции привлекла проблематика слово- и формообразования, в частности принципы разграничения и сравнительная характеристика.

В докладе *Ф. А. Ганиева* (Казань) «Словообразование в научно-описательных грамматиках тюркских языков» отмечалось, что словообразование по отдельным тюркским языкам исследовано неполностью, не все способы словообразования находятся в поле зрения исследователей. Характеризуя формообразующие аффиксы в сравнении со словообразующими и флексиями. *М. А. Хабичев* (Карачаевск) в докладе «Особенности формообразующих морфем тюркских языков» отмечал, что формообразующие аффиксы не создают новых слов, а придать основе добавочные грамматические значения: принадежности, сравнения, обладания, отсутствия, наклонения, времени, залога, возможности/невозможности и т. д. Выступивший с докладом «О нелинейных моделях словообразования в тюркских языках» *И. А. Андреев* (Чебоксары) отметил неопределенность содержания термина «конверсия» применительно к тюркскому материалу и последовательность его использования в тюркологической литературе. Касаясь недифференцированного употребления одних и тех же тюркских слов в значении различных частей речи русского языка, он высказал мнение, что это связано с более широким (по сравнению с русским) значением тюркского слова, ко-

торое сопоставимо со значением корневых морфем русского языка. Следовательно, подобные явления не имеют отношения к словообразованию и подлежат рассмотрению в грамматике.

Выступавшие отмечали необходимость увязки проблемы конверсии с проблемой выделения и определения соотношения частей речи в тюркских языках. Проблемы полифункциональности тюркских слов коснулся в своем докладе «О теории частей речи в тюркских языках» *И. Х. Ишбулатов* (Уфа). Докладчик отметил, что в тюркских языках субстантивация, адъективация и адвербиализация имеют широкую сферу распространения. Подвижность слов между частями речи, по его мнению, обуславливается степенью их грамматической оформленности. Переход слов из одной части речи в другую происходит тем активнее, чем менее они оформлены.

Выступивший с докладом «О знаках качественной определенности в тюркменском, английском и русском языках» *Л. Р. Тумиянц* (Ашхабад) предложил использовать термин «знак качественной определенности» по отношению к словам типа туркм. *гоюн*, англ. *sheep*, рус. *шимпанзе*, которые, по его мнению, не являются существительными, поскольку не выражают количественной определенности.

В своем докладе «Грамматическая соотносительность первообразных и второобразных глаголов в турецком языке» *Н. Н. Джанашиа* (Тбилиси) обосновывал дифференцированный подход к второобразным глаголам, образованным от первообразных наращением аффиксов { *-s* }, { *-tir* }, { *-il* } : лишь в случаях изменения переходности глагола, с чем непосредственно связано изменение соотносительности между действием и субъектом, следует говорить о залогообразовании.

В докладе «Грамматическое и лексическое в именах действия в тюркских языках» *А. Боржаков* (Ашхабад) высказал мнение о том, что совмещение грамматического и лексического значений в одной и той же форме имени действия не может служить основанием для квалификации соответствующего аффикса как формо- и словообразующего. Лексическое значение представляет собой продукт лексикализации, следовательно, говорить в данном случае об аффиксе словообразования нельзя.

Ряд докладов был посвящен рассмотрению конкретных способов словообразования в отдельных лексических группах. В докладе *С. Арназарова* (Ашхабад) было рассмотрено образование глаголов речи в языках юго-западной группы с помощью залоговых аффиксов. Аффиксальное образование антонимов в туркменском языке было проанализировано *Б. Байжановым* (Ашхабад). Образование слов, обозначающих меры веса в туркменском языке, было

рассмотрено в докладе *Н. Шалыевой* (Ашхабад). Семантическую характеристику продуктивного словообразующего аффикса *-чы/-чи* в туркменском языке дал в своем докладе *С. Куренов* (Ашхабад).

Д. Г. Тумашева (Казань) в своем выступлении рассказала о предпринятом «перекрестном» изучении грамматических категорий татарского глагола: в направлении от формы к значению и от значения к форме.

Проблеме выработки норм в современном туркменском литературном языке и отражения нормативных рекомендаций в толковом словаре туркменского языка были посвящены доклады *Т. Тачмурадова* и *Дж. Т. Тачмурадовой* (Ашхабад).

Характеристике категории выделения в чувашском языке посвятил свой доклад *И. П. Павлов* (Чебоксары).

Обоснованию квалификации формы на *-бычча* в якутском языке как деепричастной посвятила свой доклад *Е. И. Коркина* (Якутск).

О грамматических особенностях газетно-публицистического стиля туркменского языка говорил в своем докладе *Ы. Б. Чарыяров* (Ашхабад).

В докладе «О некоторых особенностях корневой морфемы в уйгурском языке» *Г. Садуакасов* (Алма-Ата) отметил, что в уйгурском языке и его говорах фонетическая взаимосвязь основы и аффикса проявляется гораздо сильнее, чем в других тюркских языках, — здесь широко распространено фузионное соединение морфем.

А. Н. Барулин (Москва) выступил с докладом «К проблеме трактовки неформальных словоформ в турецком языке». *Б. Дж. Тайлакбаев* (Кзыл-Орда) интерпретировал сингармонизм как фонетический способ присоединения потенциально-морфемных структур, обладающих совместным (комитативным) признаком.

Дискуссия по затронутым в докладах проблемам носила оживленный и неформальный характер, в ней приняли участие — с развернутыми выступлениями или короткими репликами — многие из докладчиков и присутствовавших на заседаниях: *С. Куренов*, *Н. Х. Ишбулатов*, *И. П. Павлов*, *М. А. Хабишев*, *Ф. А. Ганиев*, *Б. Дж. Тайлакбаев*, *И. А. Андреев*, *А. Н. Барулин*, *Т. Тачмурадов*, *Г. С. Садуакасов* и др.

На двух заседаниях подсекии «Синтаксис» было заслушано 15 докладов, в которых обсуждались актуальные проблемы синтаксиса тюркских языков на уровне словосочетания и предложения (простого и сложного), анализировался и обобщался интересный и разнообразный материал более чем десяти языков.

В докладе *З. И. Будаговой* (Баку) «Эллипсис в азербайджанском синтаксисе» рассматривались различные типы эллипсиса в структуре простого и сложного предложений, стилистические особенности элли-

пированных конструкций, а также факторы, способствующие их возникновению. *З. А. Ализаде* (Баку) в докладе «Предложение и его компонентный анализ (на материале азербайджанского языка)» продемонстрировала на конкретных фактах характер взаимодействия грамматической и семантической структуры предложения, обратив особое внимание на проблему оборот/придаточное в тюркских языках. *М. З. Закиев* (Казань) изложил принципы составления описательной грамматики татарского языка, в которой основные единицы синтаксического уровня — словосочетание и предложение — будут изучаться с точки зрения парадигматики, семантики, прагматики и теории коммуникации. *М. А. Черемисина* (Новосибирск) посвятила свой доклад проблеме специфики полипредикативных конструкций в тюркских и — шире — алтайских языках. Она подчеркнула важность установления типологии причастных и деепричастных форм с учетом ареальных и региональных особенностей их проявления. *К. С. Сарыев* (Ашхабад) осветил вопрос об осложненных словосочетаниях в туркменском языке. Используя материал памятников и современного литературного языка, автор представил классификацию данного типа словосочетаний по морфологически опорным словам. При этом особое внимание уделялось разграничению словосочетания и предложения.

В докладе *Г. Ц. Пюрбева* (Москва) были проанализированы синтаксические явления в памятниках монгольского феодального права XVII—XVIII веков «Халха Джирум» и «Их цааз». Констатировалось, что язык этих памятников, будучи в своей основе книжно-литературным, выбрал в себя немало элементов и черт народно-разговорной речи. *А. Умаров* (Нукус) сделал доклад о новых явлениях в каракалпакском синтаксисе. Он отметил активизацию некоторых конструкций и моделей под влиянием русского языка. Докладчик подчеркнул, что такие явления, как неглагольные побудительные конструкции, а также парцеллированные сложные предложения (сочиненные и подчиненные), должны получить отражение в научных описательных грамматиках конкретных тюркских языков. *И. М. Отаров* (Нальчик) в докладе «Развитие синтаксиса карачаево-балкарского языка в советский период» указал на подвижность синтаксического уровня в связи с изменением общественных функций того или иного языка. В частности, автор сравнил газетный язык периода 20—30-х годов и последних лет и пришел к выводу о закономерном обогащении литературного карачаево-балкарского языка и его синтаксиса. *М. Беглиев* (Ашхабад) обратился к проблеме актуального членения предложения в туркменском языке. На основе выявления функциональной перспективы предложения и более крупных единиц текста (абзац, сверхфразовое единство) была сле-

лана попытка установить реальное соотношение темы и ремы в разных по структуре и содержанию высказываниях. *Р. Назаров* (Ашхабад), придерживаясь концепции *Н. З. Гаджиевой* в вопросе о сложноподчиненных предложениях, высказался в пользу выделения в современном туркменском языке собственно сложных и полусложных предложений с объектно-предикативными отношениями частей. В связи с этим предметом анализа явились семантически и грамматически опорные слова, сигнализирующие о способе подчинения. *Ю. С. Васильев* (Якутск) рассмотрел типы прямой речи и показал их широкую употребительность в разных стилях речи современного якутского языка. В докладе *А. А. Тыбыковой* (Горно-Алтайск) анализировались глагольные словосочетания алтайского языка на материале семантических групп глаголов движения.

Синтаксически неразложимые словосочетания в хакасском языке — были темой доклада *О. П. Анжигановой* (Абакан), в котором подробно освещались условия лексикализации словосочетаний, а также структурные и семантические признаки их неразложимости. Аналитическим конструкциям глагола и сложным глаголам туркменского языка был посвящен доклад *М. Худайкулиева* (Ашхабад). Указанные категории трактовались как совершенно разные явления тюркской морфологии. По мнению автора, аналитические конструкции глагола образуются по строго определенной модели (схеме) и, составляя стройную систему форм, выражают одно и то же грамматическое содержание. В отличие от них сложные глаголы не образуются по определенным моделям, их значение всегда есть сумма значений компонентов. *Б. Сарыев* (Ашхабад) в своем докладе говорил о грамматических разрядах номинативных предложений в современном туркменском языке, сосредоточив главное внимание на семантике и стилистике назывных предложений как одном из типов именных односоставных предложений.

В заключение докладчики ответили на вопросы, состоялся обмен мнениями по затронутым проблемам, в ходе которого выступили *З. И. Будагова*, *М. З. Закиев*, *З. А. Ализаде* и др.

На заключительном пленарном заседании было заслушано четыре научных доклада. *А. М. Шербак* (Ленинград) рассмотрел пути формирования наречия в тюркских языках как самостоятельной части речи из обособлявшихся форм имени и глагола, а также сочетаний слов (доклад опубликован: «Советская тюркология», 1986, № 5). *Е. А. Поцелуевский* (Москва) в докладе «Свойства тюркских причастий и их синтаксические функции» подчеркнул, в частности, что принципиально важно разграничивать причастные обороты бес-субъектные и причастные обороты субъектные — с выраженным или невыраженным

субъектным членом, — изоморфные предложению. *Э. И. Фазылов* (Ташкент) рассмотрел ряд узловых вопросов периодизации средневековых литературных языков Средней Азии. *И. Х. Ахматов* (Нальчик) акцентировал внимание на необходимости преодоления недостатков традиционной схемы описания синтаксического строя тюркских языков и переходе к современным достаточно опробованным методам исследования, базирующимся на анализе семантической структуры предложения.

После докладов продолжилась дискуссия (см. выше); с заключительным словом о работе подсекций выступили *А. К. Курбанов*, *Г. С. Садвакасов*, *З. И. Будагова*.

На секции литературоведения и фольклористики* было заслушано свыше 30 докладов. Важнейшее место среди тем докладов заняли анализ тенденций идейно-художественного развития современных тюркоязычных литератур — туркменской, татарской, киргизской, турецкой и других, становление относительно новых для восточных литератур повествовательно-прозаических жанров и теперь уже главного среди них — романа [*К. Джумаев*, *Н. Агдаев*, *А. Б. Кербабаева* (все — Ашхабад), *Ф. М. Хатинов* (Казань), *С. М.-С. Алиев* (Махачкала) и др.]. Особенностью творческого метода многих классиков-зачинателей современных литератур, таких, как Махтумкули, и самых современных писателей, таких, как Ч. Айтматов, является обращение к фольклору. Для многих тем и сюжетов их произведений характерны фольклорные, в том числе эпические, истоки или аналогии [*А. С. Садыков* (Фрунзе)]. Как было показано рядом докладчиков, связь литературы с фольклором вообще является характерной чертой периода ее становления, когда фольклор и в языковом, и в художественно-изобразительном отношениях служил питательной средой для зарождавшихся национальных тюркоязычных литератур [*М. Мурадов* (Ташкент), *Е. И. Маштакова* (Москва), *К. Атаев*, *Г. Б. Какаджанова*, *Д. У. Абдуллаев* (все — Ашхабад)].

Более специальные вопросы фольклора рассматривались на заседаниях особой подсекции «Фольклористика», где ведущими темами докладов были генетические и контактные связи фольклора у разных тюркских народов в самых различных его жанрах — сказках, героическом эпосе, обрядовой и лирической поэзии и т. д. [*Ф. В. Ахметова*, *И. Надилов* (оба — Казань), *Х. Эгамов* (Ташкент), *А. М. Аджиев* (Махачкала), *Б. Мамедязов*, *А. Б. Каррыева* (оба — Ашхабад) и др.]. В ряде докладов анализировались приемы и средства художественной изобразительности в произведениях фольклора [*М. Мирзаева* (Ташкент),

* Информация по литературоведческой и исторической секциям представлена в редакцию в сокращенном виде. (Примечание редакции).

В. Г. Родионов (Чебоксары), *Ш. Халмухаммедов* (Ашхабад)], вновь обсуждались принципы текстологической работы [*К. А. Каскабасов* (Алма-Ата)], на значении традиционных лирических песен тюрко-монгольских народов Сибири остановилась *Н. Шаракинова* (Иркутск).

В секции истории доминирующей темой более чем 30 прочитанных на четырех пленарных заседаниях докладов была проблема этнокультурных процессов у тюркоязычных народов на протяжении различных периодов истории по данным всевозможных источников и на основе разнообразных свидетельств: сведения исторического характера по данным письменных источников, свидетельства материальной и духовной культуры по данным археологии, истории и этнографии, языковые и фольклорные данные. Древнетюркскому времени (VI—IX вв.) были посвящены доклады *С. Г. Кляшторного* (Ленинград), *Д. Д. Васильева*, *И. Л. Кызласова*, *М. В. Горелика*, *Л. А. Боровковой* (все — Москва), средневековым историческим источникам — доклады *С. Г. Агаджанова* и *О. Экаева* (Ашхабад). Весьма актуальными для данной проблематики являются исследования межэтнических связей тюрков в различных регионах: туркмен и узбеков — *К. Ш. Шаниязов* (Ташкент), ногайцев и тюрков Северного Кавказа — *Р. Х. Керейтов* (Черкесск), киргизов и туркмен по данным эпоса — *И. Б. Молдобаев* (Фрунзе), татар Поволжья с народами Средней Азии — *С. Х. Алишев* (Казань), средневековой Булгарии со Средней Азией — *Р. Г. Фахрутдинов* (Казань), тюрков и финно-угров в Поволжье и Приуралье — *Ш. Ф. Мухамедьяров* (Москва). К этой теме примыкает и изучение поздних этапов этногенеза: для Башкирии XVII—XIX веков — коллективный доклад *Р. Г. Кузеева*, *Т. М. Гарипова*, *Н. Н. Моисеевой* (все — Уфа); для Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы) XIX век — доклад *К. М. Текеева*

(Карачаевск); для Чувашии — доклад *В. Д. Дмитриева* (Чебоксары). Различного характера этнографические материалы и данные в роли источников по этнокультурным процессам рассматривались в докладах *Т. А. Жданко*, *Г. П. Васильевой*, *С. И. Вайнштейна* (все — Москва), *Х. Есбергенова* (Нукус), *А. Теджова* (Ашхабад) и др.

На заключительном общем заседании конференции состоялось подведение итогов работы секций, с которыми выступили *А. М. Щербак* (языкознание), *Х. Г. Короглы* (фольклористика), *А. С. Садыков* (литературоведение), *С. Г. Агаджанов* (история). С благодарностью от имени участников в адрес организаторов конференции и кратким предварительным анализом значения прошедших дискуссий для будущих научных исследований выступили *Э. Р. Тенишев* и *А. М. Курбанов*. Заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология» *И. С. Сеидов* в своем выступлении говорил о необходимости всесторонней помощи журналу, вступившему в шестнадцатый год своего существования, в деле создания обобщающих проблемных статей, расширения тематики журнальных публикаций, географии авторов, необходимости активизации представления статей по литературоведению и т. п. *И. В. Кормушин* огласил текст резолюции, содержащей характеристику наиболее важных исследовательских задач на ближайшую перспективу в области тюркского языкознания, литературоведения и истории (публикуется ниже).

По приглашению Академии наук Киргизской ССР следующая — V Всесоюзная тюркологическая конференция должна состояться в столице республики Фрунзе в октябре 1988 года.

*И. В. Кормушин,
Е. А. Поцелуевский,
Г. Ц. Пюрбеев*

РЕЗОЛЮЦИЯ

IV ВСЕСОЮЗНОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ашхабад,

10—12 сентября 1985 г.

IV Всесоюзная тюркологическая конференция, организованная Отделением литературы и языка Академии наук СССР, Отделением истории Академии наук СССР, Советским комитетом тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Академией наук Туркменской ССР, состоялась с 10 по 12 сентября 1985 г. в столице Советской Туркмении г. Ашхабаде. Участники конференции единодушно по

святили очередной форум тюркологов страны важнейшему событию в общественно-политической жизни народов Советского Союза предстоящему XXVII съезду КПСС.

Конференция собрала представителей всех тюркологических центров страны — Москвы и Ленинграда, столиц союзных и автономных республик, других городов страны, ряд зарубежных ученых из Австрии, Венгрии, ГДР. В соответствии с практикой IX и X пленумов Советского комитета тюркологов конференция предоставила свою трибуну коллегам-монголистам из Калмыкии и Бурятии, Москвы и Ленинграда, Иркутска. В докладах и сообщениях, в выступлениях в ходе состоявшихся дискуссий, как и на предшествующих конференциях в Алма-Ате и Ташкенте, был продемонстрирован глубокий интерес к предложенным на обсуждение актуальным проблемам теории и истории тюркских языков, тюркоязычных литератур и фольклора, этнографии и истории тюркских народов.

Некоторые итоги развития тюркского языкознания, литературоведения и истории за прошедшее пятилетие и задачи на ближайшую перспективу были освещены в обобщающих докладах, вынесенных на пленарное заседание конференции. Дальнейшая работа и дискуссии проходили на отраслевых секциях и подсекциях.

Тематическая специализация конференции позволила сконцентрировать внимание участников на нескольких узловых дискуссионных вопросах в соответствующих отраслях тюркологии, причем впервые по части из них такая специализация была сквозной: проблема исторических этапов этнокультурного развития и внутрирегиональных и межрегиональных связей тюркоязычных народов соотнесена с проблемой регионально-генетических связей в фольклоре тюркоязычных народов; обе они тесно сопрягаются с одной из центральных проблем исторического языкознания, занявшей видное место в дискуссиях на лингвистической секции, дифференциацией истории литературных языков и памятников различных эпох и исторической грамматики общепородных языков.

В целом доклады и дискуссии на конференции показали, что для решения новых задач, которые выдвигает перед советскими учеными объективное развитие тюркологической науки, необходимо постоянное улучшение организационных форм работы, в частности кооперации и координации исследований различных научных учреждений.

РЕКОМЕНДАЦИИ

IV ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРИНИМАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ, ОБРАЩЕННЫЕ К НАУЧНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ И УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ, УЧЕНЫМ-ТЮРКОЛОГАМ НАШЕЙ СТРАНЫ

ПО РАЗДЕЛУ «ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

1. Одной из наиболее важных задач в области тюркского языкознания продолжает оставаться создание фундаментальных описаний грамматического строя по каждому из тюркских языков. Работа над грамматиками активно функционирующих тюркских языков должна вестись в соответствующих научных коллективах непрерывно. Развивая исследования по частным проблемам грамматики, фиксируя объективные изменения в языке, совершенствуя приемы его анализа, необходимо с определенной периодичностью обобщать полученные новые знания в академических грамматиках отдельного тюркского языка.

2. Другой важной задачей тюркологов-языковедов является всеобъемлющая и разносторонняя работа в области лексики, отвечающая как научным, так и самым широким практическим потребностям:

а) создание различного типа и назначения словарей (переводных, одноязычных, толковых, фразеологических, специальной лексики, нормативных, диалектологических, исторических и т. д. и т. п.);

б) организация постоянно действующей службы регистрации изменений в лексической системе языка, регулярное издание бюллетеней, словарей новых слов и значений, нормативных справочников и пособий по культуре речи.

Осуществляя эту работу, необходимо постоянно совершенствовать приемы обработки и подачи слов в словарях, опираясь на достижения современной лексикологии и теории лексикографии.

3. Наряду с созданием обобщающих трудов по диалектологии, лингвистической географии и ареалогии в связи с общей тенденцией нивелировки диалектов и распространением в условиях всеобщей грамотности норм литературного языка необходимо всемерно интенсифицировать и расширять масштабы сбора диалектологического материала — записи фольклора, исчерпывающие записи лексики по тематическим группам,

записи связанных рассказов о старых трудовых или обрядовых процессах, фиксация с помощью звукозаписывающей техники и создание фонотек образцов живой местной речи отдельных лиц различных половозрастных и социальных групп.

4. В области исторического тюркского языкознания в связи с завершающимся вл-ходом ряда сравнительно-исторических грамматик и большого этимологического словаря необходимо в ближайшем будущем поставить на практические рельсы подготовку этимологических словарей и исторических грамматик отдельных тюркских языков. В некоторых республиках эта работа уже ведется.

При создании исторических грамматик определяющим методологическим принципом является дифференциация истории литературного языка и исторической грамматики как свода развития строевых элементов языка определенного генетического типа. Весьма важно, чтобы по проблематике этого направления на базе сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР был организован ряд специализированных симпозиумов для выработки единых подходов и методик решения практических вопросов.

5. Для всех разделов тюркского языкознания насущной задачей является дальнейшее продвижение в теоретических исследованиях. Острые разногласия среди специалистов, показывающие все еще неудовлетворительное состояние решения теоретических аспектов, вызывают такие вопросы, как словообразование и формообразование, части речи и служебные слова, особенности грамматических категорий тюркского языкового строя.

Журналу «Советская тюркология», который на протяжении 15 лет своего существования немало сделал для координации и кооперации работ советских тюркологов, являясь не только важнейшим средством оперативной публикации новейших научных разработок и последней информации, но и органом коллективного обсуждения спорных проблем, необходимо на своих страницах организовать дискуссии по некоторым из названных вопросов. В качестве наиболее эффективной формы подведения итогов и оценки перспективности различных подходов целесообразно проведение ряда специальных совещаний или симпозиумов на базе научных учреждений и вузов, прежде всего республик, а также центра.

6. В связи с общими задачами компьютеризации научно-исследовательского труда в нашей стране, ведущей к резкому повышению производительности труда и дающей возможность осуществления масштабных трудоемких работ, перед тюркологами встает необходимость практического решения организационных вопросов подготовки соответствующих кадров, определения круга первоочередных задач, решение которых возможно и целесообразно с помощью вычислительной техники и конкретных научных коллективов, на базе которых будут развернуты подобные работы.

ПО РАЗДЕЛУ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ»

На заседаниях секции литературоведения и фольклористики выступил с докладом 31 человек. В докладах анализировались проблемы историзма, национального и интернационального, новаторских исканий писателя, фольклор и формирование художественных стилей, генезис и периодизация литературных жанров, взаимосвязь и взаимовлияние тюркоязычного фольклора, генетические, контактные и контактно-генетические связи эпической поэзии тюркоязычных народов, принципы издания фольклорных текстов, историческая поэтика фольклора.

В ходе дискуссии были высказаны следующие рекомендации:

1. Обратить особое внимание на дальнейшую разработку теории литературного процесса периода развитого социализма, в частности творческого метода социалистического реализма на новом этапе.

Повысить теоретический уровень научных исследований, раскрывая типологические аспекты; усилить внимание к фольклорным взаимосвязям.

Усилить критическую оценку работы т. н. советологов, искажающих и упрощающих советский литературный процесс, в частности огромные успехи национальных литератур.

2. Литературная критика должна своевременно реагировать на все проблемы и вопросы, выдвинутые в новых литературных произведениях, дать им объективную оценку.

3. Усилить литературоведческую и фольклористическую работу в освоении богатого художественного наследия на основе марксистско-ленинского учения об историзме, продолжить научно-теоретическую работу по публикации памятников литературы и фольклора, обращая особое внимание на тщательное текстологическое изучение каждого памятника, подготавливаемого к изданию.

4. Предложить научным институтам усилить работу по систематизации и каталогизации рукописных фондов и книгохранилищ.

5. Совершенствовать методику записей фольклора, регулярно организовывать комплексные экспедиции в районы, области и соседние республики.

6. Продолжить работу над составлением сводов фольклора, усилить научный уровень этих публикаций.

7. Вести активную работу по подготовке двуязычных изданий (в оригинале и в русском переводе) лучших образцов фольклора.

ПО РАЗДЕЛУ «ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ»

Исследования советских историков, археологов и этнографов в области тюркологии на современном этапе характеризуются ростом общетеоретического потенциала, стремлением к углублению и освоению ранее почти не изученных пластов истории, концентрацией сил на создание крупных работ по наиболее важным и актуальным вопросам. В этом направлении в союзных и автономных республиках Средней Азии, Казахстана, Сибири, Поволжья, Кавказа достигнуты заметные успехи, которые во многих отношениях явились результатом интернационального научного сотрудничества и творческой кооперации с головными и другими ведущими исследовательскими центрами СССР.

Главное по своей значимости место среди большого комплекса сложных и многогранных проблем дооктябрьского периода истории тюркоязычных народов нашей страны занимают вопросы становления и развития классовых обществ, этнической и этнокультурной истории, генезиса феодализма и капитализма, исторической демографии и этнографии. Большое внимание уделяется историческим связям, прогрессивному значению вхождения народов тюркоязычных регионов в состав России, национально-освободительному и революционному движению бывших окраин Российской империи.

Современная отечественная историография достигла в области тюркологии немалых успехов, но советским ученым-тюркологам предстоит решить целый ряд сложных и малоизученных вопросов:

1. Необходимо прежде всего ликвидировать лакуны, возникшие в изучении государственных образований эпохи древности и раннего средневековья.

2. Требуются монографические обобщения по этнической истории, по формированию народностей и буржуазных наций.

3. Нуждается в существенном совершенствовании изучение межэтнических связей тюркоязычных народов с другими народами нашей страны.

4. Необходимо активизировать сравнительно-исторические исследования традиционно-бытовых и современных культур, развернуть крупномасштабные работы о взаимодействии духовной и материальной культуры тюркоязычных и соседних с ними народов СССР.

5. Важнейшей задачей является создание региональных обобщающих работ по истории тюркоязычных и других народов СССР.

6. Настала пора начать специальные комплексные исследования об исторических предпосылках формирования новой исторической общности — советского народа.

«СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ»

С 7 по 9 января 1986 года в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (г. Новосибирск) проводилась очередная, шестая, конференция по теме «Сложное предложение в языках разных систем». Сопоставительно-типологическое исследование

сложного (полипредикативного) предложения на базе языков Сибири, прежде всего алтайских, ведется в отделе филологии института с 1976 года при участии языковедов из других городов Сибири и европейской части страны, исследующих полипредикативный синтаксис языков раз-

ного строя (индоевропейских, алтайских, финно-угорских и др.). На конференции были подведены итоги последних трех лет работы этого коллектива. Обсуждался следующий круг тем: 1) пространство простоты/сложности предложения — проблема оснований противопоставления, шкальное представление, признаки, формирующие шкалы; 2) теоретические вопросы построения общей типологии сложных предложений — понятийно-терминологический аппарат описания, проблемы унификации описания в разных грамматических традициях и т. д.; 3) исследования различных структурных типов сложных предложений (с союзной связью, союзами в сочетании с частями, инфинитивными зависимыми сказуемыми и т. д.); 4) исследования различных функциональных групп сложных предложений в разных языках (временных, причинных, определительных и др.); 5) проблема соотношения между структурной организацией полипредикативной конструкции и ее функциональной характеристикой.

Открыл конференцию Ф. А. Литвин (Орел) докладом «Предикативность как основа шкалы „простота/сложность“», в котором было показано, что степень сложности — если сложное предложение есть полипредикативное образование, — а тем самым и шкалирование пространства сложности, связаны с возможностью варьирования предикативности. Такое варьирование может идти по линии «чистой морфологии», связанной с наличием/отсутствием тех или иных морфологических категорий, по линии «чистого синтаксиса» (полнота/неполнота предикативного бинорма), но может быть представлено и лексикограмматическим типом предикативности, когда предикативность является свойством некоторого класса слов (например, русские *да* и *нет*, их эквиваленты во многих языках; эти слова могут быть названы предикативными местоимениями, то есть носителями отдельного типа предикативности).

Обсуждение классификационных принципов началось докладом Т. А. Колосовой (Воронеж) «Современное состояние типологии сложноподчиненных предложений (на материале русского языка)». Докладчиком были проанализированы современные подходы к классификации сложных, в частности сложноподчиненных, предложений, нашедшие отражение в научной и учебной литературе. Так, например, на уровне первого членения докладчик предложила делить сложные предложения на предложения с линейными показателями связи любой природы и на предложения, таких показателей не имеющие («бессоюзные»). При дальнейшем членении сложные предложения с показателями связи должны группироваться в зависимости от природы этих показателей.

В докладе М. И. Черемисиной (Новосибирск) «Типология сложных предложений в

языках разных систем» речь шла о желательности и принципиальной возможности построения такой типологии сложного предложения, которая была бы последовательно структурно-семантической, иначе говоря, типы, выделяемые по формальным (структурным) признакам, получали бы четкую содержательную (функционально-семантическую) интерпретацию. Выполненные исследования показывают, что на материале алтайских языков эта задача получает удовлетворительное решение. Сопоставление полученных результатов с данными о типологии русских сложных предложений позволяет предположить, что такие крупные структурно-семантические типы могут оказаться едиными для языков разных систем; имеются в виду такие типы сложного предложения, в составе которых между предикативными частями устанавливаются функциональные отношения, сопоставимые с отношениями компонентов простого предложения.

Р. Назаров (Ашхабад) в докладе «О степени сложности и „не простоты“ предложения в германских и тюркских языках» рассматривал синтаксический статус предложений с включением так называемых оборотов (конструкций с неличными формами глагола); было предложено установить применительно к обеим группам языков промежуточный уровень между простым и сложным предложением — уровень «полусложных предложений» — бипредикативных построений, в которых одна из предикативных частей грамматически не оформлена или представлена в фузионной форме.

В докладе Л. М. Бродской (Иркутск) «Предложения с причастными и деепричастными конструкциями как разные виды сложноподчиненных предложений в эвенкийском языке» были выдвинуты два критерия сопоставления таких конструкций: 1) сила предикативности зависимых предикативных единиц и 2) отдельность, структурная самодостаточность составляющих компонентов. Докладчик показала, что по первому признаку более сложными являются предложения с причастными зависимыми предикативными единицами, а по второму — с деепричастными. Более важным при этом следует считать первый критерий, а потому и предложения с причастными зависимыми предикативными единицами являются более сложными.

Проблемы структурной классификации рассматривались также в докладе Е. К. Скрибник (Новосибирск) «Типы полипредикативных конструкций бурятского языка». Они делятся на синтетические (с показателем связи — морфемой в составе зависимого сказуемого) и аналитические (с показателем связи — служебным словом, соединяющим две полипредикативные единицы в независимой, финитной форме). Первый тип традиционно считается простым предложением, осложненным оборотом; второй — сложным предложением.

Отмечалось, что аналитический тип показателей связи возникает на базе синтетического для выполнения других коммуникативных функций — сведения текста в единое целое, введения прямой речи и т. д. В сфере же собственно полипредикативного синтаксиса использование их вторично. Кроме того, ни по частоте употребления, ни по значимости выражаемых отношений аналитические средства связи (союзы) в этой сфере не могут сравниться с синтетическими средствами.

Серия докладов на материале разных языков была посвящена различным функциональным типам сложных предложений. Ш. Ч. Саг (Кызыл) в докладе «Сложные предложения с придаточными причины в тувинском языке» рассматривал способы выражения причинно-следственных отношений — причастно-падежные формы, союзы, послелоги и другие служебные слова, а также подчинительные паузы. Классификация сложноподчиненных предложений с причинно-следственным значением в тюркских языках огузской группы была представлена М. М. Мусаевым (Баку). Н. Н. Ефремов (Якутск) в докладе «Якутские полипредикативные предложения, выражающие отношения градации» подвергнул анализу конструкции со специфической формой зависимого сказуемого: «причастие+аффикс притяжания+послелог *ааһан* 'не только, но и...'». Доклад Т. П. Филистович (Барнаул) «Временные конструкции алтайского языка» был посвящен исследованию механизма оформления зависимого предикативного узла темпоральных конструкций. Докладчик подчеркнула, что почти каждый структурный подвид этих конструкций имеет свои особенности в оформлении предикативного узла. Э. М. Ким (Новосибирск) представила результаты исследования семантических отношений между сложными предложениями с изъяснительными придаточными и простыми предложениями, полученными в результате преобразования сложного, и показала обусловленность семантических различий между ними категориальными возможностями глагола и имени, характером показателя связи и др.

Ряд докладов содержал описание структурных типов сложного предложения. Е. И. Убрятова (Новосибирск) в докладе «Подлежащие конструкции в якутском языке» раскрыла структурные особенности построения главной части предложений, в которых зависимая часть занимает позицию подлежащего при главном сказуемом. В докладе Н. Х. Демесиновой (Алма-Ата) «Послеложные и другие именные конструкции, употребляющиеся в качестве средств связи компонентов сложного предложения в казахском языке» были проанализированы сочетания причастных форм с различными послелогам и служебными именами в роли сказуемого зависимой части сложноподчиненных предложений, дано описа-

ние семантической специфики этих конструкций по сравнению с союзными предложениями, показана возможность их трансформации в простое предложение. Л. М. Горелова (Москва) в докладе «Маньчжурское слово *сэмэ* и его союзные функции» рассмотрела конструкции с формой одновременного дееспричастия от глагола речи *сэ* 'говорить', где предикативная единица со значением содержания информации вводится этим словом в зависимую позицию при глаголах оперирования информацией. Если содержание информации представлено в форме косвенной речи, *сэмэ* можно оценивать как аналог союза. Эта единица имеет и собственную объектную валентность, совпадающую с валентностью главного предиката, но может реализоваться также и в отсутствие его. Доклад Е. А. Поцелуевского (Москва) был посвящен предложениям интегрированной структуры в русском языке — предложениям, где вопросительные или относительные, союзные слова (если предложение включается в большее построение в качестве зависимого компонента) занимают позицию в структуре придаточного: «Что ты хочешь, чтобы я сделал?», «Она спросила меня, что я хочу, чтобы она сыграла». Эта особенность рассматривается как свидетельство интеграции структуры сложноподчиненного предложения, то есть контаминации элементов структурных схем главного и придаточного предложений в некую единую схему. Такое преобразование приближает данный тип предложения к структуре простого предложения, но не приводит к упрощению. Русским сложным предложениям были посвящены также доклады Н. Н. Чайковской (Усть-Каменогорск) и Л. М. Байдуж (Тюмень). В докладе М. Н. Валл и И. А. Канакина (Новосибирск) «Место синтаксиса в лингвистическом описании» было подвергнуто сомнению распространенное положение о том, что синтаксису должно принадлежать центральное место в описании языка. Общие проблемы синтаксиса рассматривались также в докладах С. М. Полянского (Новосибирск) «О понятии таксиса» и Э. И. Белимова (Новосибирск) «Комплексная речевая ситуация и сложное предложение (на материале енисейских языков)».

Подводя итоги конференции, Е. И. Убрятова подчеркнула, что большой вклад в изучение языков народов Сибири вносят преподаватели сибирских вузов. Выступавшие на заключительном заседании отмечали, что регулярное проведение подобных конференций способствует координации исследований сложного предложения.

Доклады на конференции были сгруппированы по проблемам, а не по языковым группам, что способствует достижению взаимопонимания между исследователями языков разного строя, преодолению различий, часто носящих внешний характер, поднимает работу до типологического уровня.

Конференция приняла решение о подготовке сборника статей по представленным докладам. Было рекомендовано в основу дальнейших исследований положить разработку теоретической проблемы соотношения между функционально-семантическими

и структурными классификациями сложного предложения. Очередную, седьмую, конференцию решено провести в 1988 году.

Е. К. Скрибник

PERSONALIA

АББАС ФАТТАХ ОГЛЫ ЗАМАНОВ

(К семидесятипятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят пять лет члену-корреспонденту Академии наук Азербайджанской ССР, заслуженному деятелю науки республики, доктору филологических наук, профессору Аббасу Фаттах оглы Заманову.

А. Ф. Заманов родился 15 декабря 1911 года в селе Махта Ильичевского района (бывшего Шарур-Дерелезского уезда) Нахичеванской АССР.

С самого начала трудовой деятельности А. Ф. Заманов активный комсомольский работник: в 1929—1931 годах он — секретарь райкома комсомола в Астраханбазаре, в 1931—1932 годах — в Али-Байрамлах, в 1933 году — заведующий отделом политобразования в ЦК ЛКСМ Азербайджана.

В последующие годы А. Ф. Заманов работает в печати: в 1933—1935 годах в должности ответственного редактора газеты «Гяндж ишчи» («Молодой рабочий»), в 1937—1939 годах — ответственного секре-

таря «Адабият газети» («Литературной газеты»). В 1939 г. А. Ф. Заманов назначается на должность директора Азгосфилармонии им. М. Магомаева, а затем — в 1940 году — директора Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета им. М. Ф. Ахундова.

В 1941 году А. Ф. Заманов призывается в ряды Красной Армии. В этот период он активно выступает с военно-патриотическими очерками во фронтовых газетах. Многие из этих очерков впоследствии были включены в книгу «Из фронтовой тетради», изданную к сорокалетию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

С 1948 года А. Ф. Заманов целиком посвящает себя научно-педагогической деятельности. В 1948—1960 годах он преподаватель Азгосуниверситета им. С. М. Кирова; с 1960 по 1968 год — младший научный сотрудник Института языка и литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, с 1968 по 1971 год — директор Музея азербайджанской литературы им. Низами, с 1971 по 1979 год — заведующий кафедрой азербайджанской советской литературы, а с 1979 года по настоящее время — профессор кафедры истории азербайджанской литературы Азгосуниверситета им. С. М. Кирова.

А. Ф. Заманов принадлежит к славной плеяде активных исследователей и пропагандистов азербайджанской литературы. Его научная деятельность отличается многосторонностью и широтой интересов. Он известен как видный исследователь-литературовед, опытный текстолог, авторитетный специалист по азербайджанской литературе XIX—XX веков, автор мемуаров и целого ряда научных публикаций об отдельных представителях азербайджанской советской литературы.

Книги А. Ф. Заманова, посвященные жизни и творчеству великого азербайджанского сатирика Сабира: «Современники о Сабире» (1962), «Сабир и совре-

менники» (1973), «Сабир смеется» (1981), «С Сабиром в памяти» (1982), «Сабир сегодня» (1985) заняли достойное место среди литературоведческих исследований в республике. В этих работах автору удалось раскрыть значение творчества замечательного азербайджанского сатирика, убедительно раскрыть особенности его поэтического наследия, новаторство поэта, революционность его сатиры, огромное влияние, оказанное им не только на азербайджанскую, но и на всю ближневосточную литературу. Творчеству Сабира А. Ф. Заманов посвятил и целый ряд содержательных статей, характеризующихся глубоким проникновением в творческое наследие сатирика.

В 1979 году вышел в свет сборник статей А. Ф. Заманова «Идейные соратники», посвященный творчеству ряда видных азербайджанских писателей XVIII—XX веков. Статьи А. Ф. Заманова о творчестве

азербайджанских писателей, поэтов и драматургов отличаются богатой информативностью и содержательностью. Особо следует упомянуть его работу «Абдулла Шаик» (1956), посвященную творчеству видного классика азербайджанской литературы.

Большие заслуги принадлежат А. Ф. Заманову и в области текстологии. Много внимания уделяется им и подготовке кадров литературоведов.

А. Ф. Заманов избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества. Он имеет ряд боевых наград, в том числе орден Отечественной войны первой степени и медали.

Коллеги и друзья А. Ф. Заманова, поздравляя его со славным юбилеем, желают ему доброго здоровья и больших успехов в его научно-педагогической деятельности.

К. А. Талыбзаде

НИНЕЛЬ ЗЕЙНАЛОВНА ГАДЖИЕВА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет заведующей лабораторией лингвистической компаративистики Института языкознания Академии наук СССР, доктору филологических наук, профессору Нинель Зейналовне Гаджиевой.

Н. З. Гаджиева родилась 4 декабря

1926 года в Баку. По семейным обстоятельствам она в 1935 году переезжает в Ленинград, а с 1939 года постоянно живет в Москве. В 1941 году Н. З. Гаджиева учится на курсах военных переводчиков (немецкий язык), а в 1943 году, окончив экстерном десятилетку, поступает в Московский университет. На восточном отделении филологического факультета она изучает тюркскую филологию под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Н. К. Дмитриева. По окончании университета в 1948 году Н. З. Гаджиева поступает в аспирантуру Института языка и мышления (ныне Институт языкознания Академии наук СССР), и с этого времени уже в течение почти четырех десятилетий ее научная деятельность связана с этим ведущим языковедческим учреждением страны. В 1952 году Н. З. Гаджиева защищает кандидатскую диссертацию «Типы придаточных предложений в современном азербайджанском языке» (опубликована в основных извлечениях в III томе «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков» — 1955 г.), а в 1963 году выходит из печати ее крупное исследование «Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении)». Теоретиче-

ские положения синхронного и исторического синтаксиса, на которых базируются названные первые монографические исследования Н. З. Гаджиевой, основательно переосмыслиются и развиваются ею в защищенной в 1970 году докторской диссертации «Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков» (М., 1973).

Работы Н. З. Гаджиевой посвящены прежде всего вопросам возможности реконструкции в области синтаксиса, которую она видит в соединении и взаимном учете реконструкций семантического типа и морфологической опоры той или иной синтаксической конструкции. В области синтаксиса сложного предложения ею введено в научный обиход понятие «трансформа». Она считает, что своеобразие придаточных предложений в тюркских языках со сказуемым в неличной форме сложилось исторически — как результат трансформации некогда самостоятельных синтаксически соположенных простых предложений. Этот процесс был, по ее мнению, достаточно сложным и противоречивым: образование трансформы первоначально шло под знаком преодоления первичного примыкания и сложения подобия одного предложения; далее трансформированные конструкции обособлялись, превращаясь в абсолютные обороты; в дальнейшем возникла тенденция выхода предложения за рамки простого посредством образования на базе трансформов конструкций союзного типа.

Теоретическая концепция Н. З. Гаджиевой и собранный ею значительный исторический материал легли в основу двух следующих книг, написанных в соавторстве с Б. А. Серебренниковым: «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (Баку, 1979; второе издание, исправленное и дополненное, вышло в Москве в 1986 г.) и «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис» (М., 1986), представляющая собой часть четырехтомного труда, подготовленного сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР.

Работы Н. З. Гаджиевой способствовали формированию в тюркологии нового важ-

ного научного направления: тюркской ареальной лингвистики. В двух своих книгах — «Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал» (М., 1975) и «Тюркоязычные ареалы Кавказа» (М., 1979) — она на основе анализа обширного диалектологического материала теоретически обобщила эвристические возможности ареальной лингвистики (в сравнении с лингвистической географией и диалектологией), распространяющиеся как на синхронию, так и на диахронию.

В Институте языкознания Академии наук СССР при активном участии и под руководством Н. З. Гаджиевой было создано новое научное подразделение — группа сравнительно-исторических исследований, преобразованная в 1986 году в лабораторию лингвистической компаративистики, объединяющую специалистов по языковым семьям различной генетической принадлежности и работающую над созданием большой серии коллективных трудов, с привлечением ведущих советских и некоторых зарубежных ученых по проблеме «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей». Первые две книги, посвященные возникновению компаративистики и ее распространению, написанные на материале неиндоевропейских языков, уже вышли из печати («Современное состояние и проблемы», М., 1981; «Задачи и перспективы», М., 1982). Подготовлены еще две книги, посвященные общим и частным вопросам теории реконструкции (третья книга — «Теория лингвистической реконструкции» — находится в печати).

В названной выше серии намечается подготовка двух циклов: исторические и историко-типологические грамматики (общие вопросы или принципы создания грамматик обоих видов) и грамматики конкретных языков или семей. Серию планируется завершить капитальными «Основами компаративистики».

Н. З. Гаджиева умело сочетает научную и научно-организационную деятельность с большой общественной работой. Пожелаем ей во всем этом новых успехов и значительных свершений.

*И. В. Кормушин, В. М. Солнцев,
Э. Р. Тенишев*

ЭЛЬВИРА АЛЕКСАНДРОВНА ГРУНИНА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и тридцать пять лет научно-педагогической деятельности исполняющей обязанности заведующего кафедрой тюрк-

ской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора филологических наук, профессора Эльвиры Александровны Груниной.

Э. А. Грунина родилась 26 ноября 1926 года в Москве. В 1949 году она окончила восточное отделение филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по кафедре тюркских языков. Уже в студенческие годы у будущего ученого пробудился интерес к теоретической лингвистике, особенно к грамматической семантике.

После окончания в 1952 году аспирантуры филологического факультета МГУ Э. А. Грунина начала преподавать на кафедре тюркских языков университета. За тридцать пять лет преподавательской работы Э. А. Грунина подготовила и прочитала лекционные курсы: введение в тюркологию, теоретическая грамматика турецкого языка, сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, сопоставительная грамматика русского и узбекского языков, история турецкого языка, лексикология турецкого языка, письменные памятники турецкого и узбекского языков, теория литературного языка (спецкурс), проблемы перевода, курс уйгурского языка и др.

Ее лекционным курсам свойственны широта проблематики, максимальная концентрация материала и ясность его изложения.

Э. А. Грунина является инициатором создания и автором курса исторической грамматики турецкого языка с элементами истории литературного языка. Наряду с лекциями она систематически вела семинарские занятия по чтению и комментирова-

нию тюркских письменных памятников XV—XVII веков.

С 1983 года Э. А. Грунина руководит кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Первой крупной научной работой Э. А. Груниной явилась ее кандидатская диссертация «Сложноподчиненное предложение в современном узбекском литературном языке» (М., 1952), впоследствии частично вошедшая в состав капитального обобщающего коллективного труда «Исследования по грамматике тюркских языков» (т. III, М., 1961). Основное внимание диссертанта было сосредоточено на структуре глагольно-именных конструкций: в работе были определены условия, в которых глагольное имя могло развертываться в предикативную или именную конструкцию. Эта тематика получила в дальнейшем развитие в статьях автора.

Многие годы Э. А. Грунина занимается изучением исторической грамматики турецкого языка. Ею разработаны такие важные разделы, как местоимения и микросистема индикатива. Монографическое исследование «Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении)» было защищено Э. А. Груниной в 1975 г. как докторская диссертация, выводы которой были опубликованы в целом ряде статей. Изучение исторической грамматики привело Э. А. Грунину к постановке и исследованию проблемы становления турецкого литературного языка. В работах этого цикла освещается предыстория турецкого языка и проводится мысль о существовании устной литературной традиции и своего рода наддиалектного языка раннеогузского типа IX—XII веков, сохранявшегося в своей наиболее стабильной части — морфологии — в региональных литературных языках Турции XIII—XIV веков.

Большую помощь начинающим исследователям оказывает Э. А. Грунина своими рецензиями и отзывами на книги и диссертации, которые отличаются доброжелательностью, принципиальностью и конструктивностью в оценках.

Впереди у Э. А. Груниной новые исследования и разработки. Ее коллеги и друзья желают ей доброго здоровья и полного осуществления всего ею задуманного и запланированного, дальнейших успехов в ее научно-педагогической деятельности.

*Г. Ф. Благова, Л. С. Левитская,
Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев*

ШУЛУУ ЧЫРГАЛ-ООЛОВИЧ САТ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и тридцать лет научно-педагогической деятельности видного тувинского языковеда, доктора филологических наук, профессора кафедры тувинского языка и литературы Кызылского государственного педагогического института Шулуу Чыргал-ооловича Сата.

Ш. Ч. Сат родился 15 сентября 1926 года в местечке Кашпал Улуг-Хемского района Тувы в семье арата-скотовода. По окончании в 1947 году кызылской средней школы он поступил на восточный факультет Ленинградского университета им. А. А. Жданова. Будучи студентом, Ш. Ч. Сат преподавал тувинский язык учащимся тувинской студии Ленинградского института им. А. Н. Островского.

С 1952 по 1955 год Ш. Ч. Сат — заведующий сектором языка и письменности Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, а с 1956 года — преподаватель тувинского языка и литературы Сарыг-Сепской средней школы. В марте 1956 года он был назначен редактором республиканской газеты «Тываның аныктары» («Молодежь Тувы»). В 1958 году поступил в аспирантуру Института национальных школ АПН.

С ноября 1959 года Ш. Ч. Сат работает в Кызылском государственном педагогическом институте, сначала в должности заведующего секцией тувинской филологии при кафедре русского языка, а затем декана филологического факультета, а с 1963 по 1983 год — заведующего кафедрой тувинского языка и литературы. В настоящее время он ведет курсы современного тувинского языка, диалектологии, древне-

тюркских письменных памятников, общего языкознания. В 1979 году ему было присвоено звание профессора по кафедре тувинского языка и литературы.

Педагогическую деятельность Ш. Ч. Сат успешно сочетает с научной работой, которая характеризуется широтой исследовательских интересов.

В 1962 году Ш. Ч. Сат успешно защитил кандидатскую диссертацию «Причастия в тувинском языке», а в 1973 году — докторскую «Формирование и развитие тувинского национального литературного языка».

В числе научных работ Ш. Ч. Сата монографии, словари, учебники, учебные пособия: «Тувинский язык» (грамматический очерк к «Тувинско-русскому словарю»), М., 1955; «Амгы тыва литературлуг дыл» («Современный тувинский литературный язык. Синтаксис»), Кызыл, 1966; «Тыва дылды шинчилеп келгениниң очериги» («Очерк исследования тувинского языка»), Кызыл, 1984; «Формирование и развитие тувинского национального литературного языка», Кызыл, 1971; «Амгы тыва литературлуг дыл» («Современный тувинский литературный язык. Лексикология, семасиология, фразеология, фонетика и морфология»), Кызыл, 1980 (в соавторстве); «Тыва дыл» («Тувинский язык»). Учебник для второго класса, Кызыл, 1975, 1983; Программа тувинского языка для IV—VIII классов и др.

Наряду с научно-педагогической деятельностью Ш. Ч. Сат активно участвует в общественной работе: избирался членом бюро обкома ВЛКСМ, депутатом горсовета нескольких созывов, членом обкома профсоюза работников просвещения. В настоящее время является членом Совета науки Тувинского обкома КПСС, членом терминологической комиссии при Совете Министров Тувинской АССР, членом учебно-методического совета при Министерстве просвещения Тувинской АССР, членом ученого совета Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Ш. Ч. Сат награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Тувинской АССР, медалью им. Н. К. Крупской, ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» и «Заслуженный учитель школы Тувинской АССР».

Коллеги и ученики Ш. Ч. Сата желают ему в связи с его шестидесятилетием доброго здоровья, новых успехов в научной и педагогической деятельности, счастья и благополучия.

К. А. Бичелдей, Ч. М. Доржу

ХРОНИКА

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ЖУРНАЛА «МОЛЛА НАСРЕДДИН»

Общественность Азербайджанской ССР широко отметила 80-летие прославленного на всем Ближнем и Среднем Востоке сатирического журнала «Молла Насреддин» — первого революционно-демократического периодического органа печати Азербайджана. Создателем и первым редактором журнала «Молла Насреддин» был выдающийся азербайджанский писатель и публицист Джалил Мамедкулизаде. Изданию этого журнала способствовала политическая обстановка, сложившаяся в стране после первой русской революции 1905 года. С первых номеров журнал вступил в активную борьбу против пережитков феодализма, произвола царского самодержавия, национальной розни, религиозного фанатизма. «Молла Насреддин» стал выразителем революционно-демократических идей, определивших новый этап в развитии общественно-политической мысли в Азербайджане.

На страницах журнала выступали прогрессивные талантливые писатели Азербайджана, такие, как Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабир, М. С. Ордубади, А. Ахвердов, А. Назми, А. Гамкюсар; его иллюстрировали выдающиеся художники А. Азимзаде, О. Шмерлинг, А. Роттер и др. Творческим методом авторов журнала был критический реализм, в каком бы жанре они ни выступали, будь то публицистика, поэзия и проза. Благодаря этому в Азербайджане в те годы сформировалась самобытная литературная школа, пронизанная духом политической борьбы.

За короткий срок журнал стал весьма популярным периодическим изданием в Азербайджане и в соседних с ним странах. В журнале «Молла Насреддин» получили дальнейшее успешное развитие луч-

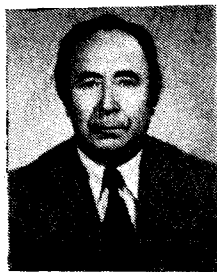
шие традиции устной и письменной классической азербайджанской литературы, в нем умело использовался новаторский опыт передовой русской периодики.

«Молла Насреддин» выработал свой новый сатирический стиль, органично связанный с народным юмором. Определенную роль сыграл он и в разработке нового демократического литературного языка. Как писал впоследствии Дж. Мамедкулизаде: «В области языка большой нашей смелостью явилось то, что мы не постеснялись писать на простом народном языке...». Одновременно журнал жестоко высмеивал литераторов, неоправданно и искусственно засорявших родной язык иноязычными заимствованиями, пытаясь создать некий «высокий стиль» литературного языка, который якобы должен был быть присущ «истинной литературе». Передовые идеи, которые утверждал на своих страницах журнал «Молла Насреддин», вызвали широкий резонанс и за пределами Азербайджана: в Иране, в других странах Ближнего и Среднего Востока, где также стали издаваться аналогичные журналы.

Журналу «Молла Насреддин» посвящен целый ряд монографических исследований азербайджанских литературоведов. К восьмидесятилетию журнала вышло в свет факсимильное издание номеров журнала за 1906—1907 годы, подготовленное Институтом литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. Последующие номера «Молла Насреддина», выходящего с перерывами в течение двадцати пяти лет, войдут в подготавливаемые очередные факсимильные издания и, таким образом, станут достоянием широкого круга читателей.

И. М. Агаев

«ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ „КИТАБИ-ДЕДЕ КОРКУТ”»

15 ноября 1985 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ордена Дружбы народов Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Текстологическое исследование „Китаби-Деде Коркут”», представленной старшим научным сотрудником Республиканского рукописного фонда Академии наук Азербайджанской ССР **Джамшидовым Шамилом Аллахверди оглы**.

Диссертация является первой обстоятельной работой, посвященной всестороннему текстологическому исследованию «Китаби-Деде Коркут» — памятника общегрузской и азербайджанской литературы. В диссертации впервые освещаются вопросы, связанные с восстановлением и переосмыслением текста этого памятника, а также с его исторической атрибуцией. На основе тщательного изучения Дрезденской рукописи эпоса диссертанту удалось установить, что этот памятник был создан в 444/1052 году, а дошедший до нас список, переписанный в XV веке, является третьим.

С целью воссоздания научно обоснованного текста эпоса, исходя из его специфических особенностей, диссертантом был применен разработанный им научный метод, основным критерием которого является «единство и логическое соответствие

внешних форм внутреннему содержанию». Использование этого метода позволило восстановить верное написание и значение более 800 слов, словосочетаний и предложений Дрезденской рукописи и различных изданий эпоса. В результате восстановления ряда топонимов и собственных имен было выявлено отношение некоторых исторических личностей к содержанию эпоса, раскрыто влияние на него исторических событий, уточнены географические границы последних, что проливает определенный свет на некоторые страницы древней истории Азербайджана.

Официальные оппоненты — академик АН Азербайджанской ССР М. З. Джафаров, д-р филол. наук, проф. В. А. Велиев, д-р филол. наук Т. А. Маггеррамов, а также выступившие на заседании член-корр. АН Азербайджанской ССР А. Ф. Заманов, д-р филол. наук, проф. Я. В. Караев, д-р филол. наук, проф. П. И. Халилов, д-р филол. наук А. Д. Рустамова дали высокую оценку исследованию Ш. А. Джамшидова. Такая же оценка диссертации дается и в отзывах заведующей кафедрой тюркологии Страсбургского университета (Франция) проф. И. Меликовой, профессора кафедры узбекской классической литературы Ташкентского госуниверситета С. Н. Нарзуллаевой.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Ш. А. Джамшидову исковой степени.

Решением ВАК СССР от 10 октября 1986 года (протокол № 40д/21) Ш. А. Джамшидову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

М. З. Нагиев

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1986 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
К XXVII СЪЕЗДУ КПСС	1	3— 4
Кононов А. Н. (Ленинград), Тенишев Э. Р. (Москва), Чарыяров Б. Ч. (Ашхабад). Тюркское языкознание в СССР в XI пятилетке. Итоги и проблемы	1	5— 14

* * *

Тенишев Э. Р. (Москва). Сотый номер журнала «Советская тюркология»	4	3— 4
--	---	------

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ РЕСПУБЛИКАХ
В XI ПЯТИЛЕТКЕ. СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ

Кайдаров А. Т., Базарбаев М. Б. (Алма-Ата). Казахская ССР	1	22— 30
Махмутова Л. Т., Юзеев Н. Г. (Казань). Татарская АССР	1	52— 60
Назаров Б. А., Каримов Э. А., Асфандияров И. У. (Ташкент). Узбекская ССР	1	41— 46
Садыхов А. (Фрунзе). Киргизская ССР	1	30— 34
Ураксин З. Г. (Уфа). Башкирская АССР	1	47— 52
Чарыяров Б. (Ашхабад). Туркменская ССР	1	34— 41
Ширалиев М. Ш., Будагова З. И., Караев Я. В. (Баку). Азербайджанская ССР	1	15— 21

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Акбаев Ш. Х. (Карачаевск). О причинах редукции гласных в тюркских языках	3	3— 13
Баскаков Н. А. (Москва). О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках	2	3— 11
Благова Г. Ф. (Москва). Потенциально грамматические содержания и их межуровневая реализация в истории тюркских языков	6	3— 13
Гузев В. Г. (Ленинград). Значения форм страдательного и возвратного залогов. Состав категории залога	4	5— 12
Нигматов Х. Г. (Бухара), Халмурадов Р. (Самарканд). О критериях выделения обстоятельства как члена предложения	5	3— 10

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Арсланов Л. Ш. (Елабуга). О взаимодействии языков карагашей и юртовских татар (ногайцев) с казахским языком	5	11— 15
Байрамова Л. К. (Казань). Ретроспективный взгляд на переводы фразеологии произведений В. И. Ленина на татарский язык	1	61— 66
Джиддалаев Н. С. (Махачкала). Из истории тюркско-дагестанских языковых контактов	6	14— 24
Кубатов А. Б. (Баку). Об азербайджанском лексическом влиянии на шахдагские языки	2	12— 20
Меметов А. (Ташкент). Русские кальки в крымскотатарском языке	4	11— 21
Надергулов У. Ф. (Уфа). Башкирско-казахские языковые контакты	3	14— 17

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

	№	Стр.
Бердибаев Р. (Алма-Ата). К проблеме историзма эпоса	2	21— 27
Сабанчиев Х.-М. А. (Нальчик). Из истории собирания и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев во второй половине XIX—начале XX века	5	16— 21
Урманчиев Ф. (Елабуга). Имя эпического героя	4	22— 33
Чудояков А. И. (Новокузнецк). История изучения жанра «кай»	1	67— 74

ОНОМАСТИКА

Ахметьянов Р. Г. (Казань), Бахтиев Ш. З. (Баку). К этимологии гидронима «йайык ~ джайык»	3	18— 20
Дегтярев Г. А. (Ленинград). О номинации трав в чувашском языке	1	75— 78
Мингбаев Н. Я. (Сырдарья). Об этимологии макротопонима «Мирзачуль»	4	34— 38
Молчанова О. Т. (Львов). Притяжательные словосочетания в номинации географических объектов Горно-Алтайской автономной области	2	28— 39
Петров Л. П. (Чебоксары). Из истории чувашских названий хищных птиц	6	25— 33
Саггаров Г. Ф., Мазитова Ф. Л. (Казань). Становление и развитие фамилий в татарской антропонимии	3	22— 31

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Абдуллаев А. З. (Баку). Об афинитных конструкциях в тюркских языках	2	51— 55
Баскаков Н. А. (Москва). О некоторых общих задачах тюркского языкознания	4	39— 52
Кузнецов П. И. (Москва). О происхождении аффиксов глагольного отрицания -ba/-bā, -ra/-rā, -ta/-tā	5	37— 43
Маштакова Е. И., Угургаури С. Н. (Москва). Об исследовании советскими тюркологами литературного процесса в Турции	6	34— 39
Серебрянников Б. А. (Москва). О несостоятельности аргументов, применяемых для доказательства звукоперехода <i>г</i> в <i>з</i>	4	53— 59
Хелимский Е. А. (Москва). Происхождение древнетюркского чередования <i>г</i> ~ <i>з</i> и дилемма «ротацизма—зетацизма»	2	40— 50
Щербак А. М. (Ленинград). Место наречия в исторических грамматиках тюркских языков	5	32— 36

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Аджиев А. М., Кадыраджиев К. С. (Махачкала). Состояние и перспективы развития кумыкской филологии	3	69— 77
Азербайев Э. Г. (Москва). О лексике японского и тюркского языков, связанной с терминами родства	6	59— 68
Айбазова Е. С., Сикалиев А. И.-М. (Черкесск). Состояние и перспективы развития ногайской филологии	3	61— 68
Бектаев К. Б. (Чимкент), Пиотровский Р. Г. (Ленинград). Автоматическая переработка текста. Лингвистические аспекты искусственного интеллекта	5	80— 84
Бирюкович Р. М. (Саратов). Некоторые способы выражения активности/инактивности в чувлымско-тюркском языке	2	83— 90
Будагова З. И. (Баку). Об изучении языка азербайджанского фольклора	6	40— 48
Бушуй А. М., Яхшиев А. А. (Самарканд). Фразеология узбекской диалогической речи	3	27— 33
Гаджихамедов Н. Э. (Махачкала). Еще раз о видах тюркского глагола	5	44— 49
Гаркавец А. Н. (Киев). Фонетическая субституция как прием «поэтизации» урумской песенной речи	3	43— 50
Гузев Ж. М. (Нальчик). Фонетические и морфологические особенности чокающего диалекта карачаево-балкарского языка	3	34— 36
Донадзе Н. З. (Москва). Лингвистический атлас Европы и его тюркский ареал	5	87— 89
Доспанов У. Д. (Нукус). Филологические науки в Каракалпакии в XI пятилетке	4	89— 92

	№	Стр.
<i>Кондратьев В. Г.</i> (Ленинград). Язык намятников древнетюркской письменности и староанатолийско-тюркский язык XIII—XV веков	4	83— 88
<i>Куулар К. Б.</i> (Москва). Совместно-взаимный залог в тувинском языке	2	73— 82
<i>Мамедов Э. Э.</i> (Баку). Просодика азербайджанского языка с позиции суперсегментной фонологии	3	21— 26
<i>Матгазиев А., Муминов С.</i> (Фергана). Роль мотивации в образовании номинативных средств узбекского языка	5	50— 55
<i>Мирзаева Л. Х.</i> (Москва). О составе бытовой лексики современного узбекского языка	2	60— 66
<i>Мотузенко Е. М., Гайдаржи Г. А.</i> (Бельцы). Семантические условия калькирования значений	1	91— 94
<i>Мусабекова Н. Ч.</i> (Баку). Об образовании этногидронимов Азербайджана	2	67— 72
<i>Мусаев М. М.</i> (Баку). Структурно-функциональная классификация определительных придаточных предложений в тюркских языках	4	60— 67
<i>Нурманов А. Н., Саидханов М. М.</i> (Андижан). Паралингвистические средства выражения утверждения и отрицания	5	61— 69
<i>Познанский В. С.</i> (Новосибирск). Материалы по тюркологии в архиве редакции «Сибирской Советской Энциклопедии»	1	95—101
<i>Расулов Р.</i> (Ташкент). Агенная валентность залоговых форм глаголов состояния	4	68— 77
<i>Рахимов С.</i> (Андижан). Дейктические маркеры локальности в современном узбекском языке	2	56— 59
<i>Салихова Д. А.</i> (Елабуга). Об одном морфонологическом явлении в татарском языке	5	56— 60
<i>Сафиуллина Ф. С.</i> (Казань). Развитие синтаксиса татарского литературного языка в советскую эпоху	1	79— 90
<i>Симеонов М. Б.</i> (Кырджали, НРБ). Еще раз по поводу надписи из Фыркалы	5	85— 88
<i>Улаков М. З.</i> (Нальчик). Проблемы карачаево-балкарской стилистики	3	56— 60
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). Об «икании» и «экании» в гератском диалекте староузбекского языка XV века	4	78— 82
<i>Федотов М. Р.</i> (Чебоксары). О происхождении двух типов пратюркского языка	3	51— 55
<i>Ховратович В. В.</i> (Москва). Спектральный анализ гласных турецкого языка	2	91— 96
<i>Худиев Н. М.</i> (Баку). Об образовании неологизмов в азербайджанском языке	3	37— 42
<i>Щека Ю. В.</i> (Москва). Предикативные конструкции с полнозначными фиксированными элементами в турецкой разговорной речи	5	70— 79
<i>Юсипова Р. Р.</i> (Москва). Словообразовательная продуктивность—непродуктивность реликтовых аффиксов в современном турецком языке	6	49— 58

РЕЦЕНЗИИ

<i>Абдуазизов А. А.</i> (Ташкент), <i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика»	3	78— 80
<i>Алекперов А. К.</i> (Баку). Фиридун Челилов. Азербайжан дили морфолокијасындан очеркләр	1	102—103
<i>Асланов В. И.</i> (Баку). А. Т. Кайдаров. Структура односложных корней и основ в казахском языке	6	69— 73
<i>Ахметгалиева Я. С.</i> (Ленинград). Т. Х. Хайрутдинова. Говор златоустовских татар	5	99—100
<i>Ахундов А.</i> (Баку). Э. З. Абдуллаев. Дил, сијасәт, сәсиал тәрәгги	6	83— 84
<i>Будагова З. И., Новрузов М. Д.</i> (Баку). И. Қучқортөев, Б. Исабеков. Туркий филологияга кириш	2	101—103
<i>Джавадов А. М., Юсифов Ю. Г.</i> (Баку). Нәсән Мирзәев. Азербайжан дилинде фел	6	78— 80
<i>Жубанов Е.</i> (Алма-Ата). Құлмат Өмірәліев. VIII—XII ғасырлардағы көне түркі әдеби ескерткіштері	6	82— 83
<i>Ибрагимов С. М.</i> (Казань). М. З. Зәкиев. Хәзерге татар әдеби теле синтаксисы һәм пунктуациясе	3	81— 82
<i>Исамбердиев Б. Ш.</i> (Бухара). А. Р. Сайфуллаев. Семантико-грамматические особенности членов предложения в современном узбекском языке	3	89— 90
<i>Исламов М. И.</i> (Баку). «Вопросы диалектологии тюркских языков»	5	102—105

	№	Стр.
Кондратьев В. Г. (Ленинград). «Turgologica. 1986».	5	93—96
Кононов А. Н. (Ленинград). И. Н. Шервашидзе. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей	5	90—93
Кононов А. Н. (Ленинград). М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков	2	97—101
Корабаев С. (Алма-Ата). Б. Ш. Абылкасимов. Жанр толгау в казахской устной поэзии	2	105—106
Курышжанов А. К. (Караганда). Т. Р. Кордабаев. Түркология тарихына; Т. Р. Кордабаев. Түркология ғылымының даму тарихына	4	96—97
Кязимов Г. Ш., Мамедова К. А. (Баку). Гасән Мирзәев. Азәрбајҹан дилинде садә фелләр	2	106—107
Латыпов Ч. Ю. (Уфа). Д. Х. Бакеева. Сопоставительная фонетика английского и татарского языков	4	98—99
Малехова А. (Ленинград). Н. Г. Гулямова. Русские лексические заимствования в узбекском языке	6	80—82
Малкондуев Х. (Нальчик). З. Х. Толгуров. Движение балкарской поэзии	4	101—102
Мусаев К. М. (Москва). А. Меметов. Татар тили грамматикасының практикумы	1	105—106
Нигматов Х. Г. (Бухара), Умаров Э. А. (Ташкент). Э. А. Бегматов. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг лексик қатламлари	6	73—75
Нигматов Х. Г., Гиясов С. Т. (Бухара). А. Хамитова. Туркий тилларда сўз маъносининг аналитик йул билан кучайтирилиши	1	104—105
Оразав Г. М.-Р. (Махачкала). С. Х. Акбиев. Связь времен и дружба литератур	4	99—101
Османлы В. (Баку). Камал Талыбзаде. Азәрбајҹан әдәби тәнҗидинин тарихи	1	106—108
Сафиуллина Ф. С. (Казань). З. Р. Садыкова. Говоры оренбургских татар	6	75—78
Ураксин Э. (Уфа). М. Ф. Чернов. Фразеология современного чувашского языка	5	96—99
Хаков В. Х. (Казань). Х. Р. Курбатов. Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика	2	103—105
Хисамова Ф. М. (Казань). Ф. Ю. Юсупов. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка	3	85—89
Чернов М. Ф. (Чебоксары). «Чувашско-русский словарь»	4	93—96
Шерматов А. Ш., Акмоллаев Э. С. (Ташкент). Г. Қайдаров, М. Оразов. Түркологияға кіріспе	3	83—85
Юсупов Р. А. (Казань). В. Х. Хаков. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше (20—30-нчы еллар)	5	100—102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ахундов А. А. (Баку), Кажибекоев Е. З. (Алма-Ата). «Третье расширенное совещание по проблемам этимологии тюркских языков»	4	103—107
Благова Г. Ф., Поцелуевский Е. А. (Москва). Двенадцатое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	3	91—101
Кормушин И. В., Поцелуевский Е. А., Пюрбеев Г. Ц. (Москва). IV Всесоюзная тюркологическая конференция	6	85—93
Скрибник Е. К. (Новосибирск). «Сложное предложение в языках разных систем»	6	93—96

PERSONALIA

Бичелдей К. А., Доржу Ч. М. (Кызыл). Шулуу Чыргал-оолович Сат	6	101
Благова Г. Ф., Левитская Л. С., Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р. (Москва). Эльвира Александровна Грунина	6	99—100
Ибрагимов С. М., Низамов И. М. (Казань). Вахит Хозятович Хаков	4	109—110
Кормушин И. В., Соляцев В. М., Тенишев Э. Р. (Москва). Нинель Зейналовна Гаджиева	6	98—99
Серебрянников Б. А. (Москва), Шайхайдарова Д. Ш. (Казань). Дияляра Гарифовна Тумашева	4	108—109

	№	Стр.
Талыбзаде К. А. (Баку). Аббас Фаттах оглы Заманов	6	97— 98
Ураксин З. Г. (Уфа). Тагир Галлямович Башиев	4	110
Хаджиев А. П., Гаюпов С. И. (Ташкент). Шавкат Убайдуллаевич Рахматуллаев	2	108—109

ХРОНИКА

Агаев И. М. (Баку). Восьмидесятилетие журнала «Молла Насреддин»	6	102
Кормушин И. В. (Москва). Заседание Бюро Советского комитета тюркологов	3	102—103
«Текстологическое исследование „Китаби-Деде Коркут“»	6	103

НЕКРОЛОГИ

Велиев Абдулла Гусейн оглы	3	107—108
Лукасян Ворошил Леонович	5	108—109
Гулямов Аюб Гулямович	3	106—107
Кононов Андрей Николаевич	5	106—108
Муталлибов Салих	3	105—106
Нурмухамедов Марат Коптлеуич	3	104—105

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. Ф. Благова (Москва). Потенциально грамматические содержания и их межуровневая реализация в истории тюркских языков 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Н. С. Джидалаев (Махачкала). Из истории тюркско-дагестанских языковых контактов 14

ОНОМАСТИКА

- Л. П. Петров (Чебоксары). Из истории чувашских названий хищных птиц 25

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Е. И. Маштакова, С. Н. Утургаури (Москва). Современные исследования советских тюркологов литературного процесса в Турции 34

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- З. И. Будагова (Баку). Об изучении языка азербайджанского фольклора 40
Р. Р. Юсипова (Москва). Словообразовательная продуктивность—непродуктивность реликтовых аффиксов в современном турецком языке 49
Э. Г. Азербает (Москва). О лексике японского и тюркских языков, связанной с терминами родства 59

РЕЦЕНЗИИ

- В. И. Асланов (Баку). А. Т. Кайдаров. Структура односложных корней и основ в казахском языке 69
Х. Г. Нигматов (Бухара), Э. А. Умаров (Ташкент). Э. А. Бегматов. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг лексик қатламлари 73
Ф. С. Сафиуллина (Казань). З. Р. Садыкова. Говоры оренбургских татар 75
А. М. Джавадов, Ю. Г. Юсифов (Баку). Насан Мирзэев. Азербайжан дилинде фе'л 78
А. Н. Малехова (Ленинград). Н. Г. Гулямова. Русские лексические заимствования в узбекском языке 80
Е. Жубанов (Алма-Ата). Қўлмат Өмірәлиев. VIII—XII ғасырлардағы көне түркі әдеби ескерткіштері 82

- А. Ахундов (Баку). Э. З. Абдуллаев. Дил, сijasэт, сосиал тэрэгги 83

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И. В. Кормушин, Е. А. Поцелуевский, Г. Ц. Пюрбеев. IV Всесоюзная тюркологическая конференция 85
- Е. К. Скрибник (Новосибирск). «Сложное предложение в языках разных систем» 93

PERSONALIA

- К. А. Талыбзаде (Баку). Аббас Фаттах оглы Заманов 97
- И. В. Кормушин, В. М. Солнцев, Э. Р. Тенишев (Москва). Нинель Зейналовна Гаджиева 98
- Г. Ф. Благова, Л. С. Левитская, Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев (Москва). Эльвира Александровна Грунина 99
- К. А. Бичелдей, Ч. М. Доржу (Кызыл). Шулуу Чыргал-оолович Сат 101

ХРОНИКА

- И. М. Агаев (Баку). Восьмидесятилетие журнала «Молла Насреддин» 102
- «Текстологическое исследование „Китаби-Деде Коркут“» 103
- Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1986 году (№№ 1—6) 104

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- G. F. Blagova (Moscow). On potentially grammatical contents and its interlevel realization in history of Turkic 3

LANGUAGES IN CONTACT

- N. S. Jidalayev (Makhachkala). From history of Turkic-Daghestan languages in contact 14

ONOMASTICS

- L. P. Petrov (Cheboksari). From history of Chuvash names of birds of prey 25

DISCUSSIONS

- Y. I. Mashtakova, S. N. Uturgauri (Moscow). On studying literary process in Turkey by Soviet turcologists 34

REPORTS, SURVEYS

- Z. I. Budagova (Baku). On studying Azerbaijan folklore language 40
- R. R. Yusipova (Moscow). Word-formative productivity—unproductivity of relic affixes in modern Turkish 49
- E. G. Azerbayev (Moscow). On Japanese and Turkish vocabulary associated with kinship terms 59

REVIEWS

<i>V. I. Aslanov</i> (Baku), <i>A. T. Кайдаров</i> . Структура односложных корней и основ в казахском языке	69
<i>H. G. Nigmatov</i> (Bukhara), <i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Э. А. Берматов. Ҳозирги ўзбек адабий гилининг лексик қатламлари	73
<i>F. S. Safiullina</i> (Qazan), <i>З. Р. Садыкова</i> . Говоры оренбургских татар	75
<i>A. M. Javadov</i> , <i>Y. G. Yusifov</i> (Baku). Нәсрн Мирзәјев. Азәрбајҹан дилиндә фе'л	78
<i>A. N. Malekhova</i> (Leningrad), <i>Н. Г. Гулямова</i> . Русские лексические заимствования в узбекском языке	80
<i>Y. Zhubanov</i> (Alma-Ata). Қўлмат Өмірәлиев. VIII—XII ғасырлардағы көне түркі әдеби ескерткіштері	82
<i>A. Akhundov</i> (Baku). Э. З. Абдуллаев. Дил, сијасәт, сәсиал тәрәғғи	83

SCIENTIFIC LIFE

<i>I. V. Kormushin</i> , <i>Y. A. Potseluyevsky</i> , <i>G. Ts. Purbeyev</i> . The Fourth turcology conference	85
<i>Y. K. Skribnik</i> (Novosibirsk). «Composite sentences in languages of different systems»	93

PERSONALIA

<i>K. A. Talybzade</i> (Baku), <i>Abbas Fattah ogly Zamanov</i>	97
<i>I. V. Kormushin</i> , <i>V. M. Solntsev</i> , <i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). <i>Ninel Zeynalovna Gadjiyeva</i>	98
<i>G. F. Blagova</i> , <i>L. S. Levitskaya</i> , <i>Y. A. Potseluyevsky</i> , <i>E. R. Tenish'ev</i> (Moscow). <i>Elvira Aleksandrovna Grunina</i>	99
<i>K. A. Bicheldey</i> , <i>Ch. M. Dorju</i> (Kyzyl). <i>Shulun Chyrgal-oolovitch Sat</i>	101

CHRONICLE

<i>I. M. Agayev</i> (Baku). Eighty years of «Molla Nasraddin» magazine	102
«A textological analysis of „Kitabi-Dede Korkut”»	103
Index of articles published in «Soviet Turcology» magazine in 1986 (№№ 1—6)	104

© «Советская тюркология», 1986 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 5.02.87 г. Подписано к печати 22.05.87 г. ФГ 21555. Формат бумаги
 $70 \times 108^{1/16}$ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 1552. Тираж 2515. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.